

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

И. А. БУНИНА

III

ПЕТРОПОЛИСЪ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

И. А. БУНИНА

III

ДРЕВНІЙ ЧЕЛОВѢКЪ

ПЕТРОПОЛИСЪ / 1934 г.

Tous droits de reproduction, de traduction et d'adaptation
réservés pour tous pays

Copyright 1934 by Ivan Bunin.

ДРЕВНИЙ ЧЕЛОВѢКЪ

КРИКЪ

Однажды ранней весной шли мы въ Батумъ изъ Портъ-Саида.

Въ Стамбулѣ была чума, дѣла нашъ грузовикъ тамъ не имѣлъ; мы рѣшили миновать Золотой Рогъ, а разсвѣта дожидаться въ Ковакахъ, у входа въ Черное море: ночью изъ Босфора не выпускаютъ. И вотъ отправили съ нами изъ Дарданеллъ двухъ турокъ, двухъ карантинныхъ стражей, дабы они удостовѣрили, придя въ Коваки, что остановки на Босфорѣ не дѣлалось.

Снялись мы изъ Дарданеллъ въ четыре. Въ пять матросы обѣдаютъ. Передъ обѣдомъ полагается имъ по манеркѣ спирту. Но былъ чистый четвергъ, нѣкоторые сочли за грѣхъ пить въ такой день. А чтобы спиртъ не пропадалъ даромъ, поднесли — для потѣхи — туркамъ. Спиртъ свалилъ ихъ, непривычныхъ къ вину, съ ногъ, и они заснули: одинъ, рослый, дюжій, на кормѣ, надъ самымъ винтомъ, другой, маленькій, на крышкѣ трюма между кормой и машинной частью. И передъ тѣмъ, какъ заснуть, этотъ маленькій долго бормоталъ и по-турецки, и по-гречески, и даже по-русски:

— Руссь — карашо, арабъ — нѣтъ карашо!

Онъ разсказываль, что у него, человѣка простого и бѣднаго, жена была такая красавица, что онъ даже по имени не зваль ее никогда, а говорилъ: «джанымъ, сердце мое», что она уже давно умерла, родивъ ему сына, что и сынъ его былъ красивъ, нѣженъ и почтителенъ, какъ дѣвушка, да увезли его въ Стамбуль, отравили на войну, въ Аравію. А ужъ изъ Аравіи не вернешься, нѣтъ! — говорилъ онъ. И, вскакивая, громко вскрикиваль, какъ бы стрѣляя изъ карабина, падалъ на спину, изображая убитаго наповаль, и задираль свои кривыя ноги въ шерстяныхъ полосатыхъ чулкахъ. Штаны его, очень узкіе книзу, были въ заплатахъ, мундиръ — коротенькій, истрепанный, феска грязная, бараньи глаза мутны, усы вислые, подбородокъ давно не бритъ, лицо все въ морщинахъ. И матросы кохотали и жалостно говорили:

— Вино-то, вино-то, братцы, чтó дѣласть!

Вечеромъ я легъ спать и приказаль разбудить себя, лишь только откроется маякъ. Около двухъ часовъ ночи вѣстовой постучаль въ дверь моей каюты и нѣгромко сказалъ:

— Подходимъ.

Я одѣлся и вышелъ. Въ каютѣ-компаніи тускло и печально горѣль одинъ режокъ. Легкій свѣжій бризъ дуль въ открытую дверь, за которой синѣла лунная ночь, и, сухо шелестя, чуть трепетали перистыя вѣточки карликовой японской пальмы, стоявшей въ горшкѣ у камина. Среди тишины, царившей всюду, выдѣлялись только этотъ шелестъ да медленное постукиваніе стѣнныхъ часовъ. А чуть слышный звонъ рюмокъ, которыми увѣшанъ потолокъ въ буфетѣ, и та слабая дрожь, которой дрожитъ весь пароходъ отъ машины,

работающей въ глубинѣ его глухо и мѣрно, какъ огромное сердце, не нарушали тишины. Я вышелъ на лѣвый бортъ — и заглядѣлся на приближающійся Стамбуль, на рѣдкіе ночные огни его, матово блестяшіе за бѣлесымъ тонкимъ паромъ, на его призракъ, фантастическій и величавый, таинственно-блѣдный на синевѣ лунной ночи. . .

Потомъ поднялся на мостикъ. Глядя впередъ, за фокъ-мачту, дежурили у телеграфа капитанъ и вахтенный помощникъ, въ шапкахъ, въ теплыхъ курткахъ. Они не обернулись, когда я сталъ за ними, возлѣ штурманской рубки, гдѣ въ сумракѣ, держась за рога рулевого колеса и не спуская глазъ съ компаса, освѣщеннаго низко спущенной электрической лампочкой подъ колпакомъ, каменѣлъ рулевой. Они, тоже завороченные ночью и Стамбуломъ, роняли слова команды медленно, вполголоса.

— Пять градусовъ лѣво — безстрастно, не оборачиваясь, говорилъ капитанъ.

— Есть пять градусовъ лѣво, — протяжнымъ сильнымъ альтомъ отзывался рулевой.

Мѣрно, медленно отдавались изъ глубины вздохи машины, и медленно шло и развѣтывалось передъ нами сказочное царство великаго города.

— Такъ держать, — просто и осторожно говорилъ капитанъ.

— Та-акъ держа-ать! — на четыре тона выше бралъ рулевой.

Я поднялся на штурманскую рубку. . . Мертвый штиль. Полная ясная луна стоитъ справа, почти сзади насъ, надъ туманными силуэтами Принцевыхъ остро-

вовъ. Огромная золотая полоса продольно блещеть между ними, подъ той тѣнью, что́ всегда лежитъ по горизонту за луннымъ блескомъ. Блескъ зеленоватаго стекла возникаетъ и гаснетъ, переливается по валамъ возлѣ самаго борта. Но все въ отдаленіи, — и холмистыя побережья, и Золотой Рогъ, медленно раскрывающійся передъ нами, и блѣдные призраки Скутари, Стамбула, Галаты, — все подернуто матово-бѣлосой чадрой, нѣжной, прозрачной, какъ драгоценныя брусскіе газы. И за этой чадрой, какъ несмѣтные глаза, таинственные и прекрасные, матово и недвижно блещутъ несмѣтные, далекіе и близкіе огни: золотые, мелкіе — густо насыпанные, среди темныхъ садовъ на скутарійскомъ берегу; роями усѣявшіе съ верху до низу гору Галаты; изумрудные и рубиновые, крупныя — на мачтахъ въ Золотомъ Рогѣ, на буяхъ, на сторожевыхъ лодкахъ, длинно отражающіеся въ зеркальной водѣ; рѣдкіе и сонныя — въ Стамбулѣ, спящемъ съ открытыми блестящими глазами на своихъ холмахъ противъ луны. . . Я различалъ деревянные дома его предмѣстій, легкіе, безконечно-высокіе минареты вокругъ чаше-образныхъ куполовъ бѣлой Ахмедіа, древній, дорогой мнѣ куполь Софіи, сады Серала и сѣрую стѣну дворца Константина. Я опять обонялъ этотъ особый, сладкій и сухой ароматъ береговъ Турціи. . . Вдругъ откуда-то издалека пронесся въ тишинѣ чей-то слабый рыдающій зовъ:

— Юсу-уфъ! — крикнулъ кто-то.

Все ближе роились огни. Мы шли, а мимо насъ несло назадъ красныя фонарики на сторожевыхъ лодкахъ. Я подумалъ: это, вѣрно, кто-нибудь на сторожевой лодкѣ крикнулъ; можетъ быть, это убійство и

воплъ о пощадѣ; можетъ быть, контрабандиста-грека поймали. . .

Вотъ опять негромкая команда и альтъ рулевого. Луна мѣняетъ мѣсто, надвигается справа скутарійскій берегъ — далеко по зеркальной водѣ легла тѣнь его. Уже прошла гора Галаты, сплошь залитая каменнымъ городомъ, подернутая прозрачно-бѣлымъ покровомъ. Сзади остались два сонныхъ сквозныхъ изумруда, низко, одинъ надъ другимъ повисшихъ надъ водою, — тамъ, гдѣ торчитъ изъ воды бѣлая башенка Леандра. Носъ парохода медленно поворачиваетъ, — закрывается выходъ въ Мраморное море, блещущій, какъ стеклянно-золотое поле, возлѣ Серальскаго мыса. Это поле меркнетъ; раздается короткій хрустальный звонъ телеграфа; мы все круче забираемъ вправо. Теперь уже нигдѣ нѣтъ блеска. Бѣломраморные дворцы тянутся по лѣвому прибрежью, купая въ водѣ широкія ступени своихъ мраморныхъ пристаней. Тѣнь достигаетъ и до нихъ; зеленовато-блѣденъ въ тѣни мраморъ. . .

— Юсуфъ! — опять долетаетъ откуда-то издалека.

Я прислушиваюсь; и опять забываю объ этомъ воплѣ.

Отъ тѣни ярче и зеленѣе кажется холодная весенняя ночь, зеркальнѣе луна. Чище, синѣе звѣздное небо. Порою вершины малоазійскаго берега, по низамъ покрытаго вилами, садами и рощами, отдаляются. Впереди я вижу высокій круглый холмъ. Какъ мягко и отчетливо выдѣляется онъ на свѣтломъ небѣ! Какъ спокойны и легки очертанія нѣсколькихъ итальянскихъ пиній, вѣнчающихъ его темя, ихъ короткіе стволы и темные зонты! А вотъ сѣдловина между горами

— и луна, стоящая за нею, чуть блѣднѣетъ. . . Но закрывается и сѣдловина, — идемъ подѣ темнымъ склономъ въ густыхъ садахъ, гдѣ надѣ черепичными крышами висятъ черные кипарисы. Первый робкій соловей звучно и сладко окликнулъ сады — и затихъ. . .

— Юсуфъ! — страстно, захлебываясь слезами, кличетъ голосъ съ кормы. — Юсу-уфъ!

Спустившись съ рубки, я быстро пошелъ туда. Сбѣжалъ по трапу со спардэка, прошелъ возлѣ мѣрно и глубоко вздыхающей машины, обдавшей меня своимъ тепломъ и запахомъ разогрѣтаго масла. . . Опять луна перемѣнила мѣсто. Она далеко за кормою, надѣ золотымъ огромнымъ озеромъ, которымъ сталъ теперь Босфоръ среди сомкнувшихся береговъ. . . И, еще разъ сбѣжавъ, увидѣлъ я черную фигурку, на колѣняхъ, спиной ко мнѣ стоящую на крышкѣ трюма. Она садилась порою на пятки, какъ дѣлаютъ это во время молитвы, порывисто поднималась, что-то искала въ рогожкѣ, служившей ей вмѣсто коврика, и опять откидывалась и, воздѣвая руки, страстно, кратко, съ несказанной болью и мольбою вскрикивала:

— Юсу-уфъ!

И я все понялъ.

Онъ, этотъ оборваный маленькій турокъ, заснулъ, набормотавшись, напѣвшись спяну греческихъ пѣсень. Онъ проспалъ все Мраморное море. И вдругъ очнулся возлѣ самаго Стамбула, отнявшаго у него сына. . . Онъ покорно, какъ истый мусульманъ, принялъ и затаилъ въ сердцѣ свое горе. Никто не замѣчалъ слѣдовъ скорби въ его равнодушныхъ морщинахъ, въ безстрастно поднятыхъ бровяхъ и висячихъ усахъ. Да

и слишком тупо ныла эта скробь въ его сердцѣ. Но вотъ это путешествіе въ Коваки, эти чужіе люди, начавшіе угощать его махоркой и огненной водкой. . . Сведенный ею съ ума, чувствуя, что онъ плыветъ въ городъ самого падишаха, сталъ онъ съ болѣзненнымъ восхищеніемъ вспоминать, какъ увозили туда его сына, представлять себѣ съ непонятнымъ восторгомъ, какъ убили его въ Аравіи. . . И свалился наконецъ, потерялъ сознание. . . А потомъ вдругъ очнулся. Что-то тяжело томило его въ пьяномъ тяжкомъ снѣ. Когда же открылись его глаза, почувствовалъ онъ позднюю ночь по той тишинѣ, которая окружала его, увидалъ величавый и фантастическій въ лунномъ свѣтѣ призракъ Стамбула — и внезапно, всѣмъ существомъ своимъ, можетъ-быть, впервые постигъ всю глубину того, что дѣлала Стамбулъ съ его никому не нужной, жалкой жизнью и съ прекрасной молодостью Юсуфа. И это о немъ, о сынѣ, рассказывалъ онъ хохотавшимъ русскимъ собакамъ!

Я подошелъ къ нему. Онъ повернулъ ко мнѣ блѣдное въ лунномъ свѣтѣ, все мокрое отъ слезъ, съ мокрыми висячими усами лицо, выпучилъ на меня свои бараньи, остеклянѣвшіе отъ яда, отъ рыданій и натуги глаза. . . Зачѣмъ подъ нимъ эта скомканная рогожка? Можетъ-быть, онъ вспомнилъ еще и то, что проспала вечернюю молитву, и кинулся, падая и опять поднимаясь, разстилать эту рогожку. . . Но до молитвы ли! Все мѣшается въ его мозгу, онъ чувствуетъ только одно — ужасъ и тоску. И вдругъ начинаетъ кричать Стамбулу, лунной ночи, что онъ одинъ и погибаетъ. Нѣтъ, этого не можетъ быть! Сынъ живъ, онъ долженъ быть живъ, онъ долженъ вернуться!

Я взялъ его ледяную руку. Онъ отшатнулся, вырвалъ ее. И опять, не сладивъ съ хмелемъ, тяжело упалъ задомъ на пятки. Неудержимо катившіяся слезы застилали его изумленные глаза, пьяный насморкъ за-тыкала дыханіе.

— Юсуфъ! — крикнулъ онъ тупо и кратко, какъ человекъ, вынырнувшій изъ воды.

И завопилъ, затрясшись отъ рыданій, захлебываясь и простирая руки къ Стамбулу:

— Юсуфъ! Юсу-уфъ!

Неслась вода мимо борта. Золотое озеро за кормою меркло.

28. VI. 1911.

СМЕРТЬ

Во имя Бога милостиваго, милосердаго.

Вотъ разсказъ о смерти пророка, — миръ ему! — дабы утвердились сомнѣвающимся въ необходимости покоряться Вожатому.

«Мы не видѣли и не видимъ Его», — говорятъ они. Но солнце не виновато, что глазамъ летучей мыши не дано зрѣнія. Сердце человѣка ищетъ вѣры и защиты. Кто же прибѣгаетъ къ защитѣ совы? Лучше мечтать о снѣи феникса, хотя бы фениксъ и не существовалъ въ мѣрѣ. Снѣи же Творца существуетъ отъ вѣка.

Черноухъ слѣдуетъ за львомъ: левъ знаетъ, гдѣ добыча, а черноухъ питается остатками его трапезы. Такъ шли евреи за пророкомъ изъ Египта. По милости Божіей, онъ совершилъ подвигъ.

Онъ испыталъ сладость сна, пробужденія и ласки въ дѣтствѣ. Царская дочь качала его на своихъ темныхъ и круглыхъ рукахъ, гладкихъ, какъ змѣя, но теплыхъ, какъ плодъ на солнцѣ. Она радостно и пристально смотрѣла на него черными глазами и порывисто цѣловала, прижимая къ холоднымъ грудямъ; она притворно душила его, какъ дѣлаютъ это всѣ дѣвушки. Вспоминая подобное, не одинъ восклицаетъ въ

сердцѣ: «Зачѣмъ не юношей былъ я тогда!» Но всему свое время.

Фараонъ далъ ему перстень власти и одежды царедворца. Когда утрення свѣжесть смѣняется тепломъ солнца, когда на базарѣ поливають укропъ, чтобы привлечь обоняніе покупателя, когда пахнетъ изъ трубъ и туманомъ съ большой рѣки, по которой медленно, въ пару, идутъ высокіе бѣлые паруса, а рѣдкобородый буйволъ, сизый и шершавый, какъ свинья, тупо глядитъ на нихъ, поднимаясь изъ прибрежнаго ила, пророкъ, чувствуя силы и бодрость, вѣхаль въ колесницѣ надзирать за полевыми работами и могъ по головѣ стегать бичомъ лѣнниковъ, кричать на нихъ до красноты лица, чтобы сладко, въ сознаніи исполненнаго долга, отдохнуть потомъ въ легкой тѣни пальмъ, на сухой плотинѣ между каналами.

Возмужавъ, онъ провелъ десять лѣтъ въ супружествѣ. Онъ спалъ съ женщиной богатой и дородной, онъ наслаждался ею ночью, а днемъ — своими распоряженіями и заботами, питьемъ и пищей, легкостью тѣла, любившаго и сухой жаръ внутри двора, и прохладное вѣяніе вѣтра по дому, приходившаго съ рѣки и отъ цвѣтущихъ садовъ острова. Онъ гордился дѣтьми, домомъ своимъ и почетомъ людей. И былъ счастливъ, какъ многіе. Но незримая рука натягивала лукъ его жизни; она пробовала тетиву и древко, готовясь пустить стрѣлы истины. И еще десять лѣтъ провелъ онъ въ работѣ ума и сердца, въ молчаливомъ постиженіи мудрости Египта, ибо стѣнъ предшествуетъ основаніе, а рѣчи — мысль. И сказалъ о жрецахъ: «Глупцы! Рабамъ, страдающимъ отъ зноя, простительно воздѣвать руки къ солнцу и призывать его, какъ Бога. Но солнце

— не Богъ. Бога никто не можетъ видѣть. Онъ непостижимъ. Его можно только чувствовать. Онъ одинъ. У Него нѣтъ дѣтей.» И тогда фараономъ овладѣла ярость, какъ дикимъ осломъ, гуромъ. «Кто смѣетъ жить и вѣрить безъ моего соизволенія? — воскликнулъ онъ. — У него нѣтъ драгоценныхъ колецъ на пальцахъ, нѣтъ ожерелья на шеѣ. Онъ мой рабъ. Вотъ я воздвигну гоненіе на него и на весь народъ его. Я блесну, какъ молнія, я оглушу, какъ громъ.» Пророкъ же напрягъ силы, какъ человекъ, стоящій передъ крутымъ подъемомъ въ гору, и пошелъ своимъ путемъ безъ страха и увѣренно.

Мускусы растираютъ, алоэ кладутъ на огонь, чтобы дали они запахъ. Водолазъ не сорвалъ бы ни единой жемчужной раковины, если бы боялся задерживать дыханіе, бросаясь въ море. И, когда настало время поднять самый тяжкій камень для зданія, вскинуть его на колѣно, перехватить покрѣпче и нести, пророкъ вскинулъ его до боли въ паху. И сорокъ лѣтъ несть въ пустынь, напряженный, изнемогающій и радостный сознаніемъ, что творить волю Бога, а не фараона. И, донеся куда нужно, куда указано Строителемъ, кинулъ камень ладно и плотно, и выпрямился, и отеръ потъ съ лица — рукой дрожащей, ослабѣвшей и ноющей до самага плеча.

И настало время умереть ему.

Онъ позналъ истиннаго Бога. Онъ убѣдился, что безумно изображать Его въ видѣ идоловъ изъ камня, глины и металла. Богъ возложилъ на него подвигъ освобожденія еврейскаго народа отъ рабства и соблазна идолопоклонства: и онъ порвалъ шелковыя сѣти

міра, возсталъ и одолѣлъ въ борьбѣ. Богъ послалъ ему испытаніе: сорокъ лѣтъ быть вождемъ строптивыхъ и слабыхъ, предводительствовать и поучать въ голодной и знойной пустынѣ. И сорокъ лѣтъ былъ онъ властенъ, какъ царь, неутомимъ, какъ поденщикъ, обремененный дѣтьми, нищъ, какъ пастухъ, крѣпокъ и высокъ, какъ борець, силенъ и рыжъ, какъ левъ. Его тѣло, лишь по чресламъ препоясанное звѣриной шкурой, стало чернымъ отъ солнца и вѣтра, а ступни грубы и мозолисты, какъ у верблюда. Въ старости онъ сталъ страшенъ для людей, и никто изъ нихъ не думалъ, что онъ смертенъ. Но часъ его приблизился.

Вы, слушающіе! Въ Книгѣ написано: «Всѣ зачаты въ лонѣ истины, — это родители дѣлають изъ дѣтей евреевъ, христіанъ, огнепоклонниковъ.» Мудрый какъ слѣпой: онъ ощупываетъ палкой каждый камень, выбирая путь правый, онъ поднимаетъ лицо кверху, тянется къ единому источнику свѣта и тепла. Онъ думаетъ о жизни и о смерти, уменьшая страхъ свой передъ нею. И было немало тѣхъ, что приняли чашу неизбежнаго спокойно; были и тѣ, что говорили: она сладостна такъ же, какъ чаша жизни. Только глупецъ тянется къ чашѣ смерти при жизни. Видъ его противенъ. Но и тотъ глупецъ, кто не думаетъ о неизбежномъ, кто забываетъ, что у всѣхъ смертныхъ долженъ быть единый Возлюбленный, обладающій благодіею и требующій покорности. Вы, слушающіе! Слушайте внимательно, какъ всегда долженъ слушать человекъ человека, и, слушая, думайте. Ибо мы говоримъ, мѣшая чужія хорошія слова со своими порядочными, о томъ, что не чуждо ни единому изъ насъ, и цѣль наша — утѣшеніе.

Въ Книгѣ написано: «Мы къ человѣку ближе, чѣмъ его сонная жила.» Богъ милосердь. Онъ знаетъ, что хорошо и что дурно для насъ. Онъ сотворилъ насъ смертными, мы же думаемъ противиться смерти. Напрасный трудъ! Слышали ли вы, чего стоило Искандеру Двурогому достигнуть Страны Мрака? Все же ему не удалось испить воды вѣчной жизни, о которой ему говорили: она въ Странѣ Мрака. Ангель вѣтровъ не заботится о томъ, что отъ крыль его погаснетъ свѣтильникъ бѣдной вдовы. Гонецъ смерти не внемлетъ ни мольбѣ пастуха ни воплю владыки. Погоди: земля выѣстъ мозги изъ нашихъ череповъ, полныхъ замысловъ. Смерть не моголь, и ты не Атабекъ-Абубекръ: отъ нея не откупишься золотомъ.

Пророкъ воспротивился волѣ Бога въ пустынѣ; и за послушаніе былъ наказанъ тяжко: Богъ запретилъ ему войти въ землю обѣтованную. Пророкъ возмутился духомъ, когда вспомнилъ, что онъ смертенъ, и что смерть уже близка къ нему, ибо онъ былъ старъ. Онъ сказалъ: «Я вступаю въ единоборство съ нею.» Въ полдень, проходя по еврейскому стану въ горахъ Моава, онъ не увидѣлъ на бѣлыхъ камняхъ возлѣ себя своей тѣни. И затрепеталъ отъ страха, и помутилось въ головѣ его, какъ у человѣка, сраженнаго лихорадкой. Тогда пошелъ онъ къ шатру своему той поступью, какой идетъ раненый звѣрь на противника. И препоясался мечомъ и приказалъ подать пищи. И ѣлъ много и жадно, до пресыщенія. И почувствовалъ боли и тошноту, какъ бы отъ яда, какъ бы отъ плода съ адскаго древа Заккумъ, и позеленѣлъ въ лицѣ, покрылся потомъ, какъ рождающая женщина, и легъ на землю. крича дико: «Вотъ я умираю, обнажите мечи и встань-

те на защиту мою!» Такъ кричалъ онъ первый день. На второй день бои усилились, и онъ сталъ молить, стня и злобствуя: «Позовите врача ко мнѣ!» Когда же врачъ обнаружилъ свое безсиліе, и насталь третій день, пророкъ сказалъ тихо: «О, пожалѣйте меня! Смерть непобѣдима!» И ослабѣлъ и впалъ въ сонъ, и спалъ весь день, и боли отступили отъ него. И, очнувшись, увидаль, что уже ночь, и онъ одинъ, и опять ощутилъ сладость жизни и печаль разлуки. Тогда вошли къ нему два темныхъ ангела, чтобы утѣшить и приготовить его.

Одинъ сѣлъ въ возглавіи, другой — въ ногахъ пророка. «Говори!» — сказали они. Но онъ молчалъ и не отвѣтилъ имъ, думая. Онъ глядѣлъ въ ночь, за приподнятую полу шатра, въ страхъ чувствуя ихъ присутствіе, ибо еще не вошла во всѣ жилы его истина. И было такъ тихо въ шатрѣ и въ пустынѣ, что всѣ трое слышали шорохъ горячаго вѣтра, пробѣгавшаго въ темнотѣ мимо. Звѣзды же горѣли сумрачно, какъ во всѣ жаркія ночи.

«Богъ милосердъ къ Своимъ созданіямъ», — сказалъ ангель, сидящій въ головахъ пророка.

«Но вотъ чловѣкъ страдающій: онъ умираетъ», — сказалъ ангель, сидящій въ ногахъ его.

Они хотѣли испытать пророка, но онъ понялъ это. И отвѣтилъ, думая:

«Это не смерть, а болѣзнь, наказаніе. Не лучше ли такъ думать? Ибо испытавшій смерть не можетъ говорить о ней. Мы не знаемъ ея.»

«Солнце — источникъ жизни», — сказалъ ангель, сидящій въ возглавіи.

«Но оно же и смертельно, какъ рогатая гадюка», — сказалъ ангелъ, сидящій напротивъ.

Они хотѣли испытать Пророка, но онъ понялъ это. И отвѣтилъ, думая:

«Мы не знаемъ цѣли Бога. А Онъ благъ, и цѣль Его — благая. Не лучше ли такъ думать? Каждое мгновеніе свое долженъ человѣкъ посвящать жизни, помня о смерти лишь затѣмъ, дабы взвѣшивать дѣла свои на вѣсахъ ея и безъ страха встрѣтить часть неизбѣжный. Какъ бы зналъ торгующій, что онъ честенъ съ покупателемъ, что онъ даетъ ему должное, если бы не было вѣсовъ? Какъ бы провелъ свой день человѣкъ, если бы сѣрдца его не покидало возмущеніе, что зайдетъ въ свой часъ солнце, если бы овладѣло имъ желаніе не допустить этого? Былъ бы онъ безуменъ и бесплоденъ.»

«Сонъ мертвыхъ сладокъ», — сказалъ ангелъ, сидящій въ возглавіи.

«Но вотъ умеръ въ станѣ еврейскомъ человѣкъ счастливый, молодой, любимый, — сказалъ ангелъ, сидящій напротивъ. — Ты послушай: вотъ шорохъ горячаго вѣтра, пробѣгающаго въ темнотѣ мимо, звѣзды горятъ сумрачно, и гіены плачутъ и скулятъ отъ злого счастья, торопливо разрывая могилу, приюхиваясь къ зловонію и предвкушая пожираніе внутренностей. Скорбь же близкихъ умершаго страшнѣй самой могилы.»

Они хотѣли испытать пророка и ранили сердце его. Но, думая, онъ сказалъ имъ:

«Я вспоминаю каждое мгновеніе моей жизни: сладкаго дѣтства, радостной молодости, трудового мужества — и оплакиваю ихъ. Вы говорите о могилѣ, — и

руки мои холодѣють отъ страха. Прошу васъ: не утѣшайте меня, ибо утѣшеніе лишаетъ мужества. Прошу васъ: не напоминайте мнѣ о тѣлѣ, ибо оно сгниетъ. Не лучше ли иначе думать? И стоянку, долину, защищенную отъ вѣтровъ, гдѣ провель человекъ хотя бы одинъ день, покидаетъ онъ съ сожалѣніемъ; но онъ долженъ итти, если итти необходимо. Говоря со страхомъ о могилѣ, не говоримъ ли мы словами древнихъ, знавшихъ тѣло и не знавшихъ Бога и безсмертія душъ? Страшно величіе дѣлъ Божіихъ. Не принимаемъ ли мы этотъ страхъ за страхъ смерти? Чаше говорите себѣ: часъ ея не такъ страшенъ, какъ мы думаемъ. Иначе не могъ бы существовать ни міръ, ни человекъ.»

«Онъ мудръ,» — сказалъ ангель, сидящій въ возглавіи.

«Онъ былъ строптивъ и дерзокъ, — сказалъ ангель, сидящій напротивъ. — Онъ мечталъ бороться съ Богомъ и вотъ снова будетъ наказанъ: ни единый смертный не укажетъ могилы его въ горахъ Моава. И тѣмъ уменьшится слава его.»

Они хотѣли испытать пророка, но онъ понялъ ихъ и отвѣтилъ имъ твердо:

«Благостна слава достойныхъ славы; но должно быть уменьшено то, что заслужило уменьшенія. Ибо и самогó славнаго радуется только истинная мѣра славы.»

Тогда ангелы, пораженные его мудростью, воскликнули, вставая съ мѣсть:

«Воистину самъ Богъ утѣшитъ тебя! Мы же поклоняемся тебѣ.»

Они были темны и стояли въ темномъ шатрѣ. Но глаза ихъ сияли, и пророкъ видѣлъ звѣздное сіяніе ихъ глазъ. Они отошли въ ночь, какъ тѣни, чуть склонясь

при выходѣ изъ шатра. Пророкъ же остался одинъ среди ночи и пустыни, лежа на землѣ. И когда взошло солнце изъ-за каменистыхъ горъ, и стало свѣтло и жарко въ шатрѣ, пророкъ, чувствуя великую жажду отдыха въ прохладѣ, оставилъ свое ложе и пошелъ въ долину среди горъ, ища тѣни. Но и въ долину уже не было ея. Въ нѣдрахъ же одной горы была пещера. И вотъ два невольника острыми кирками осѣкають входъ въ пещеру. Камни у входа были бѣлы, какъ снѣгъ горный, и горячи отъ солнца. И черные волосы мѣднеликихъ невольниковъ и повязки вокругъ чреселъ ихъ были мокры отъ пота. Но два свѣжихъ плода, два яблока лежало на камнѣ возлѣ пещеры, а въ пещерѣ были мракъ и прохлада. И сказали работавшіе, опуская кирки:

«Привѣтствуемъ тебя, господинъ и вождь, во имя Бога милостиваго, милосердаго. Вотъ мы кончили свой трудъ.»

И пророкъ спросилъ ихъ:

«Кто вы и что вы дѣлали?»

Они же отвѣтили ему:

«Мы готовили для царя кладохранилище. Войди, взгляни и отдохни отъ пути и зноя. Уста свои освѣжи плодами и скажи намъ: какой слаще и сплѣше изъ нихъ?»

И, войдя въ пещеру, пророкъ сѣлъ на каменное ложе у стѣны ея и почувствовалъ тѣнь и прохладу. И, откусивъ перваго плода, сказалъ:

«Воистину это сама жизнь: я пью ключевую воду, я обоняю благоуханіе полевыхъ цвѣтовъ и чувствую вкусъ осинаго меда. Я бодръ и силенъ.»

И, откусивъ второго, воскликнулъ:

«Воистину это ни съ чѣмъ несравнимо: я пью вина райскія, запечатанныя печатью изъ мускуса, смѣшанныя съ водой источника, утоляющаго жажду тѣхъ, что приближаются къ Вѣчному. Я обоняю аромать Сада небеснаго, и чувствую вкусъ меда изъ цвѣтовъ его: въ этомъ медѣ нѣтъ горечи. И вотъ, сонъ блаженный туманить мнѣ голову. Не будите меня, невольники, доколѣ не исполнится мой срокъ.»

И невольники, — это были ангелы, невольники Божиіи, — стали тихо продолжать затихающую рѣчь его:

«Доколѣ, — сказалъ первый, читая суру о Великой Вѣсти: — доколѣ солнце не будетъ согнуто, не падутъ съ неба звѣзды, не сдвинутся съ мѣста горы, не будутъ покинуты верблюдицы, не соберутся ни стаи дикіе звѣри, не закипятъ моря. . .»

«Я Синъ, — сказалъ второй, читая суру Отходную. — Слава царствующему надо всѣмъ міромъ! Вы всѣ возвратитесь къ Нему. . .»

И, слушая ихъ шопоть, но не слыша ихъ словъ, пророкъ возлегъ на ложе и опочилъ сномъ смерти, не вѣдая того. И ангелы закрыли входъ въ могильную пещеру и отошли къ Господину, посылавшему ихъ. И приложился пророкъ къ народу своему, насыщенный днями и не замѣтивъ конца своихъ дней. Никто, даже донинѣ, не созерцалъ его могилы въ горахъ Моава. Но мудрость его запечатлѣна въ памяти всѣхъ народовъ и записана на небесахъ въ книгѣ вѣчной — Гильюнѣ.

Шейхъ Саади, — да будетъ благословенно его имя! — шейхъ Саади, — много его жемчужинъ нанизали мы рядомъ со своими на нитку хорошаго слога! — рассказалъ намъ о челювкѣ, испытавшемъ сладость при-

ближенія къ Возлюбленному. Человѣкъ этотъ былъ погруженъ въ созерцаніе; когда же очнулся онъ, спросили его съ ласковой усмѣшкой: «Гдѣ же цвѣты изъ сада мечты твоей?» И человѣкъ отвѣтилъ: «Я хотѣлъ набрать для друзей моихъ цѣлую полу розъ; но, когда я приблизился къ розовому кусту, такъ опьянилъ меня ароматъ его, что я выпустилъ ее изъ рукъ.»

Кто можетъ, тотъ свяжетъ разсказъ поэта съ нашимъ.

Миръ и радость всѣмъ живущимъ!

Капри. 1911.

СНѢЖНЫЙ БЫКЪ

Въ часъ ночи, зимней, деревенской, до кабинета доносится изъ дальнихъ комнатъ жалобный дѣтскій плачь. Домъ, усадьба, село — все давно спитъ. Не спитъ только Хрущевъ. Онъ сидитъ читаетъ, порою останавливаетъ усталые глаза на огняхъ свѣчей: — Какъ все прекрасно! Даже этотъ голубой стеаринъ!

Огни, ихъ золотисто-блестящія острия съ прозрачными ярко-синими основаниями, слегка дрожатъ, — и слѣпнеть глянцевиый листъ большой французской книги. Хрущевъ подноситъ къ свѣчѣ руку, — становятся прозрачными пальцы, розовѣютъ края ладони. Онъ, какъ въ дѣтствѣ, засматривается на нѣжную, ярко-алую жидкость, которой свѣтитъ и сквозитъ противъ огня его собственная жизнь.

Плачь раздается громче, — жалобный, умоляющій. Хрущевъ встаетъ и идетъ въ дѣтскую. Онъ проходитъ темную гостиную, — чуть мерцаютъ въ ней подвѣски люстры, зеркало, — проходитъ темную диванную, темную залу, видитъ за окнами лунную ночь, ели палисадника и блѣдно-бѣлые пласты, тяжело лежащія на ихъ черно-зеленыхъ, длинныхъ и мохнатыхъ лапахъ. Дверь въ дѣтскую отворена, лунный свѣтъ сто-

ить тамъ тончайшимъ дымомъ. Въ широкое окно безъ занавѣсокъ просто, мирно глядитъ снѣжный озаренный дворъ. Голубовато бѣлѣютъ дѣтскія постели. Въ одной спитъ Арсикъ. Спятъ на полу деревянные кони, спитъ на спинѣ, закативъ свои круглые стеклянные глаза, бѣловолосая кукла, спятъ коробки, которыя такъ заботливо собираетъ Коля. Онъ-то и плачетъ, — маленькій, худенькій, большеголовый, съ большими карими глазками. . . Въ чемъ дѣло?

Какъ всегда онъ внезапно поднялся, сѣлъ на постели и заплакалъ горько, беспомощно. Онъ протягиваетъ къ дядѣ ручки и заливается еще жалобнѣе, а самъ спитъ, спитъ.

— Въ чемъ дѣло, дорогой мой? — шепчетъ Хрущевъ, садясь на край постели, вытирая платкомъ личико ребенка и обнимая его щупленькое тѣльце, что такъ трогательно чувствуется сквозь рубашечку своими косточками, грудкой и бьющимся сердечкомъ.

Онъ беретъ его на колѣни, покачиваетъ, осторожно цѣлуетъ. Ребенокъ прижимается къ нему, дергается отъ всхлипываній и понемногу затихаетъ. . . Что это будитъ его вотъ уже третью ночь?

Луна заходитъ за легкую бѣлую зыбь, лунный свѣтъ, блѣднѣя, таетъ, меркнетъ — и черезъ мгновение опять растетъ, ширится. Опять загораются подоконники, косые золотые квадраты на полу. Хрущевъ переводитъ взглядъ съ пола, съ подоконника на раму, видитъ свѣтлый дворъ — и вспоминаетъ: вотъ оно что, — опять забыли сломать это бѣлое чудище, что дѣти сбили изъ снѣга, поставили среди двора, противъ окна своей комнаты! Днемъ Коля боязливо радуется на него, — это человѣкоподобный обрубокъ съ бычьей ро-

гатой головой и короткими растопыренными руками, — ночью, чувствуя сквозь сонъ его страшное присутствіе, вдругъ садится на постели и, даже не проснувшись, заливается горькими слезами. Да снѣгуръ и впрямь страшень ночью, особенно если глядѣтъ на него издали, сквозь стекла: рога поблескиваютъ, отъ головы, отъ растопыренныхъ рукъ падаетъ на яркій снѣгъ черная тѣнь. Но попробуй-ка сломать его! Дѣти будутъ ревѣтъ съ утра до вечера, хотя онъ, все равно, уже таетъ понемногу: скоро весна, мокнуть и дыматься въ полдень соломенные крыши. . .

Хрущевъ осторожно кладетъ ребенка на подушку, крестить его и на цыпочкахъ выходитъ. Въ прихожей онъ надѣваетъ оленью шапку, оленью куртку, застегивается, поднимая черную узкую бороду. Потомъ открываетъ тяжелую дверь въ сѣни, идетъ по скрипучей тропинкѣ за уголъ дома. Луна, не высоко стоящая надъ рѣдкимъ садомъ, что сквозитъ на бѣлыхъ сугробахъ, ясна, но по мартовски блѣдна. Раковинки легкой облачной зыби тянутся кое-гдѣ по небосклону. Тихо мерцаютъ въ глубокой прозрачной синевѣ между ними рѣдкія голубыя звѣзды. Молодой снѣжокъ чуть запорошилъ крѣпкій, старый. Отъ бани въ саду, стеклянно блестящей крышей, бѣжитъ гончая Заливка. «Здравствуй, — говоритъ ей Хрущевъ. — Мы одни съ тобой не спимъ. Жалко спать, коротка жизнь, поздно начинаешь понимать, какъ хороша она. . .»

Онъ подходитъ къ снѣгуру и медлитъ минуту. Потомъ рѣшительно, съ удовольствіемъ ударяетъ въ него ногою. Летятъ рога, разсыпается бѣлыми комьями бычья голова. . . Еще одинъ ударъ, — и остается только куча снѣга. Озаренный луной, Хрущевъ стоитъ

надъ нею и, засунувъ руки въ карманы куртки, глядитъ на блестящую крышу. Онъ наклоняетъ къ плечу свое блѣдное лицо съ черной бородой, свою оленью шапку, стараясь уловить и запомнить оттѣнокъ блеска. Вотъ бы вернуться въ кабинетъ и просто, просто записать все то, что только что чувствовалъ и видѣлъ. . .

Потомъ онъ поворачивается и медленно начинаетъ ходить по тропинкѣ отъ дома къ скотному двору и обратно. Двигается у ногъ его, по снѣгу, косая тѣнь. Дойдя до сугробовъ, онъ пробирается между ними къ воротамъ. Ворота отъзвучиваютъ. Онъ заглядываетъ въ щель, откуда рѣзко тянетъ сѣвернымъ вѣтромъ. Онъ съ нѣжностью думаетъ о Колѣ, думаетъ о томъ, что въ жизни все трогательно, все полно смысла, все значительно. И жадно глядитъ во дворъ. Холодно, но уютно тамъ. Подъ навѣсами сумракъ. Сѣрѣютъ передки телѣгъ, засыпанные снѣгомъ. Надъ дворомъ — синее, въ рѣдкихъ крупныхъ звѣздахъ небо. Половина двора въ тѣни, половина озарена. И старыя, косматыя бѣлыя лошади, дремлющія въ этомъ свѣтѣ, кажутся зелеными.

29. VI. 1911.

ДРЕВНИЙ ЧЕЛОВѢКЪ

Рано чувствуется осень, ея спокойствіе. Начало августа, а похоже на сентябрь, когда жарко лишь въ за-тишьѣ, на припекѣ.

Учитель Иваницкій, человекъ молодой, но необыкновенно серьезный, глубоко задумывающійся по самому малѣйшему поводу, медленно поднимается на пологую гору, прогономъ черезъ усадьбу князей Козельскихъ. Заложивъ одну руку за широкой поясъ, которымъ подпоясана его длинная чесучовая рубаха, а другой пощипывая кончики рѣдкихъ бѣлесыхъ усовъ, учитель горбитъ свой истяжной станъ и щуритъ зоркіе зеленоватые глаза.

Направо — большой садъ за соломеннымъ валомъ; налево — старая кузня, развалины псарни, пустыя сушилки изъ розовыхъ кирпичей, а между ними — проѣздъ на безконечное и тоже пустое гумно. Въ саду, уже порѣдѣвшемъ, тишина, косой солнечный блескъ; коегдѣ золотится паутина; спокойно лежатъ пятна тѣней подъ яблонями; порой съ короткимъ стукомъ падаетъ въ шелковистую, сухую траву спѣлое яблоко. Дерновая вогнутая крыша кузни вся въ наростахъ мха, бархатно-изумрудныхъ, съ коричневымъ отливомъ.

Раскрытыя сушилки тяжелы, грубы, очертаніями своими говорятъ о чемъ-то давнишемъ. И все это, — мохъ на кузнѣ, псарня, заросшая лопухами, голая стропила надъ розовыми стѣнами, — все такъ чудесно на ясномъ голубомъ небѣ среди бѣлыхъ круглыхъ облаковъ. На огромномъ пустырьѣ гумна воробьи ливнемъ пересыпаются съ одной крапивной чащи на другую. За этими чашами поднимается порозовѣвшій осинникъ. . . Учитель идетъ къ Соловьевымъ, еще разъ хочетъ повидаться съ ихъ дѣдомъ Таганкомъ. Древень онъ, какъ говорятъ въ Козельщинѣ: ему сто восемь, онъ знаменитость.

За усадьбой учитель поворачиваетъ налево, въ ту широкую улицу, что пролегаетъ между валомъ гумна и старыми избами бывшихъ княжескихъ крѣпостныхъ. Конецъ ея какъ бы упирается въ небосклонъ — чуть зеленоватый, сентябрьскій. Сентябрь и въ верхушкахъ лозинъ, кое-гдѣ растущихъ передъ избами и сквозящихъ мелкой, желтѣющей листвою на бѣлыхъ облакахъ и лазури; сентябрь въ золотистомъ солнечномъ свѣтѣ и въ прозрачной тѣни, падающей отъ избъ на улицу, на водовозки, прикрытыя пѣгими попонами и армяками. . . Учитель идетъ и косится на избы, на ихъ окошечки и крыльца.

Окошечки крохотныя, темныя. Крыльца, пороги обросли грязью. Да не лучше и возлѣ нихъ. Въ крѣпкой, какъ чугуны, засохшей грязи, въ которую вросли тряпки, сгнившіе лапти, лежатъ большіе камни, на которыхъ лѣтомъ обѣдаютъ и ужинаютъ. Дѣти кричатъ, перекликаются, лазятъ по нимъ. Много дѣтей въ Козельщинѣ, и какъ сопливы они, въ какихъ болячкахъ ихъ щеки и губы!

— Какъ тебя зовутъ? — спрашиваетъ учитель толстаго голубоглазаго мальчика подъ лозинкой у двора Оминыхъ.

Мальчикъ молчитъ. Учитель повторяетъ вопросъ. Мальчикъ пятится къ лозинкѣ, поднимаетъ грудь, надувается такъ, что багровѣетъ, и молчитъ.

Озабочено бродятъ куры, раздираютъ лапами золу, землю, клюютъ что-то, кудахтаютъ, приманивая цыплятъ. У двора Климовыхъ спитъ подъ водовозкой старуха. Тѣнь отъ избъ скосилась, передвинулась, солнце падаетъ на водовозку, печетъ лицо, такъ густо облѣпленное мухами, точно на немъ черный рой привился, печетъ худой кострець, голая ноги, блестящія отъ загара. Мальчикъ въ штанахъ съ помочами и шерстяныхъ красныхъ чулкахъ носится среди цыплятъ, бѣгающихъ и на бѣгу клюющихъ по землѣ и по ногамъ старухи мухъ, и все норовитъ затоптать хоть одного изъ нихъ; цыплята съ пискомъ разсыпаются, и онъ останавливается, выжидаетъ, когда они соберутся въ кучку, а какъ только соберутся, опять со всѣхъ ногъ летитъ на нихъ.

Соловьевы раздѣлились. Таганокъ живетъ у Глѣба. Но учитель идетъ сперва къ двору его другого внука, плотника Григорія. Григорій стоитъ на прогалинѣ между избою и погребомъ, въ проходѣ на гумна, посреди квадрата изъ трехъ ярусовъ новыхъ, тѣлеснаго цвѣта бревенъ: рубитъ себѣ амбаришко. На немъ городской картузь, еще не мытая ситцевая рубаха, вздутая розовымъ измятымъ пузыремъ, штаны изъ чортовой кожи и сапоги: Соловьевы — первые жители въ Козельщинѣ. Увидавъ гостя, онъ легонько и ловко всѣ-

каетъ въ бревно блеснувшій на солнцѣ топоръ. Здравуются, садятся на срубъ, закуриваютъ.

— Къ Таганку? — спрашиваетъ Григорій.

— Къ нему. Давно не видалъ. . .

— Что жъ, дѣло хорошее. Пройдите, провѣдайте.

Онъ это любитъ.

— А какъ онъ? Дряхлѣетъ?

— Нѣтъ, скрипитъ еще помаленьку. А, конечно, не наше съ вами дѣло: вѣдь сто восемь. Да и житье, конечно, не сладкое.

— А что?

— Да чтó, надо правду говорить: голодомъ они его морятъ, вотъ главная вещь.

— Все сноха?

— Извѣстно, она. Да я такъ думаю, всему причина братъ Иглѣбъ. Его допущеніе. Онъ должонъ защищать, кому же больше? Самъ-то Таганокъ, вы знаете, какой: за всю жизнь цыпленка не обидѣлъ.

— Серьезно, морятъ?

Еще какъ серьезно-то! У нихъ вонъ шесть пудовъ одной ветчины виситъ, — повѣрите, ребрышка никогда не дадутъ. Сами, какъ праздникъ, за чай, а онъ чашечки попроситъ боится. Ничтожности жалѣютъ. . .

— Нда-а, — задумчиво говоритъ учитель.

Сипятъ кузнечики въ бурьянѣ на припекѣ. Все сохнетъ, роняетъ черныя зерна: крапива, бѣлена, репы, подсекольникъ. Баба, въ красной юбкѣ, въ бѣлой рубахѣ, стоитъ въ чашѣ коноплянниковъ выше ея ростомъ, беретъ замашки. За коноплянниками сѣрѣютъ риги, желтѣютъ новые скирды.

— Нда-а, — говоритъ учитель, ѣдко затягиваясь.

— Скирды-то ваши?

— Нынѣшній годъ далъ Господь, — скромно, бо-
ясь сглазить, отвѣчаетъ Григорій.

— А чашки чаю жалѣють, — ухмыляется учитель.
— Что онъ, и теперъ еще хорошо помнить все?

— На удивленіе прямо! Все помнить: что когда
сдѣлать по дому, что, напримѣръ прибрать, купить,
гдѣ что дешевле, — все первый скажетъ. Насчетъ кор-
му, напримѣръ, разумнѣй его человѣка нѣту. . .

Проходятъ къ Таганку задами. За дворомъ Григо-
рія нѣсколько колодокъ пчель. Учитель гнется, боит-
ся ихъ, а Григорій смѣется, увѣряетъ, что пчелы чис-
таго человѣка не трогаютъ. Тутъ чуть тянетъ холо-
домъ съ сѣвера, подъ солнцемъ пыльно и сытно пах-
нутъ коноплянники. Противъ коноплянниковъ придѣ-
лано къ каменной стѣнѣ варка нѣчто въ родѣ шалаша,
сбитаго изъ кольевъ и обшитаго замашками. Это и есть
лѣтнее жилище знаменитаго человѣка.

— Дѣ-ѣдъ? — окликаетъ учитель, отворяя дверку.

Никто не отзывается — въ шалашѣ пусто. Вѣрно,
Таганокъ въ избѣ. И Григорій уходитъ искать его.
А гость слышитъ осмотрѣть шалашъ. Все то же. И
все такъ же трогательно. Чтобы не надѣдать снохѣ
своимъ присутствіемъ, сократиться насколько возмож-
но, перебирается сюда Таганокъ чуть не съ Великаго
поста. Розвальни безъ грядокъ, покрытыя соломой,
служать ему постелью. На солому нѣтъ даже попон-
ки. Въ изголовьѣ, вмѣсто подушки, — свернутый рва-
ный чекмень, и по цвѣту видно, что чекмену этому
полвѣка. У изголовья — столикъ изъ дощечки и коль-
евъ; на дощечкѣ — подобіе шкатулки, а въ ней все до-
бро, все хозяйство Таганка: мотокъ нитокъ, варежки,
тавлинка изъ бересты съ нюхательнымъ табакомъ. . .

Боже мой, Боже мой! Драгоценнѣйшимъ даромъ, даромъ сказочнаго долголѣтія одарила судьба своего избранника! А къ чему онъ тутъ, этотъ даръ?

У шалаша лежитъ большой обрубокъ, корень дуба. На немъ дѣдъ отдыхаетъ, грѣтся, — обрубокъ отшлифованъ полушубкомъ. Учитель садится и ждетъ. Когда же за угломъ слышатся шаркающіе шаги, поднимается, чтобы уступить Таганку привычное мѣсто. Таганокъ показывается изъ-за угла, — невысокій, съ опущенными плечами, — и подвигается неловко, вразвалку, опадая съ одной ноги на другую. Ноги толсто опутаны онучами, въ большихъ лаптяхъ. Полушубокъ, почти голый съ исподу, — вытерлась овчина, — сталъ широкъ, полы его висятъ. Большая шапка надѣта глубоко, немного криво. Увидавъ гостя, Таганокъ стаскиваетъ ее обѣими руками, какъ ребенокъ, кланяется низко. Длинные волосы, уцѣлѣвшіе вокругъ его темнаго черепа, бѣлы и легки, какъ ковыль. Легка, бѣла и косая борода его. Выцвѣтшіе, налитые слезами глаза ничего не выражаютъ, кромѣ не то покорности, не то грусти.

— Здорово, дѣдушка — говоритъ учитель, садясь на землю. — Какъ поживаешь? Надѣвай шапку-то...

Таганокъ колеблется. Онъ, одолѣвъ больше вѣка, невольно и самъ считаетъ себя особеннымъ человекомъ. Но заслужилъ ли онъ наконецъ право быть при господахъ въ шапкѣ, этого онъ еще не знаетъ. Поколебавшись, обѣими руками надѣваетъ ее.

— Садись на обрубокъ-то, тебѣ покойнѣе будетъ...

Таганокъ, помедливъ, садится; поправляетъ полы, складываетъ на колѣняхъ черныя руки и что-то думаетъ.

— Энтихъ ужъ нѣту, — говоритъ онъ медленно и такъ, точно разговариваетъ не съ учителемъ, а съ кѣмъ-то другимъ. — Энтихъ ужъ нѣту, чтб покоили-то...

— Въ старину лучше было? — спрашиваетъ учитель.

— Гм! — слабо улыбается Таганокъ. — Въ два раза лучше было...

Всѣ старики играютъ, притворяются черезчуръ старыми. Таганокъ не играетъ. Онъ нечеловѣчески простъ. Учитель, какъ всегда, не спускаетъ съ него глазъ; его волнуютъ странныя мысли: подуматъ только — при Таганкѣ прошелъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ вѣковъ! Сколько было за этотъ вѣкъ переворотовъ, открытій, войнъ, революцій, сколько жило, славилось и умерло великихъ людей! А онъ даже малѣйшаго понятія не имѣлъ никогда обо всемъ этомъ. Цѣлыхъ сто лѣтъ видѣлъ онъ только вотъ эти конопляники да думалъ о кормѣ для скотины! И сидитъ онъ такъ смиренно, такъ неподвижно. Опустилъ плечи, сложилъ на худыхъ колѣняхъ черныя, спеченныя столѣтиемъ руки, перекрестилъ искривленные работой и простудой пальцы, а мухи ползаютъ по нимъ, сучать ножками. Бѣлый мотылекъ спокойно, какъ на деревѣ, замеръ на его дѣтски худой и черной шеѣ, окаймленной воротомъ сѣрой рубахи. Шапка надвинута глубоко; изъ-подъ шапки видны концы рѣдкихъ, длинныхъ, зеленовато-бѣлыхъ бровей, устало приподнятыхъ. Нижнее вѣко лѣваго глаза немного разорвано и оттянуто книзу; этотъ глазъ, полный слезою, совсѣмъ безжизненъ. Въ правомъ — слабая мысль, слабая жизнь, чуждая всему нашему міру. Онъ, этотъ столѣт-

нѣй человѣкъ, еще слышитъ, видитъ, разумно толкуетъ съ внуками о хозяйствѣ, помнитъ все, что нужно нынче или завтра сдѣлать по дому, знаетъ, гдѣ что лежитъ, что требуетъ поправки, присмотра. . . И все же весь онъ въ забытьѣ, въ мѣрѣ своихъ далекихъ воспоминаній. Что же это за воспоминанія? Часто охватываетъ страхъ и боль, что вотъ-вотъ разобьетъ смерть этотъ драгоценный сосудъ огромнаго прошлаго. Охватываетъ жажда поглубже заглянуть въ этотъ сосудъ, узнать всѣ его тайны, сокровища. Но онъ пусть, пусть! Мысли, воспоминанія Таганка такъ поразительно просты, такъ несложны, что порою теряешься: человѣкъ ли передъ тобою? Онъ разумный, милый, добрый. Слѣдовало бы съ благодарностью поцѣловать его руку за то, что явилъ онъ намъ, воплотивъ въ себѣ рѣдкое благословеніе неба. Но — человѣкъ ли онъ?

Говорить Таганокъ очень медленно, но не путаясь; выражаетъ мысли съ трудомъ, но точно. Онъ знаетъ, что, волею судьбы, возложена на него обязанность толковать съ гостями прежде всего о старинѣ. И самъ спѣшитъ дать поводъ къ разпросамъ.

— Тепло, — говоритъ онъ, поводя плечомъ, что пригрѣто опускающимся солнцемъ. — Кровь-то моя ужъ холодѣетъ. . . Студился, бывало, часто. . . А все отчего? Въ старину вѣдь въ извозы ходили. . .

Учитель начинаетъ спрашивать его. И опять, опять слышитъ только давнымъ-давно знакомое. Былъ дѣдъ два раза у хохловъ, за Воронежемъ; былъ два раза въ Москвѣ, разъ пять въ Калугѣ; и много, много разъ въ Бѣлевѣ. . .

— Что же? — спрашиваетъ учитель, домогаясь общеній. — Нравились тебѣ хохлы?

— Хохлы-то? — отвѣчаетъ Таганокъ. — Ничего...
И, уже покончивъ съ общимъ, переходитъ къ частному:

— Мы туда подъ Срѣтенье поѣхали... У меня тогда четыре лошади было... Прокорми-ка ихъ! Ну, поѣхали туда порожнякомъ... Оттуда пшеницу накладли... Доправили все честь-честью, стали барыши считать... Анъ только себя самихъ да лошадей оправдали...

— А француза помнишь?

Таганокъ думаетъ.

— Француза-то? — спокойно говорить онъ. — Это какой въ Москву приходилъ? Нѣтъ, не помню... Такъ только, находить иной разъ какъ звукъ какой...

— А Москва при тебѣ велика, хороша была?

— Большая... Приѣдемъ, бывало, въ нее... Поставятъ насъ на Болотѣ въ рядъ... Мы и стоимъ... Какъ хлагъ спустятъ, можетъ, значить, купецъ, какой купилъ что, подойдетъ, взять свой товаръ... Ну, подойдетъ, глянетъ и отправитъ его: либо на Воробьиныя горы, либо еще куда...

Учитель нервно куритъ, хмурится: нѣтъ, ничего путнаго не выходитъ изъ его разспросовъ!

Онъ щиплетъ концы усовъ, собирается съ мыслями, стараясь представить себѣ невозможное, — картину одной изъ самыхъ долгихъ человѣческихъ жизней, картину цѣлаго столѣтiя; онъ силится войти въ душу и тѣло этого необыкновеннаго человѣка — и никакъ не можетъ примириться съ тѣмъ, что говоритъ необыкновенный человѣкъ очень обыкновенно, даже черезчуръ обыкновенно, рассказываетъ же только пустяки. «Систематически надо, систематически, — думаетъ

учитель, — съ самаго начала надо начать. . .» Но краткіе, трогательные и пустяковые отвѣты Таганка сбиваютъ съ толку, вызываютъ безпокойство, лишаютъ охоты спрашивать. — «Рано ты началъ помнить себя?» — «А Богъ его знаетъ, не знаю. . . Вѣдь мы, — слабе улыбається дѣдъ, — народъ темный, въ лѣсу живемъ, пнямъ молимся. . . Допрежъ тутъ вездѣ лѣса были. . .» — «Какіе лѣса?» — «А всякіе. Дубъ, напрімѣръ, сосна. . . Разбойники водились. . .» — «Разбойники? Ты исторію какую-нибудь о нихъ помнишь?» — «Нѣтъ, исторіи, слава Богу, никакой не было. . .» — «Ну а село какое было? Меньше теперешняго?» — «Все такая же. . . Церковь только на старомъ кладбищѣ стояла, а не возлѣ училища. . . Я четырехъ поповъ пережилъ. . .» Но каковы были эти попы, похожи ли на теперешнихъ, этого Таганокъ не умѣетъ рассказать. Но, можетъ-быть, онъ хорошо помнитъ господъ, князей Козельскихъ, и о нихъ расскажетъ что-нибудь путное? — Помнить-то помнить. . . Но узнаётъ учитель только то, что было три генерала: Семень Милычъ, Миль Семенычъ и Григорій Милычъ; что господа они были хорошіе, что особенно «лихимъ» нравомъ отличался Миль Семенычъ. . .

— Тебя пороли? — спрашиваетъ учитель.

— Нѣтъ, Богъ не привель, — отвѣчаетъ Таганокъ. — Одновá только. Да еще разъ въ шею далъ мнѣ Миль Семенычъ. . . На постройкѣ. . . Я бревно не тое ухватилъ. . . Вотъ продавать — продавали. . . Возили. . . Осерчалъ баринъ на насъ, на ребятъ. . . Ну, и отправилъ одинцать головъ. . . Въ энтотъ, въ Бѣлевъ-то. . . Ну, привезли насъ на базаръ, постановили другъ съ дружкой. . . Подшелъ бурмистръ селезневскій. . .

Мы было дюже оробѣли, да не сошлось что-й-то дѣло. . . А за меня хорошо — полтора ста пять давали. . .

Солнце уже скрылось за далекимъ полемъ; гуще и свѣжѣ пахнутъ конопляники въ вечерней тѣни, роса пала на огороды. Почти черное, гробовое лицо Таганка стало еще безжизненнѣе, глаза совсѣмъ остеклянѣли. Ему холодно, онъ кутается въ полушубокъ, оправляетъ полы, глубже надвигаетъ шапку и засовываетъ руки въ рукава. Какъ отдаленный звукъ, находятъ на него воспоминанія.

— Покойникъ Семень Милычъ былъ крутъ! А померъ онъ, заступилъ его мѣсто Миль Семенычъ, — стало и совсѣмъ никуда. . . Молили мужики, чтобы ему Богъ смерти далъ. . . А я, бывало, скажу: «Напрасно вы его сбываете. Не сбывайте, — хуже будетъ. . .» Такъ оно и вышло. . . Да. . .

Таганокъ отдыхаетъ; потомъ опять заводитъ медленную рѣчь:

— Да. . . А какъ померъ Миль Семенычъ, привезли гробъ въ засмоленномъ рундукѣ. . . Сквозь рундукъ дрянь, кровь пролила. . . Нехорошо померъ, безъ болѣзни, тѣло не выболѣло. . . Какъ, значить, кому назначено. . .

Учитель съ трудомъ дослушиваетъ этотъ тяжкій рассказъ и поднимается.

— Ну, прощай, до свиданія, дѣдъ, — говоритъ онъ. — Дай Богъ тебѣ еще пожить.

Таганокъ кротко поднимаетъ брови.

— Пожить-то? — отвѣчаетъ онъ. — Да вѣдъ и такъ ужъ сто съ восьмеркой. . .

И, помолчавъ, опускаетъ голову.

— Но вѣдъ хочется, небось?

— А Богъ ее знаетъ. . .

— Но позволь, ты-то самъ какъ чувствуешь?

— Да чтó жь чувствовать? Тутъ чувствовать нечего. . . Чувствуй, не чувствуй. . .

— Позволь: ну, а если бы тебѣ, напримѣръ, предложили пять лѣтъ прожить или годъ, — чтó ты выбралъ?

Таганокъ слабо улыбается, глядя въ землю:

— А Господь ее знаетъ. . .

И учитель тупо, долго глядитъ на него. Потомъ рѣшительно пожимаетъ его твердую ледяную руку и уходитъ.

Онъ уходитъ за деревню, въ поле, и долго шагаетъ въ полутьмѣ по мягкой пыльной дорогѣ. «Да, да, — думаетъ онъ, — дѣло тутъ не въ экономикѣ, не въ условіяхъ быта. Дѣло въ чемъ-то иномъ. Но въ чемъ именно?»

Возвращается онъ уже въ сумерки. Не спѣша идетъ по улицѣ. Огней нѣтъ, избы темны и тихи. Всѣ спятъ. Пахнетъ жильемъ — какъ-то особенно, тепло, по-ночному. Сухо трюкаютъ осторожные сверчки. Вотъ опять изба Глѣба. Она вымазана известкой, слабо бѣлѣетъ. Стекла ея сини отъ вечера, въ нихъ еще слабо отражается небо. Внизу, по землѣ, рѣетъ какой-то еле замѣтный отсвѣтъ, отчего изба и полушубокъ кого-то сидящего на голышѣ возлѣ нея странно выдѣляются. Кто это? Неужели Таганокъ?

— Дѣдушка, еще здравствуй, — негромко говоритъ учитель, очень тронутый видомъ этого одинокаго, чужого всему міру человѣка, пережившаго и всѣхъ сверстниковъ своихъ и всѣхъ дѣтей ихъ.

— Кто это? — тихо откликается Таганокъ.

— Да я, учитель... Чтѣ же ты не спишь?

Таганокъ думаетъ. Отвѣчаетъ онъ теперь еще медленнѣе:

— Да какой нашъ сонъ... Древень я... А ночь эта — какъ медвѣдь идетъ она на меня...

«Это не ночь, а смерть», — думаетъ учитель; и, помолчавъ, спрашиваетъ:

— Ну, а какъ же? Пожилъ бы еще?

Тихо. Трюкають сверчки. На порогъ избы вышла дымчатая кошка, сбѣжала на землю — и стала невидима. Слабо бѣлѣетъ борода Таганка. Темнаго, гробового лица его не видно. Живъ ли онъ?

Живъ. Долго спустя онъ отзывается:

— Пожилъ бы... И пять годовъ одолѣлъ бы еще... Да черезъ пять-то годовъ...

Онъ, видно, вспоминаетъ сноху, свой шалашъ, свою безпризорность, беспомощность.

И легонько вздыхаетъ:

— Черезъ пять-то годовъ вошь съѣстъ. А то пожилъ бы.

8. VII. 1911.

СИЛА

Шель осенній, мглистый дождь въ сумеркахъ.

Прижавъ уши, стояла на барскомъ дворѣ, въ грязи возлѣ людской, донская кобыла, темная отъ дождя, худая, будылястая, съ тонкой длинной шеей, съ обвислымъ задомъ, съ подвязаннымъ хвостомъ, запряженная въ телѣжку, плетеный кузовъ которой былъ очень малъ по тяжелымъ дорогамъ и крѣпко ошинованнымъ колесамъ.

Мѣщанинъ Буравчикъ, пріѣхавшій въ этой телѣжкѣ къ старостѣ, не заставшій его дома и сидѣвшій въ людской за кубастымъ самоварчикомъ красной мѣди, былъ человекъ старенькій, ростомъ съ мальчика. Черепъ его былъ голъ и желтъ. Надъ ушами и по затылку курчавились остатки черныхъ жесткихъ волосъ. Курчавилась и бородака его. Мокрыя усы, прокопченные табачнымъ дымомъ, лѣзли въ добрый, беззубый ротъ. На темномъ морщинистомъ личикѣ, подъ сдвинутыми бровями, живо и весело блестѣли кофейныя глазки. Онъ и хмурился и вмѣстѣ улыбался, тянульсь блюда горячую воду, сося кусочекъ сахару, и все шарилъ по впалой груди, ощупывая карманы ветхаго длиннополага сюртука, порывѣвшаго на лопаткахъ.

Горѣла надъ столомъ висячая лампочка.

Буравчикъ поглядываль на нее, — она коптила, — и безъ умолку говорилъ. А беременная старостиха, сидѣвшая на нарахъ у печки и за веревку ногой качавшая люльку, закрытую ситцевымъ пологомъ, похожую на маленькій шатеръ, разсѣяннo слушала, думая свое и заводя глаза отъ дремоты.

— Вотъ они распарятся, я ихъ и подберу, — говорилъ Буравчикъ и схлебываль съ блюдца, указывая на стаканъ, набитый разбухшими кусками кренделей. — Распарятся, тогда и съѣмъ. А такъ нѣтъ, не угрызу. Нечѣмъ.

И Буравчикъ, засмѣявшись, полѣзъ сухимъ, буримъ отъ окурковъ пальцемъ въ ротъ.

— О! Ишь! — сказалъ онъ съ удовольствіемъ. — Ни аноо не аалось, — сказалъ онъ, желая сказать: «ни одного не осталось», и вода пальцемъ по голой розовой деснѣ.

— По какой же такой притчинѣ? — равнодушно спросила старостиха, съ трудомъ поднимая вѣки и думая о томъ, что этотъ веселый старичокъ въ обтертыхъ сапожкахъ и линючей розовой косовороткѣ пережилъ двухъ женъ, вырастилъ шестерыхъ сыновей, купилъ барское имѣніе подъ городомъ, а прежнихъ повадокъ все не кидаетъ — живетъ побирушкой, торгуетъ на селѣ въ лавчонкѣ, конокрадствуетъ и, говорятъ, вотъ-вотъ опять долженъ въ острогъ садиться.

Буравчикъ зорко глянулъ на старостиху, на ея большое сонное лицо.

— По какой притчинѣ-то? — отвѣтилъ онъ, вытирая палецъ о бортъ сюртука. — А совсѣмъ не по той, что ты думаешь. А совсѣмъ не по той. На меня несутъ,

брешутъ, какъ на мертваго, ну, а хоть бы и правда была, такъ не родился еще тотъ человѣкъ, сударыня, какой смѣлъ бы коснуться меня. Нѣтъ, Богъ милува! Меня голой рукой не возьмешь! У меня вонь шесть сыновъ-бугаевъ, озорнѣй ихъ, чертей, во всемъ селѣ нѣту, а ты глянь, какъ я ихъ вышколилъ: взгляду моего боятся! Пересолишь — хлебать не станешь, — прибавилъ онъ ни съ того ни съ сего одну изъ тѣхъ прибаутокъ, связь которыхъ съ предыдущей рѣчью очень часто оставалась совершенно непонятна его собесѣдникамъ. — Зубъ же я своихъ лишился потому, что дюже болѣли они у меня, а добрые люди возьми да и научи купоросу въ роту подержать. Ты вотъ послушай, какую антимонію расскажу я тебѣ про эти самыя зубы. Муженекъ твой, безъ сомнѣнія, застрялъ гдѣ-й-то, давай его, дружка милаго, ждать да бесѣдовать отъ скуки. . .

— Обѣщался къ вечеру быть, — сказала старостиха. — Да вишь грязь-то какая.

— А мы его подождемъ, — отвѣтилъ Буравчикъ и, поставивъ блюдо на столъ, полѣзъ въ боковой карманъ за кисетомъ съ махоркой. — А мы его подождемъ. Да. Исторія же эта самая такого рода была. . .

И не спѣша, съ удовольствіемъ сталъ рассказывать. Черепъ его блестѣлъ отъ пота, брови хмурились, глаза блестѣли, выражая старческое довольство жизнью. «Безпремѣнно сынки его дѣльце какое-нибудь нынче въ ночь обработаютъ, — думала старостиха. — Для того онъ и изъ дому уѣхалъ». А Буравчикъ, свертывая цыгарку, рассказывалъ:

— Сила не въ зубахъ, сударыня моя. Зубастъ кобель, да простъ. Опять же и не въ медвѣдѣ сила. У

нась на Руси силу въ пазухѣ носи. . . Да ты вотъ лучше послушай. Въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ, ѣхали мы разѣ, сударыня, съ возами своими по бѣлевской по большой дорогѣ. А нужно тебѣ замѣтить, что мы тогда съ братомъ Егоромъ коробошниками были, кампанировали съ нимъ по этой части да денежки плутовствомъ наживали, откровенно же сказать — прямо муку мученическую терпѣли отъ этихъ отъ самыхъ дождей и холодовъ. Вотъ и тутъ тоже подобное случилось: ѣдемъ мы, ѣдемъ, а дождь, Господь съ нимъ, какъ зарядилъ съ утра, да такъ до вечера и остался. Холить насъ да холить, будто за хорошую цѣну нанялся, и до того добиль, искоренилъ, что повернули мы, не долго думая, въ лѣсъ какой-то встрѣчный, къ караулкѣ. Надуваемся, полземъ, ломимъ цѣликомъ, а по лѣсу, понимаешь, какъ мга какая отъ дождя синѣеть, а отъ лошадей альни дымъ валить: накаталось на колѣса грязи этой самой съ листьями — чертямъ невпроворотъ! Подъѣзжаемъ наконецъ того. . .

Буравчикъ хлебнулъ съ блюда и остановился. Послышалось шлепанье лаптей по мокрой соломѣ въ сѣнахъ. Кто-то подошелъ къ двери и сталъ шарить, ища скобки.

— Кажись, онъ? — спросила старостиха, прислушиваясь.

Прислушался и Буравчикъ. Дверь чмокнула, распахнулась, открыла на мгновение черную темноту, и вошелъ не староста, а работникъ Александръ, большой мужикъ лѣтъ пятидесяти, лысый, бородатый, съ ясными сѣрыми глазами и нѣжнымъ цвѣтомъ крупнаго

лица, въ полушубкѣ и чистой замашной рубахѣ. И опять зорко блеснули глаза Буравчика.

— А я насчетъ твоей лошади зашелъ, — сказалъ Александръ, чему-то улыбаясь и садясь на лавку. — Прибрать ее, ай нѣтъ?

Буравчикъ подумаль.

— Да нѣтъ, погоди, — отвѣтилъ онъ съ притворной безпечностью. — Я еще, можетъ, поѣду. Я вѣдь этихъ дождей нисколько не боюсь. Мы, братъ, люди русскіе, травленные. . .

— Дѣло твое, — сказалъ Александръ и поглядѣлъ въ сторону. — Я, признаться, и шель-то больше за тѣмъ, чтобъ на тебя поглядѣть: какой-такой, моль, Буравчикъ этотъ бытуетъ? Давно слышу: Буравчикъ, Буравчикъ. . . А чтó за Буравчикъ, — неизвѣстно. Дай, думаю, гляну.

— Наслышанъ, значитъ, обо мнѣ? — спросилъ Буравчикъ. — Ну чтó жъ, гляди. Меня ужъ давно такъ кличутъ. У меня ихъ двѣ, фамиліи-то: одна, значитъ, улишная, а другая журнальная. А ты кто же такой? На работника не похожъ что-й-то.

— И то не похожъ, — сказалъ Александръ. — Это меня нуждишка заставила батракомъ-то на старости лѣтъ быть. Я панютинскій, у насъ село богатое. Я и самъ хорошо жилъ, хозяиномъ. Да такая оказія: третій разъ горю до тла! Справлюсь-справлюсь, придетъ лѣто, хлѣбушко уберу. . . ну, думаю, слава Тебѣ, Господи. . . Анъ нѣтъ: опять сумку надѣвай! Просто хотъ удавись, — прибавилъ онъ съ застѣнчивой улыбкой. — Двое ребятишекъ сгорѣло. . .

— Да чтó ты? — съ притворнымъ участіемъ и даже ужасомъ воскликнулъ Буравчикъ. — Это не медъ,

— сказалъ онъ, качая головой. — Это не медъ. Избавь Богъ.

И, помолчавъ, опять обратился къ старостихъ:

— Да, такъ вотъ я и говорю: заѣхали мы въ лѣсъ, подъѣзжаемъ къ караулкѣ. Становимъ лошадей во дворъ, всходимъ въ избу, самоваръ требуемъ. А лѣсникъ, надо тебѣ замѣтить, оказывается, вдовецъ, старикъ древнѣй, да такой, что я и отродясь не видывалъ: просто орутанъ какой-то! Братъ Егоръ даже испугался маленько. Глянулъ на меня, да и говоритъ мнѣ по фарамъ, чтобы, значить, не понялъ насъ лѣсникъ: «Брафаратъ, афара вѣфѣрѣдъ эферетофоро звѣфѣрѣрь. Офоронъ мофорожеферетъ уфурубифирить нафарасъ.» То-есть, по-русски сказать такъ: «Братъ, а вѣдь это звѣрь. Онъ можетъ убить насъ...» А на звѣря лѣсникъ и правда похожъ: рубаха ниже колѣнъ, лыкомъ подпоясана, на ногахъ лаптищи, руки длинныя, въ родѣ корней дубовыхъ... Дикій, одно слово, человѣкъ и силы, видать, неописанной.

— Этотъ орутанъ въ звѣрильницѣ живетъ, — вставилъ Александръ. — Видѣлъ я его въ городѣ.

— Онъ самый, онъ самый, — подтвердилъ Буравчикъ. — Да его и по избамъ большое число попадаетъ... Да... И все, знаешь, гнется, кряхтитъ, въ землю смотреть...

— А виски, небось, сѣрые, невпрочесъ, какъ у кобеля хорошаго, — опять вставилъ Александръ.

— И то правильно, — сказалъ Буравчикъ. — Ты догадливъ живешь, сударушка. Ну, только противъ дикаго, какъ говорится, и самъ дикъ да хитеръ будь. Мужикъ тебя ралою, а ты его жалою... Да. Обра-

щаемся къ лѣснику: «Чайку съ нами милости просимъ.» — «Можно, говорить, спасибо.» И опять этакъ сумрачно, а главная вещь — шамкаетъ. Сѣлъ за столъ, налили мы ему чаю, — въ корецъ, понятно, а не въ чашечку какую-нибудь, — а онъ и давай, вотъ не хуже моего, скорки хлѣбныя крошить да въ чаю ихъ распаривать. Чтѣ, думаемъ, за чудеса такія? «Дѣдъ, говоримъ, да ай у тебя зубъ-то нѣту? Фигура у тебя знаменитая, а зубъ нѣту: чтѣ, мошь, за притча такая?» А онъ, понявши, безъ сомнѣнія, такія слова, и совсѣмъ голову угнулъ. Молчалъ-молчалъ да и выложилъ намъ, дуракамъ, свое назиданіе.

— Стравиль тоже чѣмъ-нибудь, зубы-то? — изъ вѣжливости спросила старостиха.

Буравчикъ закурилъ, закашлялся и отвѣтилъ веселой скороговоркой:

— Да нѣтъ, въ томъ и басня вся, что не стравиль. За грѣхъ поплатился, за гордость. Ты вотъ послушай.

И опять перешель на размѣренный тонъ:

— Онъ, понимаешь, лѣсникъ-то этотъ, такъ прямо и сказалъ намъ: назиданіе мое, говорить, въ томъ самомъ есть, что окоротилъ меня Господь за грѣхъ тяжкій, за глупость мою. И вотъ каюсь я теперь, ребята, и конному и пѣшему. Видите, какія дисни-то у меня? О, гляньте, — сказалъ Буравчикъ, представляя лѣсника, и опять запустилъ въ ротъ палець: — ни одного не осталось. А почему не осталось, — человѣка я хотѣлъ убить, на силу свою глупую понадѣялся. Зашель ко мнѣ, ребята, годовъ семьдесятъ тому назадъ солдатъ одинъ изъ Польши: шель домой въ отпускъ несрочный и ночевать, значить, попросился. И было, вотъ какъ

передъ истиннымъ Богомъ, росту въ томъ солдатъ не болѣ двухъ аршинъ, а силы — и на двухъ вшей не хватитъ. . .

— На взглядъ-то, значить, — сказалъ Александръ, чтобы показать, что онъ понимаетъ, къ чему клонилъ лѣсникъ въ своемъ назиданіи. — На первый взглядъ, то-есть. . . Вотъ въ родѣ какъ у тебя, — прибавилъ онъ насмѣшливо и дружелюбно.

— Во, во, въ аккуратъ! — подхватилъ Буравчикъ, блеснувъ въ его сторону глазами. — Совсѣмъ коростовый, глядѣтся. . . И зачи, понимаешь, деньгами передъ лѣсникомъ хвастать. «Съѣлъ, говорить, за столъ, похлебалъ моей похлебочки, закурилъ трубочку, снялъ ранецъ съ себя — и давай деньги изъ него таскать, пересчитывать. А денегъ этихъ самыхъ у него — прямо туча: все сотельныя однѣ, и все въ стопки, въ кирпичи складены и оборочками хрестъ-нахрестъ перевязаны. «Да это еще что! — говорить. — У меня, говорить, еще гаманъ за гашникомъ спрятанъ, полный золотомъ.» И какъ, значить, глянулъ я на такое богатство, потемнѣло у меня въ глазахъ отъ жадности, отнялись мои ручки, ноженьки, — ажъ штаны ходуномъ заходили. Посчиталъ деньги солдатъ, попихалъ ихъ въ ранецъ свой и баеть: «Что жъ, пора и на печь, дядюшка!» А я въ отвѣтъ ему мычу только да зубами стучаю, зубы же мои въ ту пору таковы были, что могъ я ими очень даже просто доску столовую перешибить. Ну, завалился, безъ сомнѣнія, солдатъ мой на печь, потушилъ я лучину, нашарилъ топоръ-колунъ подъ лавкою, легъ и жду, а самъ думаю: тюнку, моль, обухомъ разокъ, и капутъ ему, суслику!»

— Ань сусликъ-то умнѣ насъ вышель, — вставилъ Александръ, показывая, что онъ уже предугадалъ и развязку притчи.

— «Долго ли, коротко ли, — продолжалъ Буравчикъ: — только слышу — успокоился солдатъ. Ну, думаю, слава Тебѣ, Господи, во снѣ-то ему легче помирать будетъ, онъ и самъ, небось, кого-нибудь соннаго пришибъ, — больше неоткуда было ему такую уйму денегъ накопить. Подкрался съ обухомъ своимъ къ печкѣ, — а въ обухѣ томъ вѣсу, никакъ, болѣе пуда было, — сталъ покрѣпче на приступку, повернулъ колунъ тыломъ, нащупалъ голову стриженую, размахнулся — разъ! . . . Мать честная! Только мокро, молъ, останется! . . . И что жъ вы, ребятишки, думаете?»

Буравчикъ остановился и вытаращилъ глаза, держа блюдо на отлетѣ.

— «Что жъ вы думаете? — говоритъ лѣсникъ. — Очнулся солдатъ, потянулъ въ себя носомъ и покойненько этакъ кличетъ меня: «Хозяинъ, а хозяинъ. Что-й-то у тебя тутъ дѣлается? Либо у тебя прусаки водятся? Мнѣ сейчасъ здо-оровый прусакъ на голову упалъ. . .» А хорошъ прусакъ, колунъ-то мой? Я прямо обомлѣлъ отъ этихъ словъ, свалился съ приступки, прижукнулся — и ни вздоху, ни пыху! Зачалъ, однакося, опять ждать своего. . .»

— Этотъ солдатъ, значить, слово зналъ такое, — сказала старостиха и, скрестивъ руки подъ грудями, перестала мотать ногой.

Александръ, насмѣшливо и ласково улыбаясь, только розово-лысой головой покачалъ. А Буравчикъ вскочилъ съ мѣста, торопливо поправилъ коптившую лам-

почку, опять съль и крикнуль, открывая беззубый ротъ, съ дѣтскою гордостью и радостью:

— Ха! Слово! Слово слову розъ, а тутъ неиначе, какъ кочетиное слово было! Слушай, что дальше-то будетъ, чай, примѣчай, куда чайки летятъ. Лѣсникъ мой не унялся, опять полѣзъ на печь. «Нащупаль я, говоритъ темя солдатова, обернулъ вострякомъ колунъ и ухнулъ со всей силы-возможности. Ухнулъ и жду, а солдатъ приподнялся, да какъ захо-хо-о-четь! Ну, говоритъ, хозяинъ, видно, у тебя не выспишься. У тебя, говоритъ, черти, безъ сомнѣнія, водятся: видно подложили плотники щетины подъ матицу и развели у тебя этихъ самыхъ чертей видимо-невидимо. Сейчасъ одинъ меня ровно прутомъ какимъ по лбу жиганулъ. Ажъ засвирбѣло. . . Что тутъ дѣлать? Отползъ я отъ печи, а солдатъ поднялся и, слышу, обувается. «Хозяинъ, а хозяинъ, говоритъ, скоро свѣтъ, мнѣ пора итить, проводи меня изъ лѣсу.» Ну, думаю, и того лучше: угомоню его въ лѣсу, мнѣ же выгоднѣй, — избу поганить не надо. Вскочилъ, будто спросонья: «А? Что? Проводить? Ладно, мошь, идемъ. . .» Надѣваю армякъ, трясусь съ ногъ до головы, никакъ въ рукавъ не попаду, а самъ за дубинку ловлюсь: стояла у меня въ уголкѣ на ту пору ха-а-рошая орясина, пудиковъ трехъ вѣсомъ. А солдатъ умывается и — хохочетъ! Беретъ въ ротъ воду изъ махоточки, льетъ изъ рота на руки, нагинается, моетъ лицо и хохочетъ. . . Чисто чортъ какой! Вышли, наконецъ того, пошли. . . Мнѣ бы, дураку, давно пора понять, что никакъ не возьметъ сила моя супротивъ ума солдатова, а я пру да пру, на затылокъ его стриженный гляжу. Онъ передомъ, въ ранцѣ своемъ телячьемъ, самъ меньше ранца, я —

за нимъ, по пятамъ, въ родѣ медвѣдя какого. Стало, вижу, бѣлѣть вверху, дождь рѣдѣть да рѣдѣть, прояснилось въ лѣсу. Дождался я спуску въ ложокъ, приподнялъ свой корешокъ да и пустилъ съ навѣсу по за тылку солдатову. А солдатъ. . .»

Буравчикъ быстро взглянулъ на свѣсившуюся голову старостихи и уставился радостно-блестящими глазами въ Александра:

— «А солдатъ клюнулъ этакъ носомъ, шапку подхватилъ, поправилъ, обернулся, будто удивился очень, да и говоритъ этакъ строго да внятно: «А-а, говоритъ, вотъ какой домовой-то въ избѣ у тебя завелся! Понима-аю! Видно, надо поучить его маленько. . .» Поставилъ тихимъ манеромъ ружьецо свое берданское къ соснѣ, засучилъ рукава. . . «Ну-ка разинь ротъ», — говоритъ. А я ужъ и дубинку уронилъ отъ ужаста и ничего не смыслю. Однако разѣваю. «Да нѣтъ, говоритъ, ты пошире, пошире, стыдиться тутъ нечего!» Разѣваю, сколько есть моей силы. Беретъ тогда солдатъ меня за зубъ пальцами, давитъ его, какъ клещами залѣзными, и вынимаетъ вонъ изъ рота, въ горсть себѣ кладетъ. Вынимаетъ опосля того и другой тѣмъ же побытомъ, вынимаетъ и третій, вынимаетъ четвертый. . .»

Остановились и у Александра его ясные глаза. А Буравчикъ, насладившись его ожиданіемъ, уперся руками въ колѣни, лихо разставилъ локти и отчетливо, раздѣльно сталъ доканчивать:

— «Выбралъ онъ мнѣ, безъ сомнѣнія, зубы до единого, вынулъ лычко изъ карманчика: «держи подоль»,» — говоритъ. Я держу, подставляю. Положилъ солдатъ въ подоль цѣльную горсть моихъ зубъ, завернулъ, закаталъ и такъ-то аккуратненько завязалъ, закрутилъ

его лычкомъ. «Это, говорить, мужичокъ-сврячокъ, на память тебѣ, а это на поминъ души твоей. . .» И вынимаетъ, подаетъ мнѣ сотельный билетъ!»

— Это не плохо, — съ улыбкой мотнулъ головой Александръ.

Буравчикъ залился смѣхомъ.

— Дай Богъ всякому! — воскликнулъ онъ. — Да вѣдь знаешь, сладокъ медъ, а не по двѣ ложки въ ротъ. Деньги-то онъ приобрѣлъ, а зубъ лишился. «Я, говорить, деньги-то беру, а сказать ничего не могу: хочу слово сказать, да съ непривычки только челюстью ворочаю. А-а, а-а, — только и всего. Хочу сказать: солдатушка. . .»

Буравчикъ, смѣясь, поднялъ брови, сдѣлалъ жалкое лицо:

— «Хочу сказать, — смѣясь и почти плача, закричалъ онъ тонкимъ голосомъ: — хочу сказать: солдатушка, а выходить: саатушка. . .»

Стягивая съ блюда воду и куски кренделей, онъ еще долго крутилъ головой, морщился, смѣялся и повторялъ послѣднія слова. Старостиха, сложивъ руки, крѣпко спала. Лампочка коптила, прусаки, пользуясь сумракомъ, бѣгали по старымъ бревенчатымъ стѣнамъ. На черныхъ стеклахъ блестяли капли дождя.

— Побаску твою понимаю, — сказалъ наконецъ Александръ.

— Сила, значить, не въ медвѣдѣ, — пояснилъ Буравчикъ.

— Не иначе, — подтвердилъ Александръ. — Былъ и у насъ случай подобный. Я самъ очевидецъ былъ. Будетъ этому, дай Богъ не солгать, лѣтъ не-

бось, пятнадцать тому назадъ. Былъ у насъ въ Понютинѣ малый дуракъ, звали его Бурлыга. Потому не могъ онъ чисто сказать: то же двухъ зубовъ на пере-дѣ не хватало, — кобыла вышибла. Все, бывало: буръ, буръ. За то и Бурлыгой прозвали. Малый, говорю, былъ дуракъ, картавый, а вотъ, не хуже твоего лѣсника, рослый, здоровый, чистый палачъ. Потому его внѣшность позволяла. Такъ вотъ, случись у насъ въ селѣ ярманка. Собрались его товарищи по пьяному виду, сидятъ на выгонѣ. Конечно, тутъ и водка, и всякая закуска при нихъ. Зашель разговоръ, какъ вотъ у насъ съ тобой, про силу, а онъ, конечно, пьяный, — бываетъ тверезый того не сказалъ бы, а тутъ: буръ, буръ, я говоритъ, никого не боюсь, и Бога никакого нѣту. . .

— Ну, ужъ это-то сдуру, — разсѣянно сказала Буравчикъ, вздыхая послѣ смѣха, завертывая новую цыгарку и думая о чемъ-то. — Это ужъ сдуру.

— Понятно, сдуру, — подтвердилъ Александръ. — Подивились всѣ ему. Моль, не снесешь ты, малый, своей головы! А онъ поднялся, пошелъ въ народъ, увидалъ свою кралю, сдѣлалъ ей любовный знакъ. Подходить она къ нему. Зачалъ онъ при ей еще пуще куражиться. Глаза помутить, полушубокъ размахнулъ, усы мокрые косицами въ щербину лѣзутъ. Видитъ — сидитъ какъ-то старичокъ на телѣгѣ, лопатами торгуетъ, а въ телѣгѣ лежитъ, связанъ большой бѣлый баранъ, тоже, значитъ, продается. Лобикъ, поясника краской фуксиномъ помѣчены. Рога здоровые, хвостъ толстый. А самъ старичокъ легонькій, какъ пухъ, въ сѣромъ халатику, въ бѣломъ колпачкѣ изъ простой холстины и въ чунькахъ покойницкихъ. Сидитъ на грядкѣ, заку-

сываетъ калачикомъ. А малый-то мой сдуру куражится, ломается, лѣзетъ на него. . .

— Своей бѣды не чувствуетъ, — вставилъ Буравчикъ въ ладъ Александру, тѣмъ же тономъ, какимъ и Александръ вставлялъ замѣчанія въ его рассказъ.

— Да, бѣды своей не чувствуетъ, — повторилъ Александръ. — «Сейчасъ, говоритъ, пойду, всю его амуницію расшибу и барану хвостъ отломлю.» Любовница его мазаная, конечно, тоже уродничаетъ, притворяется, спрашиваетъ его. А онъ-то качается, ломается, будто пьянъ дюже! «Прошу тебе, не трожь ты мне, а то я хуже надѣлаю. Противъ силы моей, говоритъ, богатыря во всей державѣ не найдется.» Подходить, значитъ, къ старичку. «Буръ, буръ, дай, говоритъ, калачика мнѣ.» Старичокъ вынимаетъ изъ телѣги калачъ свѣжій, подаетъ, а малый Бурлыга беретъ, а самъ прицѣливается барана сгрестъ, хвостъ ему зачать ломать. А старичокъ поглядѣлъ этакъ скромненько, слѣзъ съ глядки, лопату поднялъ, да какъ размахнется, да какъ ахнетъ. . . Норовиль-то по малому, а попалъ мерину по боку — ажъ по всей ярманкѣ отозвалось! Меринъ съ ногъ долой, порядочно лопать переломалъ, ухнулъ,дохнулъ, да и каюкъ, — красная вода носомъ пошла. Тутъ, конечно, народъ бѣжитъ, а старичокъ зашелъ за народъ — да потуда его и видѣли. Какъ въ воду канулъ. Меринъ завалился, лежитъ, а баранъ сидитъ въ телѣгѣ и на Бурлыгу лупится. . .

— Ну, а старикъ-то, — разсѣянно перебилъ Буравчикъ: — онъ-то куда жъ могъ пропасть?

Александръ подумалъ.

— А шатъ его знаетъ, — сказалъ онъ. — Значить,

слово такое зналъ. Значить, тоже прикоснулся онъ сатанѣ. . . вотъ не хуже солдата твоего, либо тебя.

— Меня? — съ притворнымъ удивленіемъ крикнулъ Буравчикъ, и глаза его блеснули довольствомъ.

— Ай ты очумѣлъ? Я-то тутъ при чемъ?

— Будя толковать-то! — сказалъ Александръ ласково и грустно. — Авось, слышали про тебя. Ты, братъ, тоже малъ, да удалъ. Тоже хорошъ. . . Живучѣе всякой кошки али, скажемъ, козюли. Ты ее раломъ, она тебя жаломъ. . . Ну, ты самъ посуди: чтó ты предомной? Я тебя могу двумя щептями задавить. А куда жъ мнѣ, дураку, справиться съ тобой? Ты захочешь — кровинки во мнѣ не оставишь, до тла всего высеешь. Я, къ примѣру, могу двѣ полнivy за день взодрать. . . Да и взодралъ-таки на своемъ вѣку, дай Богъ всякому. А чего добился? Одинъ хрестъ на шеѣ, только и всего. А ты вотъ тысячами ворочаешь. . . Нѣтъ, какъ можно! — сказалъ онъ съ непонятнымъ восхищеніемъ. — Я твоего ногтя не стóю!

Буравчикъ молчалъ, загадочно и довольно улыбаясь. Что-то думая, онъ наклонилъ самоваръ и сталъ нацѣживать послѣднюю чашку.

ХОРОШАЯ ЖИЗНЬ

Моя жизнь хорошая была, я, чего мнѣ желалось, всего добилась. Я вотъ и недвижимымъ имуществомъ владаю, — старичокъ-то мой прямо же послѣ свадьбы домъ подъ меня подписалъ, — и лошадей, и двухъ коровъ держу, и торговлю мы имѣемъ. Понятно, не магазинъ какой-нибудь, а просто лавочку, да по нашей слободѣ сойдегъ. Я всегда удачлива была, ну только и характеръ у меня настойчивый.

Насчетъ занятія всякаго меня еще батенька заучилъ. Онъ хотъ и вдовый былъ, запойный, а, не хуже меня, ужасный умный, дѣльный и безсердечный. Какъ вышла, значить, воля, онъ и говорить мнѣ:

— Ну, дѣвка, теперь я самъ себѣ голова, давай деньги наживать. Наживемъ, переѣдемъ въ городъ, купимъ домъ на себѣ, отдамъ я тебя замужъ за отличнаго господина, буду царевать. А у своихъ господъ намъ нечего сидѣть, не стоятъ они того.

Господа-то наши, и правда, хотъ добрые, а бѣдные-пребѣдные были, просто сказать — побирушки. Мы и переѣхали отъ нихъ въ другое село, а домъ, скотину и какое было заведеніе продали. Переѣхали подъ самый городъ, сняли капусту у барыни Мещериной. Она фре-

линой при царскомъ дворцѣ была, нехорошая, рябая, въ дѣвкахъ посѣдѣла вся, никто замужъ не взялъ, ну и жила себѣ на покоѣ. Сняли мы, значитъ, у ней луга, сѣли, честь честью, въ салашъ. Стыдь осень, а намъ и горя мало. Сидимъ, ждемъ хорошихъ барышей и не чуемъ бѣды. А бѣда-то и вотъ она, да еще какая бѣда-то! Дѣло наше ужъ къ развязкѣ близилось, вдругъ — скандалъ ужасный. Напились мы чаю утромъ, — праздникъ былъ, — я и стою такъ-то возлѣ салаша, гляжу, какъ по лугу народъ отъ церкви идетъ. А батенька по капустѣ пошелъ. День свѣтлый такой, хотъ и вѣтренный, я и заглядѣлась, и не вижу, какъ подходятъ вдругъ ко мнѣ двое мужчинъ: одинъ священникъ, высокій этакій, въ сѣрой рясѣ, съ палкой, лицо все темное, землистое, грива, какъ у лошади хорошей, такъ повѣтру и раздымается, а другой — простой мужикъ, его работникъ. Подходятъ къ самому салашу. Я оробѣла, поклонилась и говорю:

— Здравствуйте, батюшка. Благодаримъ васъ, что провѣдать насъ вздумали.

А онъ, вижу, злой, пасмурный, на меня и не смотритъ, стоитъ, калмышки палкой разбиваетъ.

— А гдѣ, говорить, твой отецъ?

— Они, говорю, по капустѣ пошли. Я, молъ, если угодно, покликать ихъ могу. Да вонъ они и сами идутъ.

— Ну, такъ скажи ему, чтобъ забиралъ онъ все свое добришко вмѣстѣ съ самоварчикомъ этимъ паршивымъ и увольнялся отсюда. Нынче мой караульщикъ сюда придетъ.

— Какъ, говорю, караульщикъ? Да мы ужъ и деньги, девяносто рублей, барынѣ отдали. Чтѣ вы, батюшка? (Я, хотъ и молода, а ужъ продувная была). Ай

вы, говорю, смѣтеть? Вы, говорю, бумагу намъ должны предъявить.

— Не разговаривать, — кричить. — Барыня въ городъ переѣзжаетъ, я у нее луга эти купилъ, и земля эта теперь моя собственная.

А самъ махаетъ, бьетъ палкой въ землю, — того гляди, въ морду заѣдетъ.

Увидаль эту исторію батенька, бѣжить къ намъ, — онъ у насъ ужасный горячій былъ, — подбѣгаетъ и спрашиваетъ:

— Что за шумъ такой? Что вы, батюшка на нее кричите, а сами не знаете, чего? Вы не можете палкой махать, а должны откровенно объяснить, по какому такому праву капуста вашей сдѣлалась? Мы, моль, люди бѣдные, мы до суда дойдемъ. Вы, говоритъ, духовное лицо, вражду не можете имѣть, за это вашему брату къ святымъ дарамъ нельзя касаться.

Батенька-то, выходитъ, и слова дерзкаго ему не ска- залъ, а онъ, хоть и пастырь, а злой былъ, какъ самый обыкновенный сѣрый мужикъ, и какъ, значитъ, услы- халъ такія слова, такъ и побѣлѣлъ весь, слова не мо- жетъ сказать, а ноги подъ рясою трясутся. Какъ завизжитъ, да какъ кинется на батеньку, чтобы, зна- чить, по головѣ его огрѣть! А батенька увернулся, схватился за палку, вырвалъ ее у него изъ рукъ вонъ, да объ колѣнку себѣ — разъ! Тотъ было — на грудь, а батенька пересадилъ ее пополамъ, отшвырнулъ куда подалъ и кричить:

— Не подходите, за-ради Бога, ваше священство! Вы, кричить, черный, жуковатый, а еще жуковатѣй.

Да и схвати его за руки!

Судь да дѣло, сослали за это за самое батеньку на поселенье. Осталась я одна на всемъ бѣломъ свѣтѣ и думаю себѣ: что жь мнѣ дѣлать теперь? Видно, правдой не проживешь, надо, видно, съ оглядочкой. Подумала годокъ, пожила у тетки, вижу, — дѣться мнѣ некуда, надо замужъ поскорѣй. Былъ у батеньки пріятель хорошій въ городѣ, шорникъ — онъ и посватался. Не сказать, чтобъ изъ видныхъ женихъ, да все-таки выгодный. Нравился мнѣ, правда, одинъ человекъ, крѣпко нравился, да тоже бѣдный, не хуже меня, самъ по чужимъ людямъ жилъ, а этотъ все-таки самъ себѣ хозяинъ. Приданнаго за мной копейки не было, а тутъ, вижу, берутъ безъ ничего, какъ такой случай упустить? Подумала, подумала и пошла, хоть, конечно, знала, что былъ онъ пожилой, пьяница, всегда разгоряченный человекъ, просто сказать — разбойникъ. . . Вышла и стала, значить, ужъ не дѣвка простая, а Настасья Семеновна Жохова, городская мѣщанка. . . Понятно, лестно казалось.

Съ этимъ мужемъ я девять лѣтъ мучилась. Одно званье, что мѣщане, а бѣдность такая, что хоть и мужикамъ впору! Опять же дразги, скандалы каждый божій день. Ну, да пожалѣлъ меня Господь, прибралъ его. Дѣти отъ него помирали всѣ, остались только два мальчика, одинъ Ваня, по девятому году, другой младенецъ на рукахъ. Ужасный веселый, здоровый былъ мальчикъ, десяти мѣсяцевъ сталъ ходить, разговаривать, — всѣ они у меня, дѣти-то, на одинадцатомъ мѣсяцѣ начинали ходить и говорить, — самъ сталъ чай пить, уцопится, бывало, обоими ручонками за блюдце, не выдерешь никакъ. . . Ну только и этотъ мальчикъ померъ, году еще не было. Пришла я разъ съ рѣчки

домой, а мужнина сестра, — мы съ ней квартиру-то снимали, — и говорить:

— Твой Костя нынче цѣльный день кричалъ, закатывался. Я ужъ передъ нимъ и такъ и этакъ, и руками, и въ щелчки, и сладкой воды давала — давится, да и только, и вода черезъ носъ назадъ идетъ. Либо онъ остудился, либо съѣлъ чего, вѣдь они, дѣти-то, все въ ротъ тащутъ, развѣ углядишь?

Я такъ и обомлѣла. Кинулась къ люлькѣ, отмахнула положекъ, а ужъ онъ томиться сталъ: даже и кричать не можетъ. Сбѣгала сестра за фельшеромъ знакомымъ, пришелъ онъ, — чѣмъ вы, говоритъ, его кормили?

— Ълъ, моль, кашу манную, только и всего.

— А ничѣмъ не игралъ?

— Такъ точно, игралъ, — говоритъ сестра. — Тутъ все колечко мѣдное съ хомута валялось, онъ и игралъ имъ.

— Ну, — говоритъ фельшеръ, — обязательно онъ его проглотилъ. Чтобъ у васъ руки, говоритъ, отсохли! Натворили вы дѣловъ, вѣдь онъ помретъ у васъ!

Понятно, по его и вышло. Двухъ часовъ не прошло — кончился. Повинтовали мы, повинтовали, да дѣлать нечего, — видно, противъ Бога не пойдешь. Такъ и этого похоронила, остался одинъ Ваня. Остался одинъ, да вѣдь, какъ говорится, и одинъ — господинъ. Невеликъ человекъ, а все не меньше взрослога съѣсть, сопьеть. Стала я ходить къ воинскому полковнику Никулину полы мыть. Люди они были съ капиталомъ хорошимъ, квартиру снимали, тридцать рублей помѣсячно платили. Сами въ верхнемъ этажу, внизу кухня. Стряпуха у нихъ была совсѣмъ безотвѣтная, а распутная. Ну, и забеременѣла, понятно. Полы мыть нагиаться нельзя, чугуна изъ печки не вытащить. . . Ушла

она рожать, а я и захвати ея мѣсто: такъ-то ловко къ хозяевамъ подкатилась. Я вѣдь, правда, смолоду ловкая и хитрая была, за что, бывало, ни возьмусь, сдѣлаю все чисто, аккуратно, любого официанта засушу, опять же и угодить умѣла: чтó ни скажутъ господа, а я все «да-съ», да «такъ точно», да «истинная ваша правда. . .» Встану, бывало, чуть лунно, полы подотру, печку истоплю, самоваръ расчищу, — господа пока проснутся, а ужъ у меня все готово. Ну, и сама я, понятно, была чистоплотная, ладная, изъ себя, хоть и сухая, а красивая. Мнѣ ину пору даже жалко, бывало, себя станеть: за что, молъ, красота моя и званіе на этакой черной работѣ пропадаютъ?

Думаю себѣ — надо случаемъ пользоваться. А случай такой, что самъ полковникъ ужасный здоровый былъ и видѣть меня покойно не могъ, а полковничиха у него была нѣмка, толстая, больная, старе его годовъ на десять. Онъ не хорошъ, грузный, коротконогій, на кабана похожъ, а она того хуже. Вижу, сталъ онъ за мной ухаживать, въ кухнѣ у меня сидѣть, курить меня заучать. Какъ жена со двора, онъ и вотъ онъ. Прогонить денщика въ городъ, будто по дѣлу, и сидитъ. Надоѣлъ мнѣ до смерти, а, понятно, прикидываюсь: и смѣюсь, и ногой сижую-мотаю, — всячески, значить, разжигаю его. . . Вѣдь чтó жъ подѣлаешь, бѣдность, а тутъ, какъ говорится, хоть шерсти клокъ, и то дай сюда. Разъ какъ-то въ царскій день всходитъ въ кухню во всемъ своемъ мундирѣ, въ эполетахъ, подпоясанъ этимъ своимъ бѣлымъ поясомъ, какъ обручемъ, въ рукахъ перчатки лайковыя, шею надулъ, застегнулъ, альни синій сталъ, весь духами пахнетъ, глаза блестятъ, усы черные, толстые. . . Всходитъ и говоритъ:

— Я сейчас съ барыней въ соборъ иду, обмахни мнѣ сапоги, а то пыль дюже — не успѣлъ по двору пройтись, запылился весь.

Поставилъ ногу въ лаковомъ сапогѣ на скамейку, чисто тумбу какую, я нагнулась, хотѣла обтереть, а онъ схватилъ меня за шею, платокъ даже сдернулъ, потомъ затиснулъ за грудь и ужъ за печку тащить. Я туда, сюда, никакъ не выдерусь отъ него, а онъ такъ жаромъ и обдаеть, такъ кровью и наливается, старается, значить, одолѣть меня, поймать за лицо и поцѣловать.

— Чтó вы, говорю, дѣлаете! Барыня идетъ, уйдите за-ради Христа!

— Если, говорить, полюбишь меня, я для тебя ничего не пожалѣю!

— Какъ же, молю, знаемъ мы эти посулы!

— Съ мѣста не сойти, умереть мнѣ безъ покаянiя!

Ну, понятно, и прочее тому подобное. А, по совѣсти сказать, чтó я тогда смыслила? Очень просто могла польститься на его слова, да, слава Богу, не вышло его дѣло. Зажалъ онъ меня опять какъ-то не во-время, я вырвалась, вся растрепанная, разозлилась до смерти, а она барыня-то и вотъ она: идетъ сверху, наряженная, вся желтая, толстая, какъ покойница, стонетъ, шуршитъ по лѣстницѣ платьемъ. Я вырвалась, стою безъ платка, а она и вотъ она — прямо къ намъ. Онъ мимо нее, да драло, а я стою, какъ дура, не знаю, чтó дѣлать. Постояла она, постояла противъ меня, подержала шелковый подолъ, — какъ сейчасъ помню, въ гости нарядилась, въ коричневомъ шелковомъ платьѣ была, въ митенкахъ бѣлыхъ, съ зонтикомъ и въ шляпкѣ маленькой, въ родѣ корзиночка, — постояла, застонала и вышла. Выговаривать, правда, ни ему ни мнѣ ни сло-

ва не стала. А какъ уѣхалъ полковникъ въ Кіевъ, она и прогнала меня.

Собрала я свое добришко и вернулась къ сестрѣ. (Ваня-то у сестры жилъ). Сошла съ этого мѣста и опять думаю: пропадаетъ задаромъ мой умъ, ничего я не могу себѣ нажить, прилично замужь выйти и свое собственное дѣло имѣть, обидѣлъ меня Богъ! Запрягусь, думаю, сызнава и ужъ жива не буду, а добьюсь своего, будетъ у меня свой капиталъ! Подумала, подумала такъ-то, отдала Ваню въ ученье къ портному, а сама въ горничныя, къ купцу Самохвалову опредѣлилась, да и отдежурила цѣльныхъ семь лѣтъ. . . Съ того и поднялась.

Жалованья положили мнѣ два съ четвертакомъ. Прислуги двѣ — я, да дѣвушка Вѣра. Одинъ день я за столомъ, она посуду мою, другой я посуду мою, она къ столу подаетъ. Семейство не сказать, чтобъ большое: хозяинъ Матвѣй Иванычъ, хозяйка Любовь Иванна, двѣ взрослыхъ дочери, два сына. Самъ хозяинъ человекъ былъ серьезный, неразговорчивый, въ будни никогда и дома не бывалъ, а, какъ праздникъ, сидитъ у себя наверху, читаетъ всякія газеты и сигару курить, а хозяйка простоя, добрая, тоже, какъ я, изъ мѣщанокъ. Дочерей своихъ, Аню и Клашу, они скоро просватали и двѣ свадьбы въ одинъ годъ сыграли, — выдали за военныхъ. Тутъ-то, правду сказать, и начала я копить маленько: ужъ очень много на чай военные давали. Сдѣлаешь просто даже бездѣлицу какую-нибудь — спички когда такъ-то подашь, шинель съ калошами, — глядишь двадцать копеекъ, тридцать. . . Да и хаживали мы чисто, нравились военнымъ. Вѣра, та, правда, изъ себя все что-й-то строила, барыш-

ню какую-то, — ходитъ мелкими шажками, нѣжна и обидчива до крайности, сейчасъ, чуть что, брови свои пушистыя сдвинетъ, губы, какъ вишни, задрожать и ужъ слезы на рѣсницахъ, — хороши, правда, рѣсницы были, большія, я такихъ ни у кого и не видывала! — ну, а я-то поумнѣй была. Я, бывало, надѣну лифъ гладкій, съ прошивками, рукава короткіе, на голову косу накладную съ чернымъ бантомъ бархатнымъ, бѣлый передникъ подкрахмаленный — такъ на меня даже взглянуть интересно. Вѣра, та все въ корсетъ затягивалась, — затянется мочи нѣтъ какъ туго, и сейчасъ же голова у ней до рвоты разболится, — а я никогда и не знала этого корсета, и такъ ладная была... А сошли военные, стали сыновья хозяйскіе давать.

Старшóму-то ужъ годовъ двадцать сровнялось, какъ я на мѣсто заступила, а меньшому четырнадцатый пошелъ. Этотъ мальчикъ былъ сидяка убогій. Всѣ руки, ноги себѣ переломалъ, я и то сколько разовъ видѣла это дѣло. Какъ сломаетъ, приходитъ къ нему сейчасъ докторъ, всякой ватой, марлей забинтуетъ, потомъ зальетъ чѣмъ-то въ родѣ какъ известка, известка эта самая съ марлей засохнетъ, станетъ какъ лубокъ, а какъ подживетъ, докторъ и разрѣжетъ, все долой сниметъ, — рука-то, глядь, и срослась. Ходитъ онъ самъ не могъ, а полозиль на задѣ. Бывало и черезъ пороги, и по лѣстницамъ — такъ и жжетъ. Даже черезъ весь дворъ въ садъ проползалъ. Голова у него была большая, на отцову похожа, виски грубые, рыжіе, какъ шерсть собачья, лицо широкое, старое. Потому какъ вѣль онъ страсть сколько: и колбасу, и бомбы шоколадныя, и крендели, и слоенки — чего только его душа захочетъ. А ножки, ручки тонкія, какъ овечьи, всѣ

переломаны, въ рубцахъ. Водили его долго безъ ничего, рубахи шили длинныя. Грамотъ учительница изъ духовнаго училища учила, на домъ къ намъ ходила. Здорово занимался, умная былъ голова! А ужъ какъ на гармоньѣ игралъ — гдѣ тебѣ и хорошему такъ-то сыграть! Играетъ и подпѣваетъ. Голосъ сильный, пронзительный. Бывало, какъ подыметъ, подыметъ: «Я монахъ, красивъ собою! . . .» Эту пѣсню часто пѣваль.

Старшій сынъ былъ здоровый, а тоже въ родѣ дурачка, ни къ какимъ дѣламъ не способенъ. Отдавали его въ ученье во всякія училища — вездѣ выгоняли, ничему не выучили. Какъ ночь, залетѣя куда-нибудь — и до самой зари. Матери всетаки боялся и черезъ парадный ни за что, бывало, не пойдетъ. Я вечеромъ отдѣлаюсь и жду, — какъ хозяева заснутъ, прокрадусь по горницамъ, растворю окно въ его кабинетикѣ, а сама опять на свое мѣсто. Онъ сапоги на улицѣ сниметъ, пролѣзетъ въ окно въ однихъ чулкахъ — и ни стуку ни хрупы. На другой день всталъ, — какъ нигдѣ и не былъ, а мнѣ въ невидномъ мѣстѣ и сунетъ, что слѣдуетъ. Мнѣ-то что жъ, какая забота, беру съ великой радостью! Сломить себѣ голову — его дѣло. . . А тутъ и отъ меньшого, отъ Никаноръ Матвѣича, пошелъ доходъ.

Добивалась я тогда своего прямо день и ночь. Какъ забрала себѣ въ голову одно обстоятельство, чтобы безпремѣнно обезпечить себя, такъ и укрѣпилась въ этой жизни. Каждую копеечку, бывало, берегу: деньги-то, онѣ съ крылушками, только выпусти изъ рукъ! Сжила Вѣру эту самую — да она, по совѣсти сказать, и безъ надобности была, я такъ и хозяевамъ сказала: я, молю, и одна справлюсь, вы лучше прибавьте мнѣ

какую ни на есть бездѣлицу, — осталась одна и воро-
чаю. Жалованье не стала на руки брать: какъ нара-
стетъ рублей двадцать, двадцать пять, сейчасъ прошу
хозяйку въ банкъ съѣздить, на мое имя положить.
Платье, башмаки — все хозяйское шло, куда жъ мнѣ
тратить? А тутъ еще, на счастье мое, на его бѣду, влю-
бился въ меня, прости Господи, убогій этотъ. . .

Теперь-то, понятно, часто думается: можетъ, за не-
го-то и наказалъ меня Господь сыномъ! Иной разъ
изъ головы не идетъ, — я вотъ сейчасъ расскажу, что
онъ надъ собой сдѣлалъ, — да вѣдь надо понять,
что ужъ очень обидно было: гляну, бывало, на него,
головастаго, и такая-то досада возьметъ! «Чтобъ тебѣ,
моль, подѣялось, въ рубашкѣ ты родился! Вотъ вѣдь
и калѣвка, а въ какомъ богатствѣ живешь. А мой и хо-
рошъ, да въ праздникъ того не съѣсть, не сопеть, что
ты въ будни, походя!» Стала я замѣчать — похоже,
влюбился онъ въ меня: ну, прямо глазъ съ моего
лица не сводить. Онъ ужъ тогда лѣтъ шестнадцати
былъ и шаровары сталъ носить, рубашку подпоясы-
вать, усы красные стали пробиваться. А нехорошій, ко-
нопатый, зеленоглазый — избавь Богъ. Лицо широкое,
а худощій, какъ кость. Сперва-то онъ, видно, то въ го-
лову себѣ забралъ, что понравиться можетъ, — зачалъ
прифранчиваться, подсолнухи покупать и такъ-то ли-
хо, бывало, на гармоньѣ заливается, — заслушаешься.
Хорошо, правда, игралъ. Потомъ видитъ, что дѣло его
не выходитъ, — притихъ, задумчивый сталъ. Разъ
стою на галереѣ, вижу — ползетъ съ новой нѣмецкой
гармоньей по двору, — опять подбрисался, причесался,
рубаху синнюю съ косымъ высокимъ воротомъ надѣлъ,
въ три пуговицы, — голову запрокинулъ, меня, зна-

читъ, ищетъ. Поглядѣль, поглядѣль, глаза томные,
мутные сдѣлалъ — и-и залился подь польку:

Пойдемъ, пойдемъ поскорѣе
Съ тобой польку танцовать,
Въ танцахъ я могу смѣлѣе
Про любовь свою сказать. . .

А я, будто и не замѣтила, — какъ шваркну изъ по-
лоскательницы! Шваркнула, да и сама не рада, очень
испугалась: будетъ, молъ, мнѣ теперь на орѣхи! А онъ
ползеть, бьется наверхъ по лѣстницѣ, обтирается од-
ной рукой, другой гармонью тащитъ, глаза опустилъ,
весь побѣлѣлъ и говоритъ этакъ скромно, съ дрожью:

— Чтобъ у васъ руки отсохли. Грѣхъ вамъ за это
будетъ, Настя.

И только всего. . . Правда, смирный былъ.

Худѣлъ онъ это время ну прямо не по днямъ, а по
часамъ, и ужъ докторъ сказалъ, что не жилецъ онъ на
бѣломъ свѣтѣ, обязанъ отъ чахотки помереть. Я гре-
бовала, бывало, и прикоснуться къ нему. Да, видно,
гребовать бѣдному человѣку не приходится, деньгами
все можно сдѣлать, вотъ онъ и сталъ подкупать меня.
Какъ, бывало, позаснутъ всѣ послѣ обѣда, онъ сейчасъ
и зоветъ меня къ себѣ — либо въ садъ, либо въ горни-
цу свою. (Онъ отдѣльно ото всѣхъ, внизу жилъ, гор-
ница большая, теплая, а скучная, всѣ окна во дворъ,
потолки низкіе, шпалеры старыя, коричневыя).

— Ты, говоритъ, посиди со мною, я тебѣ за это
деньжонокъ дамъ. Мнѣ отъ тебя ничего не надо, про-
сто я влюбился въ тебя и хочу посидѣть съ тобой: меня
одного стѣны съѣли.

Ну, я возьму и посижу. И набрала такимъ манеромъ съ полсотни. Да жалованья у меня лежало съ процентами сотни четыре. Значить, думаю себѣ, пора мнѣ теперь понемножку вылѣзть изъ хомута. А, по-совѣсти сказать, жалко было — хотѣлось еще годокъ-другой перегодить, еще покопить маленько, главная же вещь — проговорился онъ мнѣ, что у него задушевная копилка есть, рублей двѣсти по мелочамъ отъ матери набралъ: понятно, боленъ часто, лежитъ одинъ въ постели, ну, мать и суетъ для забавы. А я нѣтъ-нѣтъ, да и подумаю: прости, Господи, мое согрѣшеніе, лучше бы онъ мнѣ эти деньги отдалъ! Ему все равно безъ надобности, вотъ-вотъ помретъ, а я могу на весь вѣкъ справиться. Выжидаю только, какъ бы поумнѣй дѣло это сдѣлать. Стала, понятно, поласковѣе, съ нимъ, стала чаще сидѣть. Войду, бывало, въ его горницу, да еще нарочно оглянусь, будто крадучись вошла, дверь при-творю и заговорю шопоткомъ:

— Ну вотъ, молю, я и отдѣлалась, давайте сидѣть парочкой.

Значить, дѣлаю видъ, въ родѣ какъ будто у насъ свиданіе назначено, а я будто и робѣю, и рада, что отдѣлалась, могу теперь побыть съ нимъ. Потомъ стала скучной, задумчивой прикидываться. А онъ-то добивается:

— Настъ, чтó ты такая грустная сдѣлалась?

— Такъ, молю, — мало ли у меня горя!

Да еще вздохну, примолкну и на-руку щекой обоп-русь.

— Да въ чемъ, говоритъ, дѣло-то?

— Мало ли, молю, дѣловъ у бѣдныхъ людей, да ка-

кая кому печаль объ нихъ? Я даже этимъ разговоромъ и наскучать вамъ не хочу.

Ну, онъ вскорости и догадался. Умный, говорю, былъ, хоть бы здоровому впору. Разъ пришла къ нему, — дѣло, какъ сейчасъ помню, на средокрестной было, погода этакая сумрачная, мокрая, туманъ стоитъ, въ домѣ всѣ спать послѣ обѣда, — я вошла къ нему съ работой въ рукахъ, — шила себѣ что-й-то, — сѣла возлѣ постели и только это хотѣла-было вздохнуть, опять скучной прикинуться и зачать его полегоньку на умъ наводить, онъ и заговори самъ. Лежить, какъ сейчасъ вижу, въ рубашкѣ розовой, новой, еще не мытой, въ шароварахъ синихъ, въ новыхъ сапожкахъ съ лакированными голенищами, ножки крестъ-накрестъ сложилъ и смотреть искоса. Рукава широкіе, шаровары того шире, а ножки, ручки — какъ спички, голова тяжелая, большая, а самъ маленькій, — даже смотрѣть нехорошо. Глянешь — думается, мальчикъ, а лицо старое, хоть и моложавое будто — отъ бритья-то, — и усы густые. (Онъ почестъ каждый божій день брился, такъ, бывало, и пробиваетъ борода, всѣ руки конопатя и то всѣ въ волосахъ рыжихъ). Лежить, говорю, причесался на бочокъ, отвернулся къ стѣнкѣ, шпалеры ковыряетъ и вдругъ говоритъ:

— Насть!

Я даже дрогнула вся.

— Чтó вы, Никаноръ Матвѣичъ?

А у самой такъ сердце и подкатилось.

— Ты знаешь, гдѣ моя копилка лежитъ?

— Нѣтъ, говорю, я этого, Никаноръ Матвѣичъ, не могу знать. Я плохого противъ васъ никогда въ умѣ не держала.

— Встань, отодвинь нижній ящикъ въ гардеропѣ, возьми старую гармонью, она въ ней лежитъ. Дай мнѣ ее сюда.

— Да зачѣмъ она вамъ?

— Такъ. Хочу деньги посчитать.

Я слезила въ ящикъ, крышку на гармонь открыла, а тамъ въ мѣхахъ слонъ жестяной забить, порядочно тяжелый, чувствую. Вынула, подаю. Онъ взялъ, погрѣмѣлъ, положилъ подлѣ, — чистый, ей-Богу, ребенокъ! — и задумался объ чемъ-то. Молчалъ, молчалъ, усмѣхнулся и говорить:

— Я, Насть, нынче сонъ одинъ счастливый видѣлъ, даже до-свѣту проснулся отъ него, и очень хорошо мнѣ было весь день до обѣда. Глянь-ка, я даже прифрантился для тебя.

— Да вы, молъ, Никаноръ Матвѣичъ, и всегда чисто ходите.

А сама даже не понимаю, что говорю, до того разволновалась.

— Ну, говорить, ходить-то мнѣ, видно, ужъ на томъ свѣтѣ придется. Ужъ какой я красавецъ на томъ свѣтѣ буду, — ты даже представить себѣ того не можешь!

Мнѣ даже жалко его стало.

— Надъ этимъ, говорю, грѣхъ смѣяться, Никаноръ Матвѣичъ, и къ чему вы это говорите, я даже понять не могу. Можетъ, говорю, Господь дастъ, поздоровѣете еще. Вы лучше мнѣ скажите, какой такой сонъ видѣли?

Онъ было опять обиняками сталъ говорить, сталъ посмѣиваться, — какой я, молъ, житель! — сталъ ни къ селу ни къ городу про нашу корову толковать, — скажи ты, говорить, за-ради Бога мамашѣ, чтобъ про-

дала она ее, мочи моей нѣту, надоѣла она мнѣ, лежу на кровати и все смотрю черезъ дворъ на сарайчикъ, гдѣ она помѣщается, и она все смотритъ въ рѣшетку на меня обратно, — а самъ все деньгами погромыхиваетъ и въ глаза не смотритъ. А я слушаю и тоже половины не понимаю, — чисто помѣшанные какіе, несемъ, что попало, и съ Дону и съ моря, — наконецъ того не вытерпѣла, — вѣдь вотъ-вотъ, думаю, проснутся всѣ, самоваръ потребуютъ, и пропало тогда все мое дѣло! — и поскорѣе перебиваю его, на хитрости пускаюсь:

— Да нѣтъ, говорю, вы лучше скажите, какой сонъ вы видѣли? *Про насъ что-нибудь?*

Хотѣла, понятно, пріятно ему сказать и такъ-то ловко попала. Взялъ онъ вдругъ эту копилку, вынулъ ключикъ изъ шароваръ, хочетъ отпереть — и никакъ не можетъ, никакъ въ дырку не попадетъ, до того руки трясутся, — наконецъ того отпираетъ, высыпаетъ ее себѣ на животь, — какъ сейчасъ помню, двѣ серіи и восемь золотыхъ, — сгребъ ихъ въ руку и вдругъ говорить шопотомъ:

— Можешь ты меня одинъ разъ поцѣловать?

У меня руки, ноги и отнялись отъ страха, а онъ-то съ ума сходитъ, шепчетъ, тянется:

— Настечка, только разъ! Богъ свидѣтель тебѣ, — никогда больше не попрошу!

Я оглянулась — ну, думаю, была не была! — и поцѣловала его. Такъ онъ даже задохнулся весь, — ухватилъ меня за шею, поймалъ губы и съ минуту, небось, не пускалъ. Потомъ сунулъ всѣ деньги въ руку мнѣ — и къ стѣнкѣ:

— Иди, говоритъ.

Я выскочила и прямо же въ свою горницу. Заперла деньги на замокъ, схватила лимонъ и давай губы тереть. До того терла, альни побѣлѣли всѣ. Очень, правда, боялась, что пристанетъ отъ него ко мнѣ чахотка. . .

Ну, хорошо, — это дѣло, значить слава Богу, вышло, начинаю другое обдѣлывать, поглавнѣе, изъ-за какого я и билась-то пуще всего. Чую — быть скандалу, боюсь, не будутъ меня съ мѣста пускать, начнетъ, думаю, приставать теперь съ любовью, мужевать меня изъ за этихъ денегъ. . . Нѣтъ, смотрю, ничего. Лѣзть не лѣзетъ, обходится попрежнему, аккуратнo, будто ничего и не было промежъ насъ, даже думается, еще скромнѣе, и въ горницу не зоветъ: держать, значить, слово. Подвожу тогда хозяйевамъ разговоръ, — моль, пора мнѣ объ сыну позаботиться маленько, освободиться на время. Хозяйева и слышать не хотятъ. А ужъ про него и говорить нечего. Намекнула ему разъ, такъ онъ прямо побѣлѣлъ весь. Отвернулся къ стѣнкѣ и говоритъ этакъ съ усмѣшкой:

— Ты, говоритъ, не имѣешь права этого сдѣлать. Ты меня завлекла, приучила къ себѣ. Ты должна подождать — я помру скоро. А уйдешь — я удавлюсь.

Хорошъ скромникъ оказался? Ахъ, думаю, безсовѣстные твои глаза! Я же изъ-за тебя себя неволила; а ты еще грозить мнѣ! Ну, нѣтъ, не на такую напался! И зачала еще пуще предлогъ искать. Родилась тутъ кстати у хозяйки еще дѣвочка, наняли къ ней мамку — я и придерись, что съ ней жить не могу. Злая, правда, оголтѣлая старуха была, сама хозяйка и то ей боялась, да и пьяная къ тому же, — полштофъ подъ кроватью такъ и дежуриль, — и возлѣ себя прямо терпѣтъ никого не могла. Стала она на меня наговаривать, смутья-

нить всячески. То бѣлье не такъ выгладила, то подать ничего не умѣю. . . А скажешь ей слово, затрясется вся — и жалится бѣжить. Плачетъ навзрыдъ, а больше понятно, не отъ обиды, а отъ притворства. Дальше, больше, я и говорю хозяйевамъ:

— Такъ и такъ, увольте меня, мнѣ отъ этой самой старухи бѣлый свѣтъ не миль, я на себя руки наложу.

А сама ужъ домъ на Глухой улицѣ приглядѣла. Ну, хозяйка и не стала больше меня неволить. Правда, какъ прощалась со мной, страсть какъ звала опять къ себѣ жить, или хотъ приходить когда къ празднику, къ именинамъ:

— Обязательно, говорить, чтобъ ты приходила всегда все прибрать, приготовить. Я, говорить, только при тебѣ и покойна. Я къ тебѣ какъ къ родной привыкла.

Я, конечно, благодарю всячески, а, понятно, не дѣтей мнѣ съ ней крестить: думаю одно, говорю другое. Наобѣщала всего съ три сумы, накланялась въ поясъ — и сошла. И сейчасъ же, Господи благослови, за дѣло. Купила домъ этотъ, открыла кабакъ. Торговля пошла ужасная хорошая, — стану вечеромъ выручку считать, тридцать да сорокъ, а то и всѣхъ сорокъ пять въ касѣ, — я и надумай еще лавочку открыть, чтобъ ужъ, значить, одно къ одному шло. Сестра мужнина замужъ давно вышла за сторожа изъ Краснаго Креста, онъ все кумой меня звалъ, дружилъ со мной, — я къ нему: взяла бездѣлицу въ долгъ на всякое обзаведенье, на права — и заторговала. А тутъ какъ разъ и Ваня изъ ученья вышелъ. Совѣтуюсь съ умными людьми, куда, моль, его устроить.

— Да куда, говорятъ, его устраивать, у тебя и дома работы дѣвать некуды.

И то правда. Сажая Ваню въ лавку, сама въ кабакъ становлюсь. Пошла жожка въ ходъ! И мыслить, понятно, забыла обо всѣхъ этихъ глупостяхъ, хоть по совѣсти сказать, онъ, убогій-то, даже въ постель слегъ, какъ я уходила. Никому ни одного словечка не сказала, а слегъ прямо какъ мертвый, даже гармонью свою забылъ. Вдругъ, здорово живешь, — Полканиха на дворъ, мамка эта самая. (Ее мальчишки Полканихой прозвали). Является и говоритъ:

— Тебѣ, говоритъ, одинъ человекъ велѣлъ кланяться, безпремѣнно велѣлъ провѣдать его.

Такъ меня въ жаръ и бросило со зла да стыда! Каковъ, думаю себѣ, голубчикъ! Чтѣ въ голову свою забралъ! Подружку какую себѣ нашель! Не стерпѣла и говорю:

— Мнѣ его поклоны не надобны, онъ про свое убожество долженъ помнить, а тебѣ, старому чорту, стыдно въ сводни лѣзть. Слышала ай нѣтъ?

Она и осѣклась. Стоитъ, согнулась, смотритъ на меня исподлобья пухлыми глазами, да только качаномъ своимъ мотаеть. Либо отъ жары, либо отъ водки ошалѣла.

— Эхъ ты, говоритъ, безчувственная! Онъ, говоритъ, даже плакалъ объ тебѣ. Весь вечеръ вчера лежалъ, къ стѣнкѣ отвернувшись, а самъ плакалъ навзрыдь.

— Чтѣ жъ, говорю, и мнѣ, что ль, залиться въ три ручья? И не стыдно ему было, красноперому, ревѣть на-людыхъ? Ишь ребеночекъ какой! Ай отъ сиски отняли?

Такъ и выпроводила старуху эту безъ ничего и сама не пошла. А онъ мѣсяца черезъ полтора возьми да

и взаправду удавись. Тутъ-то я очень, понятно, жалѣла, что не пошла, а тогда не до него было. У самой въ домѣ скандалъ за скандаломъ пошелъ.

Двѣ горницы въ домѣ я подѣ квартиру сдала, одну нашъ постовой городской снялъ, отличный, серьезный, порядочный человекъ, Чайкинъ по фамиліи, въ другую барышня-проститутка переѣхала. Свѣтло-русская такая, молоденькая, и съ лица ничего, красивая, Феней звали. Ъздилъ къ ней подрядчикъ Хóлинъ, она у него на содержаньи была, ну, я и пустила, понадѣялась на это. А тутъ, глядь, вышла промежь нихъ разстройка какая-то, онъ ее и бросилъ. Чтó тутъ дѣлать? Платить ей нечѣмъ, а прогнать нельзя — восемь рублей задолжала.

— Надо говорю, барышня, съ вольныхъ добывать, у меня не страннопріимный домъ.

— Я, говорить, постараюсь.

— Да вотъ, молъ, что-й-то не видно вашего старанья. Въмѣсто того, чтобъ стараться, вы каждый вечеръ дома да дома. На Чайкина, говорю, нечего надѣяться.

— Я постараюсь. Мнѣ даже совѣстно слушать васъ.

— А-ахъ, говорю, скажите пожалуйста, совѣсть какая!

Постараюсь-постараюсь, а старанья, правда, никакого. Стала пуще округъ Чайкина увиваться, да онъ и глядѣть на нее не захотѣлъ. Потомъ, вижу, за моего принялась. Гляну, гляну — все онъ возлѣ ней. Затѣялъ вдругъ новый пинжакъ шить.

— Ну, нѣтъ, говорю, перегодишь! Я тебя и такъ одѣваю барчуку хорошему впору: чтó сапожки, чтó картузикъ. Сама, молъ, во всемъ себѣ отказывала, каждую копейку орломъ ставила, а тебя снабжала.

— Я, говорить, хорошъ собою.

— Да шальной, — что жъ мнѣ на красоту твою домъ, что ль, продать?

Замѣчаю, пошла торговля моя хуже. Недочеты, ущербы пошли. Сяду чай пить — и чай не милъ. Стала слѣдить. Сижу въ кабакъ, а сама все слушаю, — прислонюсь къ стѣнкѣ, затаюсь и слушаю. Нынче, слышу, гудятъ, завтра гудятъ. . . Стала выговаривать.

— Да вамъ-то, говорить, что за дѣло? Можетъ, я на ней жениться хочу.

— Вотъ тебѣ разъ, матери родной дѣла нѣту! Замысель твой, говорю, давно вижу, только не бываетъ тому во вѣки вѣковъ.

— Она безъ ума меня любитъ, вы не можете ее понимать, она нѣжная, застѣнчивая.

— Любовь хорошая, говорю, отъ поганки ото всякой распутной! Она тебя, дурака, на смѣхъ подымаетъ. У ней, говорю, дурная, всѣ ноги въ ранахъ.

Онъ было и окаменѣлъ: глядитъ себѣ въ переносицу и молчитъ. Ну, думаю, слава тебѣ, Господи, попала по нужному мѣсту. А все-таки до-смерти испугалась: значить, видимое дѣло, — врѣзался, голубчикъ. Надо, значить, думаю, какъ ни могá, поскорѣй ее добивать. Совѣтуюсь съ кумомъ, съ Чайкинымъ. Надоумьте, молъ: что намъ съ ними дѣлать? Да что жъ, говорятъ, прихватить надо и вышвырнуть ее, вотъ и вся недолга. И такую исторію придумали. Прикинулась я, что въ гости иду. Ушла, походила сколько-нибудь по улицамъ, а къ шести часамъ, когда, значить, смѣна Чайкину, тихимъ манеромъ — домой. Подбѣгаю, толкъ въ дверь — такъ и есть: заперто. Стучу — молчатъ. Я въ другой, въ третій — опять никого. А Чайкинъ ужъ за угломъ стоитъ. Зачала я въ окна колотить — альни стек-

ла зудять. Вдругъ задвижка — стукъ: Ванька. Бѣлый, какъ мѣль. Я его въ плечо со всей силы — и прямо въ горницу. А тамъ ужъ чистый пиръ какой: бутылки пивныя пустыя, вино столовое, сардинки, селедка большая очищена, какъ янтарь розовая, — все изъ лавки. Оенька на стулѣ сидитъ, въ косѣ лента голубая. Увидала меня, привскочила, глядитъ во всѣ глаза, а у самой ажъ губы посинѣли отъ страху. (Думала, бить кинусь). А я и говорю этакъ просто, хоть по правдѣ сказать, даже продохнуть не могу:

— Что-й-то у васъ, говорю, — ай сговоръ? Ай именинникъ кто? Что жъ не привѣчаете, не угощаете?

Молчать.

— Что жъ, говорю, молчите? Что жъ молчишь, сынокъ? Такой-то ты хозяинъ-то, голубчикъ? Вотъ куда, выходить, денежки-то мои кровныя летятъ!

Онъ было шерсть взбудоражилъ:

— Я самъ въ лѣта взошелъ!

— Та-акъ, говорю, а мнѣ-то какъ же? Мнѣ, значить, отъ твоей милости съ сучкой съ этой курнушку снять? Изъ своего собственнаго дома выходить? Такъ, что ль? Пригрѣла я, значить, змѣйку на свою шейку?

Какъ онъ на меня заоретъ!

— Вы не можете ее обижать! Вы сами молоды были, вы должны понимать, что такое любовь!

А Чайкинъ, услыхавши такой крикъ и вотъ онъ: вскочилъ, ни слова не сказавши, сгребъ Ваньку за плечи, да въ чуланъ, да на замѣкъ. (Человѣкъ ужасный сильный былъ, прямо гайдукъ!) Заперъ и говоритъ Оенькѣ:

— Вы барышней числитесь, а я васъ волчкомъ могу сдѣлать!

(Съ волчьимъ билетомъ, значить).

— Хотите вы, говоритъ, этого, ай нѣтъ? — Нонче же комнату намъ ослобонить, чтобъ и духу твоего здѣсь не пахло!

Она — въ слезы. А я еще поддала:

— Пусть, говорю, денежки мнѣ прежде приготовить! А то я ей и сундучишко послѣдній не отдамъ. Денежки готовъ, а то на весь городъ ославлю!

Ну, и спровадила въ тотъ же вечеръ. Какъ сгоняла-то я ее, страсть какъ убивалась она. Плачетъ, захлебывается, даже волосы съ себя деретъ. Понятно, и ея дѣло не сладко. Куда дѣться? Вся состоянье, вся добыча при себѣ. Ну, однако съѣхала. Ваня тоже попритихъ-было на время. Вышелъ на утро изъ-подъ замка — и ни гу-гу: боится очень и совѣсть изобличаетъ. Принялся за дѣло. Я было и обрадовалась, успокоилась, — да не надолго. Стало опять изъ кассы улетать, стала шлюха эта мальчишку въ лавку подсылать, а онъ-то и печенымъ и варенымъ снаряжаетъ ее! То сахару навалить, то чаю, то табаку. . . Платокъ — платокъ, мыло — мыло, — чтó подъ руку попадетъ. . . Развѣ за нимъ углядишь? И винцо сталъ потягивать, да все злѣй и да злѣй. Наконецъ того, и совсѣмъ лавку забросилъ: дѣла и не живетъ, почестъ, только поѣсть придетъ, а тамъ и опять поминай какъ звали. Каждый вечеръ къ ней отправляется, бутылку подъ поддевку — и маршъ. Я мечусь какъ угорѣлая — изъ кабака въ лавку, изъ лавки въ кабакъ — и ужъ слово боюсь ему сказать: совсѣмъ босякъ сталъ! Всегда красивый былъ, — весь въ меня, — лицомъ бѣлый, нѣжный, чистая барышня, глаза ясные, умные, изъ себя статный, широкій, волосы каштановые, вьющіе. . . А тутъ морда одулась, во-

лосы загустѣли, по воротнику лежать, глаза мутные, весь обтрепался, гнуться сталъ — и все молчить, въ переносицу себѣ смотреть.

— Вы меня не тревожьте теперъ, говорить, я могу каторжныхъ дѣлъ натворить.

А захмеляетъ, разслонявится, смѣется ничему, задушивается, на гармоньи «Невозвратное время» играетъ, и глаза слезами наливаются. Вижу, плохо мое дѣло, надо мнѣ поскорѣй замужъ. Сватаютъ мнѣ тутъ какъ разъ вдовца одного, тоже лавочника, изъ пригорода. Человѣкъ пожилой, а кредитный, состоятельный. Самый разъ, значить, то самое, чего и добивалась я. Разузнаю поскорѣе отъ вѣрныхъ людей объ его жизни — бѣды, вижу, никакой: надо рѣшаться, надо поскорѣе знакомство завести, — насъ другъ другу только въ церкви сваха передъ тѣмъ показала, — надо, значить, предлогъ найти, побывать другъ у друга, въ родѣ какъ смотрины сдѣлать. Приходитъ онъ сперва ко мнѣ, рекомендуется: «Лагутинъ, Николай Ивановичъ, лавочникъ.» — «Очень пріятно, моль.» Вижу совсѣмъ отличный человѣкъ, — ростомъ, правда, невеличекъ, сѣденькій весъ, а пріятный такой; тихій, опрятный, политичный: видно, бережнѣй, никому, говорятъ, гроша за всю жизнь не задолжалъ. . . Потомъ и я къ нему будто по дѣлу затѣялась. Вижу, ренсковый погребъ и лавка со всѣмъ, что къ вину полагается: сало тамъ, ветчина, сардинки, селедки. Домикъ небольшой, а чистая люстра. На окнахъ гардинки, цвѣты, полъ чисто подметенъ, даромъ что холостой живетъ. На дворѣ тоже порядокъ. Три коровы, лошади двѣ. Одна матка, трехлѣтъ, пять сотъ, говорить, ужъ давали, да не отдавъ. Ну, я прямо залюбовалась на эту лошадь — до чего хо-

роша! А онъ только тихонько посмѣивается, ходить, сѣменить и все рассказываетъ, какъ прейскурантъ какой читаетъ: вотъ тутъ-то то-то, тамъ-то то-то. . . Значить, думаю, мудрить тутъ нечего, надо дѣло кончать. . .

Понятно, это я теперь-то такъ вкратцѣ рассказываю, а чтó я въ ту пору прочувствовала — одна моя думка знаетъ: Ногъ подъ собой отъ радости не чую, — молъ, таки добилась своего, нашла свою партію! — а молчу, боюсь, дрожу вся: а ну-ка разстроится вся моя надежда? Да такъ оно едва и не случилось, чуть-чуть не пропали задаромъ всѣ мои хлопоты, а изъ-за чего, даже теперь невозможно покойно сказать: изъ-за убогаго этого, да изъ-за сыночка милаго! Мы такъ дѣло тихо, благородно вели, что ни котъ ни кошка, думалось, не узнаетъ. Анъ, слышу, ужъ весь пригородъ знаетъ про наши съ Николай Ивановичемъ замыслы, дошелъ, понятно, слухъ и до Самохваловыхъ, — небось, сама же Полканиха и шепнула. А онъ, убогій-то, возьми, говорю, да и повѣсься. Нѣ вотъ, молъ тебѣ, — грозилъ, не вѣрила, такъ вотъ же я на зло тебѣ сдѣлаю! Вколотилъ гвоздикъ въ стѣну надъ кроватью, бечевку отъ сахарной головы приладилъ, захлестнулся и сполозъ съ кровати. Штука не хитрая, ума большого не надобно! Стою разъ въ сумерки въ лавкѣ, прибираю кой-что — вдругъ кто-й-то грохъ, грохъ въ ставню въ домѣ! Такъ у меня сердце и оборвалось. Выскочила на порогъ — Полканиха.

— Ты чтó?

— Никаноръ Матвѣичъ приказалъ долго жить!

Брякнула, повернулась — и домой. А я сгоряча-то не сообразилась, — меня прямо какъ варомъ обварило

со страху, — накинула шаль, да за ней. Она бѣжитъ, спотыкается — и я бѣгу. . . Прямо страмъ на весь городъ! Бѣгу и ничего не понимаю. Одно думаю — пропала моя головушка! Шутка ли, чтó натворилъ, не тѣмъ Богъ помяни! До чего, думаю, совѣсти въ людяхъ нѣту! Подбѣгаю, а тамъ ужъ народу какъ на пожарѣ. Парадный настезь, кто хочетъ, тотъ и лѣзетъ, — всѣмъ, понятно, любопытно. Я было, сдуру-то, себѣ туда же. Да спасибо какъ по головѣ меня кто огрѣлъ: опомнилась, повернула — да назадъ. Тѣмъ, можетъ, и спаслась, а то бы узнала чижа паленаго. Вспомнилъ бы кто-нибудь, — да хоть та же Полканиха со зла, — вотъ, молъ, ваше благородіе, на кого мы думаемъ, кто всему причиной, извольте ее опросить, — и готова. Поди потомъ, вывертывайся. Человѣкъ-то, бываетъ, ни сномъ ни духомъ, а его за хвостъ да въ мѣшокъ. . . Не первый случай.

Ну, похоронили его — у меня и отлегло отъ сердца. Готовлюсь къ свадьбѣ, дѣло свое спѣшу прикончить, распродать, чтó можно, безъ убытку — вдругъ опять бѣда-горе. И такъ съ ногъ сбилась въ хлопотахъ, спеклась вся отъ жары, — жара въ тотъ годъ прямо непереносная стояла, да съ пылью, съ вѣтромъ горячимъ, особливо у насъ, на Глухой улицѣ, на косогорахъ-то этихъ, — вдругъ еще новость — Николай Иванычъ обидѣлся. Присылаетъ сваху эту самую нашу, какая насъ сводила-то, — лютая псовка была, небось, сама же, востроглазая, и настрочила его, Николай-то Иваныча, — передаетъ черезъ нее Николай Иванычъ, что свадьбу онъ до перваго сентября откладываетъ — дѣла будто есть — и объ сыну, объ Ванѣ, наказываетъ: чтобы, значить, я объ немъ получше подумала, опредѣли-

ла его куда ни на есть, потому какъ, говорить, въ домъ я его къ себѣ ни за какія благи не приму. Хоть онъ, говоритъ, и сынъ твоей родной, а онъ насъ въ чистую разоритъ и меня будетъ беспокоить. (И его-то, правда, положеніе. Какъ онъ никогда никакого шума не зналъ, никакихъ скандаловъ не подымалъ, понятно, боялся волноваться: какъ разволнуется, у него всегда все въ головѣ смѣшается, слова не можетъ сказать). Пускай, говоритъ, она его съ рукъ сбываетъ. А куда мнѣ его опредѣлять, куда сбывать? Малый совсѣмъ отъ рукъ отбился, въ чужихъ людяхъ, думаю, и совсѣмъ голову свернетъ, а сбывать — не миновать. Я и сама-то съ нимъ на нѣтъ сошла съ самыхъ съ этихъ поръ, какъ ознакомился онъ съ Оенькой: прямо околдовала сука! День дрыхнетъ, ночь пьянствуетъ, — ночь за день сходитъ. . . Что я тутъ горя вытерпѣла — сказать невозможно! До того добилъ — стала какъ свѣчка таять, ложки держать не могу, руки трясутся. Какъ стемняетъ, сяду на скамейку передъ домомъ и жду, пока съ улицы вернется, боюсь, ребята слободскіе умолотятъ. Разъ было-убилась до смерти, побѣжала посмотрѣть въ слободу: слышу шумъ, крикъ, думала, его холятъ, да въ оврагъ и зашуршала. . .

Ну, получивши такое рѣшеніе отъ Николай Иваныча, призываю его къ себѣ: такъ и такъ, молю, сынокъ, — терпѣла я тебя долго, ну, а ты совсѣмъ ослабъ и заблудился, на всю округу меня ославилъ. Привыкъ ты нѣжитья и блаженствовать, — наконецъ того совсѣмъ босякъ, пьяница сталъ. Такого дарованія, какъ я, ты не имѣешь, сколько разъ я падала, да опять подымалась, а ты ничего нажить себѣ не можешь. Я вотъ и почета себѣ добилась, и недвижимое имущество

у меня есть, и ѡмъ, пью не хуже людей, душу свою не морю, а все оттого, что всѡмъ мой хрипъ споконъ вѣку завѣдовалъ. Ну, а ты, какъ былъ мотъ, такъ, видно, и хочешь остаться. Пора тебѣ съ шеи моей слѣзть. . .

Сидитъ, молчитъ, клеенку на столѣ ковыряетъ.

— Чтѣ жъ ты, спрашиваю, молчишь? Ты клеенку-то не дери, — наживи прежде свою, — ты отвѣчай мнѣ.

Опять молчитъ, голову гнетъ и губами дрожитъ.

— Вы, говорить, замужъ выходите?

— Это, моль, выду ли, нѣтъ ли, неизвѣстно, а и выду, такъ за хорошаго человѣка, какой тебя въ домъ не пустить. Я, братъ, не Оенька твоя, не шлюха какая-нибудь.

Какъ онъ вскочить вдругъ съ мѣста, да какъ затрясется весь:

— Да вы ногтя ея не стѣбите!

Хорошо, ай нѣтъ? Вскочилъ, заоралъ не своимъ голосомъ, дверью грохнулъ — и былъ таковъ. А я, ужъ на что не плаксива была, такъ слезами и задалась. Плѣчу день, плѣчу другой, — какъ подумаю, какія слова онъ могъ мнѣ сказать, такъ и зальюсь. Плѣчу и одно въ умѣ держу — дѣ-вѣку не прошу ему такой обиды, со двора долой сгоню. . . А его все нѣту. Слышу — у своей пируетъ, танцы, плясъ, пропиваетъ наворованныя денежки и мнѣ грозить: я ее, говорить, все равно успокою, выжду, какъ пойдетъ куда-нибудь вечеромъ, камнемъ убью. Присылаетъ, — на смѣхъ мнѣ, понятно, — въ лавку за покупками, беретъ то жамокъ, то селедокъ. Я прямо трясусь отъ обиды, а крѣплюсь, отпускаю. Сижу разъ въ лавкѣ — вдругъ самъ всходитъ. Пьянъ — лица нѣту. Вносить селедки, — утормъ дѣв-

чонка приходила, купила, на его, понятно, деньги, четыре штуки, — и какъ шваркнетъ ихъ на прилавокъ!

— Можете вы, кричить, присылать такую скверность покупателямъ? Онѣ вонючія, ихъ собакамъ только ѣсть!

Ореть, ноздри раздуваетъ — предлогъ ищетъ.

— Ты, говорю, тутъ не буянь и не ори, сама я селедокъ не работаю, а боченками покупаю. Не нравится — не жри, вотъ тебѣ твои деньги.

— А если бы я ихъ съѣлъ да померъ?

— Опять же, говорю, ты, свинья, не можешь тутъ кричать, — какой такой ты мнѣ командиръ? Авось чинъ не великъ имѣешь. Ты честью долженъ сказать, а не нахрапомъ лѣзть въ чужое помѣщеніе.

А онъ схватилъ вдругъ безмень съ ларя и этакъ шипомъ:

— Какъ жмакну тебя, говоритъ, сейчасъ по головѣ, такъ ты и протянешься!

И со всѣхъ ногъ вонъ изъ лавки. А я какъ съѣла наполь, такъ и подняться не могу. . .

Потомъ слышу — уработали таки его слободскіе ребята! Еле живого на извозчикѣ привезли — пьянъ безъ памяти, голова мотается, волосы отъ крови слиплись, всѣ съ пылью перебиты, сапоги, часы сняли, новый пинжакъ весь въ клокахъ — хоть бы гдѣ орѣхъ цѣлаго сукна остался. . . Я подумала, подумала — принять его приняла и даже за извозчика заплатила, но только въ тотъ же день посылаю Николай Ивановичу поклонъ и твердо наказываю сказать, чтобъ онъ больше ничего не беспокоился: съ сыномъ, молъ, я порѣшила, — прогоню его безо всякой жалости прямо же, какъ проспится. Отвѣчаетъ тоже поклономъ и велитъ

сказать: очень, говорить, умно и разумно, благодарю и сочувствую. . . А черезъ двѣ недѣли и свадьбу назначилъ. Да. . .

Ну, да будетъ пока, тутъ и сказкѣ моей конецъ. Больше-то, почестъ, и рассказывать нечего. Съ этимъ мужемъ до того я ладно вѣкъ свѣковала, — прямо рѣдкость по нынѣшнему времени. Чтѣ я говорю, почувствовала, какъ этого рая добивалась, — сказать невозможно! Ну, и наградилъ меня, правда, Господь, — вотъ двадцать первый годъ живу какъ за каменной стѣной за своимъ старичкомъ и ужъ знаю — онъ меня въ обиду не дастъ: онъ вѣдь это съ виду только тихій! А, понятно, нѣтъ-нѣтъ, да и заноетъ сердце. Особливо Великимъ постомъ. Умерла бы теперь, думается, — хорошо, покойно, по всѣмъ церквамъ акаѳисты читають. . . Опять же иной разъ и объ Ванѣ соскучусь. Двадцать лѣтъ ни слуху ни духу объ немъ. Можетъ, и померъ давно, да не знаю о томъ. Мнѣ даже жалко его стало, какъ привезли-то его тогда. Втащили мы его, звали на кровать — цѣлый день спалъ мертвымъ сномъ. Взойду, послушаю дыханіе, — живъ ли, молю. . . А въ горницѣ — вонь, кислотой какой-то, лежитъ онъ весь ободранный, изгвазданный, храпитъ и захлебывается. . . Страмъ и жалость смотрѣть, а вѣдь кровь моя родная! Погляжу, погляжу, послушаю и — выйду. И такая-то тоска меня взяла! Поужинала черезъ силу, прибрала со стола, огонь потушила. . . Не спится, да и только, — вся дрожу-лежу. . . А ночь видная, видная. Слышу, проснулся. Все кашляетъ, все выходитъ на дворъ, дверью хлопаеъ.

— Чтѣ это ты, спрашиваю, ходишь?

— Животъ, говорить, болить.

По голосу слышу — тревожится, тоскуетъ.

— Ты, говорю, выпей чернобыльника.

Полежала еще, даже задремала немножко, чувствую сквозь сонъ — прокрадается кто-й-то по половику. Вскочила — онъ.

— Мамаша, говорить, не пугайтесь меня за-ради Христа. . .

И какъ заляется въ три ручья! Сълъ на постель, руки ловить, цѣлуетъ, слезами обливаетъ, а самъ даже захлебывается, — такъ плачетъ-рыдаетъ. Я не стерпѣла — и себѣ! Жалко, понятно, а дѣлать нечего — изъ-за него вся моя судьба рѣшается. Да онъ и самъ, вижу, понимаетъ это хорошо.

— Простить я тебя, говорю, могу, а подѣлать, ты самъ видишь, теперь ужъ ничего нельзя. И уходи ты куда-нибудь подалѣ, чтобъ я и не слышала про тебя!

— Мамаша, говорить, за что вы меня, не хуже сидяки этого, Никаноръ Матвѣича, погубили?

Ну, вижу, человекъ еще не въ своемъ умѣ, не стала и спорить. Поплакалъ, заплакалъ, поднялся и ушелъ. А на утро глянула я въ горницу, гдѣ онъ спалъ, а его ужъ и слѣдъ простылъ. Ушелъ, значить, пораньше отъ страму — и какъ въ воду канулъ. Былъ слухъ, жилъ будто въ Задонскѣ при монастырѣ, потомъ на Царицынъ подался, а тамъ, небось, и голову сломилъ. . . Да что объ томъ толковать — только сердце свое тревожить! Воду варить — вода будетъ. . .

А что онъ про Никаноръ Матвѣича сказалъ, такъ я даже глупо это считаю. Авось не великими деньгами покорыстовалась, не изъ кармана вытащила. Онъ самъ свое убожество понималъ, самъ скучалъ часто. Бывало, скажетъ мнѣ:

— И калѣкой меня, Настя, судьба моя сдѣлала, и характеръ у меня сумасходный: то мнѣ весело чего-й-то, какъ передъ бѣдой какой, то такая тоска, особливо лѣтомъ, въ жару, въ пыль эту, — просто руки на себя наложилъ бы! Помру я, похоронять меня на Чернослободскомъ кладбищѣ — цѣльный вѣкъ будетъ эта пыль летѣть на мою могилку черезъ ограду!

— Да чтó жъ, моль, Никаноръ Матвѣвичъ, объ этомъ убиваться? Мы этого чуютъ не будемъ.

— Да это, говоритъ, чтó жъ что чуютъ не будемъ, — бѣда та, что при жизни о томъ думаешь. . .

А, правда, скука, бывало, у насъ въ домѣ, у Самохваловыхъ-то, какъ всѣ познаснутъ послѣ обѣда, а вѣтеръ несетъ эту пыль! И руки-то онъ наложилъ на себя въ страшную жару, въ самое глухое время. Городъ у насъ правда ужасный скучный. Я вонъ была недавно въ Туль: какое же сравненіе!

Капри. XI. 1911.

СВЕРЧОКЪ

Эту небольшую исторію разсказаль шорникъ Сверчокъ, весь ноябрь работавшій вмѣстѣ съ другимъ шорникомъ, Василюмъ, у помѣщика Ремера.

Ноябрь стоялъ темный и грязный, зима все не налаживалась. Ремеру съ его молодой женой, недавно поселившимся въ дѣдовской усадьбѣ, было скучно, и вотъ они стали ходить по вечерамъ изъ своего еще забитаго дома, гдѣ только внизу, подѣ колоннами, была одна сносная жилая комната, въ старый флигель, въ упрядненную контору, гдѣ зимовала птица и помѣщались шорники, работникъ и кухарка.

Вечеромъ подѣ Введеніе несло непроглядной мокрой вьюгой. Въ просторной и низкой конторѣ, когда-то бѣленной мѣломъ, было очень тепло и сыро, густо воняло махоркой, жестяной лампочкой, горѣвшей на верстацкѣ, сапожнымъ варомъ, политурой и мятной кислотой кожи, куски и обрѣзки которой, вмѣстѣ съ инструментами, новой и старой сбруей, хомутиной, потниками, дратвой и мѣднымъ наборомъ, навалены были и на верстацкѣ, и на затоптанномъ, сорномъ полу. Воняло и птицей изъ темной пристройки, но Сверчокъ и Василій, ночевавшіе въ этой вони и каждый день часовъ

по десяти сидѣвшіе въ ней съ согнутыми спинами, были, какъ всегда, очень довольны своимъ помѣщеніемъ, особенно тѣмъ, что Ремеръ не жалѣетъ топки. Съ узенькихъ подоконниковъ капало, на черныхъ стеклахъ сверкалъ и рѣзко бѣлѣлъ липкій, мокрый снѣгъ. Шорники пристально работали, кухарка, небольшая женщина въ полушубкѣ и мужицкихъ сапогахъ, назябшая за день, отдыхала на продранномъ стулѣ у горячей печки. Она грѣла спину и руки и, не сводя глазъ съ лампочки, слушала шумъ вѣтра, потрясавшаго порою весь флигель, постукиванье по хомуту, который дѣлалъ Василій, и старчески-дѣтское дыханіе лысаго Сверчка, возившагося надъ шлеей и въ затруднительныя минуты шевелившаго краснымъ кончикомъ языка.

Лампочка, облитая керосиномъ, стояла на самомъ краю верстака и какъ разъ посрединѣ между работавшими, чтобы виднѣй было обоемъ, но Василій то и дѣло подвигалъ ее къ себѣ своей сильной, жилистой, смуглой рукой, засученной полокоть. Сила, увѣренность въ силѣ чувствовались и во всей осанкѣ этого черноволосаго человѣка, похожаго на малайца, — въ каждой выпуклости его мускулистаго тѣла, обозначавшагося подъ тонкой, точно истлѣвшей рубахой, бывшей когда-то красной, и всегда казалось, что Сверчокъ, маленькій и, несмотря на видимую бодрость, весь разбитый, какъ всѣ дворовые люди, побаивается Василія, никогда никого не боявшагося. Казалось это и самому Василію, усвоившему себѣ манеру, какъ бы въ шутку, на забаву окружающимъ, покрикивать на Сверчка, даже помогавшаго этой шуткѣ.

Василій, держа между колѣнками, прикрытыми за-

саленнымъ фартукомъ, новый хомуть, обтягиваль его темно-лиловой толстой кожей, одной рукой крѣпко захватывая ее и туго натаскивая на дерево клещами, а другой вынимая изъ сжатыхъ губъ гвозди съ мѣдными шляпками, втыкая ихъ въ наколы, заранѣе сдѣланные шиломъ, и затѣмъ съ одного маха, ловко и сильно вколачивая молоткомъ. Онъ низко нагнуль свою большую голову въ черныхъ влажно-курчавыхъ волосахъ, перехваченныхъ ремешкомъ, и работалъ съ той пріятной, ладной напряженностью, которая дается только хорошо развитой силой, талантомъ. Напряженно работалъ и Сверчокъ, но напряженность эта была иного рода. Онъ прошиваль концомъ новую розово-тѣлеснаго цвѣта шлею, тоже захвативъ ее въ колѣни, въ голенища и фартукъ, и съ трудомъ накалываль, съ трудомъ, шевеля языкомъ и приноравливая къ свѣту лысую голову, попадалъ щетиной въ дырочки, хотя раздергиваль въ разныя стороны и закрѣпляль конецъ даже съ нѣкоторой удалью стараго, наторѣлаго мастера.

Наклоненное къ хомуту лицо Василя, широкое, съ выступающими подъ маслянистой желто-смуглой кожей костями, съ рѣдкими и жесткими черными волосами надъ углами губъ, было строго, нахмурено, значительно. А по наклоненному въ шлеѣ лицу Сверчка видно было только то, что ему темно и трудно. Онъ былъ ровно вдвое старше Василя и чуть не вдвое меньше ростомъ. Сидѣль ли онъ, вставаль ли, разница была не велика, — такъ коротки были его ноги, обутыя въ разбитые, ставшіе отъ старости мягкими, сапоги. Ходилъ онъ, — тоже отъ старости и отъ килы, — неловко, согнувшись, такъ, что отставаль фар-

тукъ и виденъ былъ глубоко провалившійся животъ, слабо, по-дѣтски подпоясанный. По-дѣтски темны были его черные глазки, похожіе на маслинки, а лицо имѣло слегка лукавый, насмѣшливый видъ: нижняя челюсть у Сверчка выдавалась, а верхняя губа, на которой темнѣли двѣ тонкихъ, всегда мокрыхъ косички, западала. вмѣсто «баринъ» говорилъ онъ «баинъ», вмѣсто «было» — «быво» и часто всхлипывалъ, подтирая большой холодной рукой, суставами указательнаго пальца, свой повисшій носикъ, на концѣ котораго все держалась свѣтлая капелька. Пахло отъ него махоркой, кожей и еще чѣмъ-то острымъ, какъ отъ всѣхъ стариковъ.

Сквозь шумъ мятели послышался изъ сѣней топотъ обиваемыхъ отъ снѣга ногъ, хлопанье дверей — и, внося съ собой свѣжій хорошій запахъ, вошли господа, залѣпленные бѣлыми хлопьями, съ мокрыми лицами и блестками на волосахъ и одеждѣ. Темно-красная борода и густые, нависшіе надъ серьезными и живыми глазами брови Ремера, глянцевитый каракулевый воротникъ его мохнатого пальто и каракулевая шапка казались отъ этихъ блестокъ еще великолѣпнѣе, а нѣжное, милое лицо его жены, ея мягкія длинныя рѣсницы, сине-сѣрые глаза и пуховый платокъ еще нѣжнѣе и милѣе. Кухарка хотѣла уступить ей продранный стулъ, она ласково ее поблагодарила, заставила остаться на своемъ мѣстѣ и сѣла на скамью въ другой уголь, осторожно снявъ съ нея узду со сломанными удилами; потомъ слабо зѣвнула, повела плечами, улыбнулась и тоже засмотрѣлась на огонь широко раскрытыми глазами. Ремеръ закурилъ и сталъ ходить по комнатѣ, не раздѣвшись и не снявъ шапки. Какъ всегда,

господа пришли только на минутку, — ужъ очень тяжелый и теплый былъ у шорниковъ воздухъ, — но потомъ, какъ всегда, забылись, потеряли обоняніе. . . И вотъ тутъ-то, неожиданно для всѣхъ, и разсказаль Сверчокъ свою исторію.

— Однако ты, братъ, ловокъ, — прошепелявилъ онъ, когда Василій, поздоровавшись съ господами кивкомъ головы, опять придвинулъ къ себѣ лампочку. — Однако ты, бѣать, вовокъ. Я небось, постарше тебя немножко, — сказалъ онъ, всхлипывая и подтирая носъ.

— Чтó? — притворно-грозно крикнулъ Василій, сдвигая брови. — Можетъ, тебѣ еще газовый рожокъ зажечь? Ослѣпъ — такъ въ богадѣльню.

Всѣ улыгнулись, — даже и барыня, которой всетаки немного неприятны были эти шутки — и подумали, что Сверчокъ, какъ всегда, отпустить что-нибудь смѣшное. Но на этотъ разъ онъ только головой покрутилъ и, вздохнувъ, остановилъ взглядъ на черныхъ стеклахъ, залѣпленныхъ бѣлыми хлопьями. Потомъ, взявъ шило своей большой, въ крупныхъ жилахъ рукой съ широко разставленными суставами большого и указательнаго пальцевъ, неловко и съ трудомъ воткнулъ его въ розоватую сырую кожу. Кухарка, замѣтивъ, что онъ смотрѣлъ на окна, заговорила о томъ, какъ она боится, что ея мужикъ, поѣхавшій за коноваломъ въ Чичерино, замерзнетъ, собьется съ дороги, какъ вдругъ Сверчокъ, дѣлая видъ, что онъ занятъ, сказалъ съ грустнымъ добродушіемъ:

— Да, братъ, ослѣпъ. . . Поневолѣ ослѣпнешь! Ты вотъ доживи-ка до моихъ годовъ, да прочувствуй съ мое! Анъ не доживешь! Я вотъ споконъ вѣку такой.

неизвѣстно, въ чемъ душа держится, а все тянулся, жилъ — и еще бы столько же прожилъ, какъ бы было зачѣмъ. Я, братъ, очень даже хотѣлъ жить, пока было антиресно, и жилъ, смерти не подавался. А твою-то силу мы еще не знаемъ. Молода, въ Саксонѣ не была...

Василій посмотрѣлъ на него пристально, какъ посмотрѣли господа и кухарка удивленные его необычнымъ тономъ, — на минуту, въ молчаніи, особенно явственно сталъ слышенъ шумъ вѣтра, — и серьезно спросилъ:

— Что это ты буровишь такое?

— Я-то? — сказала Сверчокъ, поднимая голову. — Нѣтъ, братъ, я не буровлю. Я это про сына вспомнилъ. Слышалъ, небось, какой молодецъ-то былъ? Пожалуй, еще почище тебя будетъ, а вотъ не могъ же того выдержать, что я.

— Вѣдь онъ замерзъ, кажется? — спросилъ Ремеръ.

— Я его зналъ, — отвѣтилъ Василій и, не стѣсняясь, какъ говорятъ о ребенкѣ при немъ же самомъ, добавилъ: — Да онъ и не сынъ ему, говорятъ, былъ, — Сверчку-то. Не въ мать, не въ отца, а въ проѣзжаго молодца.

— Это дѣло иное, — такъ же просто сказалъ и Сверчокъ: — это все можетъ быть, а почиталъ онъ меня не меньше отца, дай Богъ, чтобы твои такъ-то тебя почитали, да и не докапывался я, сынъ онъ мнѣ али нѣтъ, моя кровь аль чужая... авось, она у всѣхъ одинаковая! Сила въ томъ, что онъ, можетъ, дороже десятерыхъ родныхъ мнѣ былъ. Вы вотъ, баринъ, и

вы, сударыня — сказалъ Сверчокъ, поворачивая голову къ господамъ и особенно ласково выговаривая: «сударыня», — вы вотъ послушайте, какъ было-сь это дѣло, какъ замерзъ-то онъ. Я вѣдь его всю ночь на закоркахъ таскалъ!

— Курá сильная была? — спросила кухарка.

— Никакъ нѣтъ, — сказалъ Сверчокъ. — Туманъ.

— Какъ туманъ? — спросила барыня. — Да развѣ въ туманъ можно замерзнуть? И зачѣмъ же вы его таскали?

Сверчокъ кротко улыбнулся.

— Хм! — сказалъ онъ. — Да вы того, сударыня, и вообразить себѣ не можете-сь, до чего онъ, туманъ-то этотъ, можетъ замучить! А таскалъ я его затѣмъ, что ужъ очень жалко было-сь, все думалъ отстоять его отъ этого. . . отъ смерти-то. Это такъ вышло, — картаво началъ онъ, обращаясь не къ Василию и не къ Ремеру, а только къ одной барынѣ: — это вышло-сь какъ разъ подъ самый Николинъ день. . .

— А давно? — спросилъ Ремеръ.

— Да лѣтъ пять или шесть тому назадъ, — отвѣтилъ за Сверчка Василій, серьезно слушая и свертывая цыгарку.

Сверчокъ мелькомъ, старчески-строго глянулъ на него.

— Оставь мнѣ затянуться, — сказалъ онъ и продолжалъ: — работали мы, сударыня, у барина Савича въ Огневкѣ, — онъ, сынъ-то, со мной всегда ходилъ, не отбивался отъ меня, — ну, работали и работали, а квартиру въ селѣ снимали, жили послѣ смерти матери въ родѣ какъ два дружныхъ товарища. Подходить,

наконецъ того, Николинъ день. Надо, думаемъ, домой отличатся, немножко въ порядокъ себя привести, а то, по совѣсти сказать, ужъ очень все на насъ землѣ предалось. Собираемся этакъ на-вечеръ, а того и не видимъ, что такая стыдь да еще съ туманомъ къ вечеру завернула, альни деревни за лужкомъ не видать, ужъ не говоря про то, что очень мѣстность вездѣ глухая. Копаемся, прибираемъ струментъ въ этой самой банѣ, гдѣ мы, значитъ, спасались, никакъ ничего не найдемъ въ темнотѣ, — скупой баринъ-то былъ, огарочка не разживеешься, — чувствуемъ, что припоздали маленько, и вѣрите ли, такая тоска вдругъ взяла меня, что я говорю: «Дорогой ты мой товарищъ, Максимъ Ильичъ, ай намъ остаться, до утра подождать?»

— А васъ Ильей зовутъ? — спросила барыня, вдругъ вспомнивъ, что она до сихъ поръ не знаетъ имени Сверчка.

— Ильей-съ, — ласково сказала Сверчокъ и, всхлипнувъ, подтеръ носъ: — Ильей Капитоновымъ. Но только сынъ-то меня тоже Сверчкомъ звалъ и все, — вотъ не хуже этого Бовы Королевича, Василь Степаныча, — шутилъ, грубіянилъ со мной. Ну, конечно, пошутилъ, закричалъ и тутъ: «Это еще, молю, что такое? Поговори у меня!» — Нахлобучилъ мнѣ шапку по уши, надѣлъ свою, ремешкомъ подтянулся, — красавецъ былъ, сударыня, истинную вамъ правду говорю-съ! — взялъ палочку и безъ дальнихъ разговоровъ маршъ на крыльцо. Я за нимъ... Вижу, туманъ страсть какой и ужъ совсѣмъ стемняло, барскій садъ весь сизыми шапками, инеемъ обросъ, — какъ туча какая въ сумеркахъ, въ туманѣ этомъ мерещится, — да дѣлать, значитъ, нечего, не хочу молодого человѣка

обижать, молчу. Перешли лужки, поднялись на горку, оглянулись, а оконъ у барина ужъ и не видно стало. Отвернулся я отъ вѣтру, — въ одну минуту духъ захватило, такъ и несетъ этой мгой, туманомъ, въ родѣ какъ дыханье какое, — чувствую, что ужъ на двухъ шагахъ до самыхъ костей прохватило, а сапоги-то на насъ нагольные, да и поддевочки на шереметьевскій счетъ шиты, и опять говорю: «Ой, вернемся, Максимъ, не форси!» Онъ было и задумался... Да, извѣстно, дѣло молодое, по себѣ, небось, сударыня, знаете, — какъ свою гордость не выказать? — насупилса поскорѣе и опять пошелъ. Входимъ въ деревню, — конечно, потише стало, вездѣ огни по избамъ, хоть и мутные, а все-таки жилье, — онъ и бубнить: «Ну, видишь? Что дрожаль? Видишь, на ходу-то куда теплѣй, это только сначала такъ студенó показалось... Не отставай, не отставай, а то подгонять зачну...» А ужъ какое тамъ, сударыня, тепло, всѣ водовозки на-четверть ине-емъ обросли, всѣ лозинки къ землѣ пригнуло, крышъ не видать отъ туману и морозу... Конечно, жилье, да отъ этихъ огней туманъ еще больше выдаетъ, и всѣ рѣсницы у меня въ инеѣ, отяжелѣли, какъ у лошади хорошей, а барскихъ оконъ на томъ боку и званія не осталось... Одно слово — ночь лютая, самая чтó ни на есть волчиная...

Василій нахмурился, пустиль въ обѣ ноздри дымъ и, подавая окурокъ Сверчку, перебилъ его:

— Ну, ты, вовчиная, этакъ до второго пришествія не кончишь. Ты скорѣй рассказывай.

И дѣловито перевернулъ въ колѣняхъ хомутъ, намѣреваясь продолжать работу. Сверчокъ, щепотками, кончиками прокопченныхъ пальцевъ взявъ у него оку-

рокъ, сильно затянулся и на минуту грустно задумался, какъ бы слушая свое дѣтское дыханіе и шумъ вѣтра за стѣнами. Потомъ несмѣло сказалъ:

— Ну, Богъ съ тобой, хорошо, покороче скажу. Я только хотѣлъ сказать, что просто мы заблудились въ двухъ шагахъ. Мы, сударыня, — продолжалъ онъ увѣреннѣе, взглянувъ на барыню, уловивъ въ ея глазахъ сочувствіе и вдругъ острѣе почувствовавъ свое давно ставшее привычнымъ горе: — мы дорогу, значить, потеряли. Какъ только вышли-съ за деревню, да попали въ эту темь, во мгу, въ холодъ, да прошли, можетъ, съ версту, такъ и заблудились. Тутъ большой верхъ, агромадный лугъ, буераки до самаго села идутъ, а надъ ними дорога всегда есть, вотъ мы и потрафляли по ней, все думали, что вѣрно держимся, а замѣсто того влѣво забрали по чьему-то слѣду, къ бибииковскимъ, значить, оврагамъ, и слѣдъ этотъ тоже, на бѣду, упустили, а ужъ тамъ и пошли мѣсить по снѣгу, по вѣтру, какъ попало. Да это все, сударыня, исторія извѣстная, — кто не блудилъ, всѣ блудили, — а я тó хотѣлъ сказать, какую мѹку-съ я за эту ночь принялъ! Я, правда, до того оробѣлъ, до того испугался, какъ, значить, прокружились мы часа два, али три, да зарьяли, задохнулись, обмерзли, стали въ пень и видимъ, что въ отдалку пропали, до того, говорю, испугался, что у меня ажъ руки, ноги огнемъ закололо, — всякому, понятно, свой животъ дорогъ, — но только я и въ мысляхъ не держалъ, чтó дальше-то будетъ, какъ накажетъ меня Господь! Я, понятно, думалъ, что мнѣ первому конецъ, — много ль во мнѣ духу, сами изволите видѣть, — а какъ увидалъ, что я-то еще живъ, стою, а ужъ онъ на снѣгъ сѣлъ, какъ увидалъ его. . .

Сверчокъ слегка вскрикнулъ на послѣднихъ словахъ, взглянулъ на кухарку, которая уже плакала, и, вдругъ заморгавъ, исказивъ и брови, и губы, и задрожавшую челюсть, сталь торопливо искать кисеть. Василій сердито сунулъ ему свой, и онъ, вертя прыгающими руками цыгарку и роняя въ табакъ слезы, опять заговорилъ, но уже новымъ, размѣренно-твердымъ и повышеннымъ тономъ:

— Дорогая моя сударыня, у насъ былъ баринъ Ильинъ, лютей его во всей губернии не было, — до нашего, то-есть, брата, до двороваго, — такъ вотъ онъ тоже замерзъ, подъ городомъ нашли, — лежитъ въ возкѣ, весь снѣгомъ забитъ, и самъ окоченѣлъ ужъ давно, и во рту ледъ, а возлѣ него сидитъ-дрожитъ кобель живой, сетеръ его любимый, подъ шубой подъ енотовой: онъ, значить, злодѣй-то такой, шубу свою собственную снялъ съ себя и кобеля накрылъ, а самъ замерзъ, и кучеръ его замерзъ, и вся тройка мерзлая на оглобли навалилась, поколѣла. . . А вѣдь тутъ не кобель, тутъ — сынъ родной, дорогой мой товарищъ! Да сударыня! Что мнѣ было снять-то съ себя? Поддевку-то эту? Да она была ровесница мнѣ, на немъ была вдвое теплѣй. . . Да тутъ и шубой не помочь бы! Тутъ хоть рубаху сними — не спасешь, хоть на весь бѣлый свѣтъ кричи — никого не докричишься! Онъ вскорости еще пуще меня испугался, и вотъ отъ этого отъ самаго и пропали-то мы. Какъ только упустили мы слѣдъ, онъ и заметался. Сперва все покрикивалъ, зубами ляскалъ да отдувался, какъ, значить, до животовъ-то прохватило насъ вѣтромъ съ морозомъ, потомъ въ родѣ какъ съ ума сталь сходить. «Стой! — кричу. — Ради Христа, стой, давай сядемъ, подумаемъ»

ся! . . . Молчить. Я его за рукавъ хватаю, опять кричу. . . Молчить, да и только! Либо не понимаетъ ничего, либо не слышитъ. Темь хоть глазъ выколи, ногъ, рукъ ужъ не чуемъ, все лицо сковало, губъ въ родѣ какъ совсѣмъ нѣту — одна челюсь голая — и ничего не поймешь, ничего не видать! Гудить вѣтеръ въ уши, несеть мгу эту, а онъ кружится, мечется — и ничего не слушаетъ меня. Бѣгу, глотаю туманъ, вязну по поясъ. . . того гляди, думаю, изъ виду его упушу. . . вдругъ — разъ! сорвались куда-й-то, покатались, задохнулись въ снѣгу. . . чую — въ оврагахъ сидимъ. Помолчали, помолчали, отдышались — вдругъ онъ и говоритъ: «Это чтó, отецъ? Бибиловскіе овраги? Ну, седи, седи, давай отдохнемъ. Вылѣземъ — цѣликомъ назадъ пойдёмъ. Теперь я все понимаю. Ты не бойся, не бойся, — я тебя доведу.» А ужъ голосъ-то дикій. Не говоритъ, а рубить. . . И вотъ тутъ-то я и понялъ, что пропали мы. Вылѣзли, опять пошли, опять ошалѣли. . . мѣсили, мѣсили снѣгъ еще часа два, попали въ кустарникъ дубовый, да какъ наткнулись на него, да поняли, что мы ужъ верстахъ въ десяти отъ Огневки, въ степи пустой, — тутъ онъ и сѣлъ вдругъ: «Сверчокъ, прощай.» — «Стой, какъ прощай? Очнись, Максимъ! . . .» Нѣтъ, — сѣлъ и смолкъ. . .

— Долга пѣсня разсказывать, сударыня! — вдругъ опять звонко сказала Сверчокъ, искажая брови. — Тутъ и страхъ весь пропалъ у меня. Какъ сѣлъ онъ, мнѣ такъ въ голову и вдарило: а-а, думаю, вонъ чтó, — помирать мнѣ теперь, видно, время нѣтъ! Руки сталъ у него цѣловать, умолять — молъ, поддержишь хоть немножко еще, не седи, не давайся сну этому смертному, пойдёмъ цѣликомъ, обопрись на меня! Нѣтъ,

— валится съ ногъ долой да и только! А я бы и померъ отъ этакой страсти, да ужъ — не могу.. не въ суюстояніи.. И когда ужъ кончился онъ, смолкъ совсѣмъ, отяжелѣлъ, оледянѣлъ, я его, мужчину этакого, на закорки навалилъ, подъ ноги подхватилъ — и поперъ цѣбликомъ. Нѣтъ, думаю, стой, нѣтъ, шалишь, не отдамъ, — мертваго буду сто ночей таскать! Бѣгу, вязну въ снѣгу, а у самого духъ отъ тяжести занимается, волосы дыбомъ отъ страху встаютъ, какъ онъ своей студеной головой, — картузь-то ужъ давно свалился, — по плечу моему елозитъ, до уха касается. А все бѣгу да кричу: «Нѣтъ постой, не отдамъ, помирать мнѣ теперь не время!» Думалось такъ, сударыня, — сказалъ Сверчокъ, вдругъ упавшимъ голосомъ и заплакалъ, вытирая рукавомъ глаза, выбирая на рукавѣ мѣстечко менѣе грязное, ближе къ плечу: — думалось такъ.. . принесу на село.. . можетъ, оттаеетъ, ототру.. .

Долго спустя, когда Сверчокъ уже успокоился и сталъ пристально смотрѣть красными глазами въ одну точку передъ собою, когда вытерли слезы и облегченно вздохнули и барыня, и кухарка, Василій серьезно сказалъ:

— А напрасно я тебя окоротилъ. Ты хорошо рассказываешь. Я и не чаялъ такой прыти отъ тебя.

— Вотъ то-то и оно-то, — тоже серьезно и просто отвѣтилъ Сверчокъ. — Тутъ, братъ, всю ночь можно рассказывать, и то не расскажешь.

— А сколько ему было лѣтъ? — спросилъ Ремеръ, искоса поглядывая на жену, тихо улыбающуюся послѣ слезъ, и тревожно думая о томъ, какъ бы это не поредило ей въ ея положеніи.

— Двадцать пятый-съ, — отвѣтилъ Сверчокъ.

— И больше у васъ не было дѣтей? — робко спросила барыня.

— Нѣтъ-съ, не было. . .

— А у меня вонъ цѣлыхъ семеро, — нахмуриваясь, сказалъ Василій. — Изба два шага, а ихъ куча. Тоже не велика сласть и дѣти. Намъ, видно, чѣмъ раньше помереть, тѣмъ выгоднѣе.

Сверчокъ подумаль.

— Ну, это не нашего ума дѣло, — еще проще, серьезнѣй и грустнѣй отвѣтилъ онъ и опять взялся за шило. — Не замерзни онъ, меня, братъ, до ста лѣтъ никакая смерть не взяла бы.

Господа переглянулись и, застегиваясь, поднялись съ мѣстъ. Но еще долго стояли и слушали, какъ отвѣчалъ Сверчокъ на разспросы кухарки о томъ, донесъ ли онъ сына до села, чѣмъ кончилось дѣло. Сверчокъ отвѣчалъ, что донесъ, но только не до села, а до желѣзной дороги, и упалъ, споткнувшись на рельсы. Обморозилъ руки, ноги и уже совсѣмъ терялъ сознаніе. Разсвѣло, шла мятель, все бѣлѣло, а онъ сидѣлъ въ степи и смотрѣлъ, какъ заноситъ снѣгъ его мертваго сына, набивается въ рѣдкіе усы и въ бѣлыя уши. Подняли ихъ кондуктора товарнаго поѣзда, шедшаго изъ Балашова.

— Дивное дѣло, — сказала кухарка, когда онъ кончилъ, — не пойму я того, какъ ты самъ-то въ такую страсть не замерзъ?

— Не до того было, матушка, — отвѣтилъ Сверчокъ разсѣянно, ища что-то на верстакѣ, въ обрѣзкахъ кожи.

НОЧНОЙ РАЗГОВОРЪ

I

Небо было серебристо-звѣздно, поле за садомъ и гумномъ темнѣло ровно, и на чистомъ горизонтѣ четко чернѣла мельница съ двумя рогами крыльевъ. Но звѣзды искрились, трепетали, часто прорѣзывали небо зеленоватыми полосками, садъ шумѣлъ порывисто и уже по-осеннему, холодно. Отъ мельницы, съ пологой равнины, съ опустѣвшаго жнивья дулъ сильный вѣтеръ.

Работники сытно поужинали, — былъ праздникъ, Успенье, — и жадно накурились по дорогѣ черезъ садъ на гумно. Накинувъ армяки сверхъ полушубковъ, они шли туда спать, стеречь хлѣбные вороха. За работниками, таща подушку, шелъ высокій гимназистъ, и бѣжали три борзыхъ бѣлыхъ собаки. На гумнѣ, на свѣжемъ вѣтру, хорошо пахло мякиной, новой ржаной соломой. Всѣ уютно улеглись въ ней, въ самомъ большомъ ометѣ, поближе къ ворохамъ и ригѣ. Собаки повозились, пошуршали у ногъ и тоже успокоились.

Надъ головами лежавшихъ слабо бѣлѣлъ широкій, раздваивающійся дымно-прозрачными рукавами Млечный Путь, наполненный висящей въ нихъ мелкой звѣздной розсыпью. Въ соломѣ было тепло и тихо. Но по

лозняку, что темнѣль вдоль вала слѣва, то и дѣло тревожно шелъ и, разрастаясь, приближался глухимъ неприятнымъ шумомъ сѣверо-восточный вѣтеръ. Тогда до лицъ, до рукъ доходило прохладное дуновение вмѣстѣ съ дурнымъ запахомъ изъ проходовъ между ометами. А по небосклону, за неправильными черными пятнами лозняка, остро мелькали, вспыхивали льдистые алмазы, разноцвѣтными огнями загоралась Капелла.

Улегшись, позѣвали и закрыли глаза. Вѣтеръ дремотно шелестѣль торчавшей надъ головами колючей соломой. Но дошла до лицъ прохлада — и всѣ почувствовали, что спать еще не хочется, — выспались послѣ обѣда. Только одинъ гимназистъ изнемогалъ отъ сладкой жажды сна. Но ему заснуть не давали блохи. Онъ сталъ чесаться, раздумался о дѣвкахъ, о вдовѣ, съ которой онъ, при помощи работника Пашки, потерялъ въ это лѣто невинность, и тоже разгулялся.

Это былъ худой, неуклюжій подростокъ съ нѣжнымъ цвѣтомъ лица, такого бѣлаго, что даже загаръ не бралъ его, съ синими глазами, съ большимъ кадыкомъ. Онъ все лѣто не разлучался съ работниками, — возилъ сперва навозъ, потомъ снопы, оправлялъ ометы, курилъ махорку, подражалъ мужикамъ въ говорѣ и въ грубости съ дѣвками, которыя дружески поднимали его на смѣхъ, встрѣчали криками: «Веретѣнкинъ, Веретѣнкинъ!» — дурацкимъ прозвищемъ, придуманнымъ подавальщикомъ въ молотилку Ивановъ. Онъ ночевалъ то на гумнѣ, то въ конюшнѣ, по недѣлямъ не мѣнялъ бѣлья и парусиновой одежды, не снималъ дегтярныхъ сапогъ, сбиль въ кровь ноги съ непривычки къ

портянкамъ, оборвалъ всѣ пуговицы на лѣтней шинели, испачканной колесами и навозомъ. . .

— Совсѣмъ отбился отъ дому! — съ ласковой грустью говорила о немъ мать, восхищаясь даже его недостатками. — Конечно, поправится, окрѣпнетъ, но посмотрите, какая лохматая чушка, даже шеи не моетъ! — улыбаясь, говорила она гостямъ и теребила его мягкія каштановыя лохмы, стараясь добратъся до нѣжнаго завитка, кудрявившагося, какъ у дѣвочки, на его затылкѣ, на темной шеѣ, отдѣлявшейся отъ виднаго подъ косовороткой по-дѣтски бѣлаго тѣла, отъ большихъ позвонковъ подъ тонкой гладкой кожей. А онъ угрюмо вывертывалъ голову изъ-подъ ея ласковой руки, хмурился, краснѣлъ. Онъ росъ не по днямъ, а по часамъ и на ходу гнулъся, задумчиво свисталъ, углавато вилялъ изъ стороны въ сторону. Онъ еще ѣлъ липовый цвѣтъ, вишневый клей носилъ, хотя, уже тайкомъ, въ карманѣ парусиновыхъ панталонъ, рогульку для стрѣльбы по воробьямъ, но сгорѣлъ бы отъ стыда, если бѣ это обнаружилось, и не выпускалъ рукъ изъ кармановъ. Еще зимой онъ игралъ съ Лилей въ краснокожихъ. Но весной, когда по всѣмъ улицамъ города текли и дрожали ослѣпительнымъ блескомъ ручьи, когда въ классахъ горѣли отъ солнца бѣлые подоконники, солнцемъ былъ пронизанъ голубой дымъ въ учительской и директорская кошка подстерегала первыхъ зябликовъ въ гимназическомъ саду, еще полною серебрянаго снѣга, — весной онъ вообразилъ, что влюбился въ худенькую, маленькую, начитанную и серьезную гимназистку Юшкову, подружился съ шести-классникомъ въ очкахъ Симашко и рѣшилъ посвятить всѣ каникулы самообразованію. А лѣтомъ мечты о са-

мообразованіи были уже забыты, было принято новое рѣшеніе — изучить народъ, вскорѣ перешедшее въ страстное увлеченіе мужиками.

Вчеромъ на Успенье гимназистъ былъ налить сномъ еще за ужиномъ. Къ концу каждаго дня, когда туманилась и на грудь падала голова, — отъ усталости, отъ разговоровъ съ работниками, отъ роли взрослого, — возвращалось дѣтство: хотѣлось поиграть съ Лилей, помечтать передъ сномъ о какихъ-нибудь дальнихъ и невѣдомыхъ странахъ, о необыкновенныхъ проявленіяхъ страсти и самопожертвованія, о жизни Ливингстона, Беккера, а не мужиковъ Наумова и Нефедова, прочитатъ которыхъ дано было Симашкѣ честное слово; хотѣлось хотъ одну ночь переночевать дома и не вскакивать до солнца, на холодной утренней зарѣ, когда даже собаки такъ томно зѣваютъ и тянутся. . . Но вошла горничная, сказала, что работники уже пошли на гумно. Не слушая криковъ матери, гимназистъ накинулъ на плечи шинель съ мотающимся хлястикомъ и картузь на голову, схватилъ изъ рукъ горничной подушку и въ аллеѣ нагналъ работниковъ. Онъ шелъ, шатаясь отъ дремоты, таща за уголь подушку, и, какъ только довалился до омета, подлѣзъ подъ старую енотовую шубу, лежавшую тамъ, такъ сейчасъ же и поплылъ, понесся въ сладкую черную тьму. Но огнемъ стали жечь мелкія собачьи блохи, стали переговариваться работники. . .

Ихъ было пятеро: добрый лохматый старикъ Хомуть, Кирюшка, хромою, бѣлоглазый, безотвѣтный малый, предававшійся мальчишескому пороку, о чемъ всѣ знали и что заставляло Кирюшку быть еще безотвѣтнѣе, молча сносить всяческія насмѣшки надъ его

короткой, согнутой въ колѣнѣ ногой, Пашка, красивый двадцатичетырехлѣтній мужикъ, недавно женившійся, Федотъ, мужикъ пожилой, дальній, откуда-то изъ-подъ Лебедяни, прозванный Постнымъ, и очень глупый, но считавшій себя изумительно умнымъ, хитрымъ и безнощадно-насмѣшливымъ человѣкомъ, Иванъ. Этотъ презиралъ всякую работу, кромѣ работъ на земледѣльческихъ машинахъ, носилъ синюю блузу и всѣмъ внушилъ, что онъ прирожденный машинистъ, хотя всѣ знали, что онъ ни бельмеса не смыслить въ устройствѣ даже простой вѣялки. Этотъ все суживалъ свои сумрачно-ироническіе глазки и стягивалъ тонкія губы, не выпуская трубки изъ зубовъ, значительно молчалъ, когда же говорилъ, то только затѣмъ, чтобы убить кого-нибудь или что-нибудь замѣчаніемъ или прозвищемъ: онъ рѣшительно надо всѣмъ глумился — надъ умомъ и глупостью, надъ простотой и лукавствомъ, надъ уныніемъ и смѣхомъ, надъ Богомъ и собственной матерью, надъ господами и надъ мужиками; онъ давалъ прозвища нелѣпья и непонятныя, но произносилъ ихъ съ такимъ загадочнымъ видомъ, что всѣмъ казалось, будто есть въ нихъ и смыслъ и ѣдкая мѣткость. Онъ и себя не щадилъ, и себя прозвалъ: «Рогожкинъ», — сказалъ онъ однажды про себя, такъ вѣско, такъ зло на что-то намекая, что всѣ покатались со смѣху, а потомъ уже и не звали его иначе, какъ Рогожкинъ. Окрестилъ онъ и гимназиста, сказалъ чепуху и про него: Веретѣнкинъ.

Всѣхъ этихъ людей гимназистъ, какъ онъ думалъ, хорошо узналъ за лѣто, ко всѣмъ по-разному привязался, — даже и къ Ивану, издѣвавшемуся надъ нимъ, — у всѣхъ тому или другому учился, воспринимая ихъ

говоръ, совершенно, какъ оказалось, не похожій на говоръ мужиковъ книжныхъ, ихъ неожиданныя, нелѣпныя, но твердыя умозаключенія, однообразіе ихъ готовой мудрости, ихъ грубость и добродушіе, ихъ работоспособность и нелюбовь къ работѣ. И, уѣхавши послѣ каникулъ въ городъ и на другое лѣто уже не вернувшись къ увлеченію мужицкой жизнью, онъ весь свой вѣкъ думалъ бы, что отлично изучилъ русскій народъ, — если бы случайно не завязался между работниками въ эту ночь длинный откровенный разговоръ.

Началъ старикъ, лежавшій рядомъ съ гимназистомъ и чесавшійся крѣпче всѣхъ.

— Ай, барчукъ, донимають? — спросилъ онъ. — Чистая бѣда эти блохи, хомуть! — сказалъ онъ, употребляя слово, которымъ постоянно опредѣлялъ и всю жизнь свою, и всю тяготу ея, всѣ непріятности.

— Мочи нѣтъ, — отозвался гимназистъ. — Вотъ бабъ, дѣвокъ, тѣхъ не трогаютъ. А ужъ кого бы, кажись, жилиять, какъ не ихъ.

— Главная вещь, портокъ на нихъ не полагается, — равнодушно подтвердилъ старикъ, ворочаясь и издавая крѣпкій запахъ давно не мытаго тѣла и вытертаго зипуна, прокопченнаго курной избой.

Прочіе молчали. Обычно шутили передъ сномъ, разспрашивали Пашку о его супружеской жизни, а онъ отвѣчалъ съ такимъ спокойнымъ и веселымъ безстыдствомъ, что даже гимназистъ, постоянно восхищавшійся имъ, не сводившій глазъ съ его умнаго и живого лица, досадовалъ — какъ это можно говорить такъ о своей молодой женѣ. Теперь никто не начиналъ разспросовъ, и гимназистъ уже хотѣлъ-было самъ начать ихъ,

чтобы еще болѣе взволновать свое воображеніе, навѣки отравленное вдовой, и послушать увѣренный голосъ Пашки, какъ Пашка потянулся, сѣлъ и сталъ заворачивать цыгарку. Старикъ поднялъ голову въ шапкѣ и покачалъ ею.

— Ой, спалишь ты, малый, гумно! — сказала онъ.
— Смотри. До грѣха недолго.

— А я на барчука солгусь, — отвѣчалъ Пашка, немного хрипя отъ простуды, и, откашлявшись, засмѣялся. — Онъ самъ постоянно курить. Чудная ночь, барчукъ, сегодня, — сказала онъ, мѣняя тонъ на серьезный и оборачиваясь къ гимназисту. — Къ этой ночи что недостаетъ? Луну.

Чувствовалось, что онъ хочетъ рассказать что-то. И, правда, помолчавъ и не получивъ отвѣта, онъ вдругъ спросилъ:

— Барчукъ, вы спите? Который теперь часъ будетъ?

Гимназистъ поднялся, вытащилъ изъ кармана панталонъ серебряные часы и при свѣтѣ звѣздъ сталъ разглядывать ихъ.

— Половина одиннадцатаго, — сказала онъ, горбась.

— Ну вотъ, такъ я и зналъ, — весело и увѣренно подтвердилъ Пашка, затиснувъ на-бокъ зубами крючокъ и закуривая отъ вонючаго сѣрника, загорѣвшагося въ его сложенныхъ ковшикомъ рукахъ. — Въ акуратъ въ это самое время я человѣка прошлый годъ убилъ.

И гимназистъ сразу разогнулся, опустилъ руки — и точно окаменѣлъ на все время разговора. Онъ изрѣдка

подавалъ голосъ, но такъ, точно другой кто говорилъ за него. Потомъ все внутри у него стало дрожать мелкою ледяною дрожью, позывая на отрывистый, нелѣпый смѣхъ, и огнемъ стало горѣть лицо.

II

Иванъ, какъ всегда, значительно молчалъ. Кирюшка совсѣмъ не интересовался тѣмъ, что говорили, лежалъ и думалъ свое — о гармоніи, купить которую было его самой завѣтной мечтой. Долго молчалъ, лежа на локтѣ, и Федотъ, сильный, плоскій мужикъ, въ началѣ лѣта казавшійся работникамъ чужимъ человѣкомъ по той причинѣ, что носилъ онъ полушубокъ безъ талии, безъ сборокъ, въ родѣ тѣхъ, что носятъ казанскіе татары. Чужимъ казался онъ и гимназисту. Насколько нравилось ему веселое спокойствіе, ладность ухватокъ, загорѣлое лицо Пашки, настолько же не располагало его къ близости лица Федота, тоже спокойное, но ничего не выражающее, большое, пепельно-сѣрое, морщинистое, съ жидкими и всегда мокрыми отъ слюней, отъ трубки усами, съ крупными отворотами бѣлесыхъ обвѣтренныхъ губъ. Федотъ слушалъ внимательно, но не вставлялъ въ разговоръ Пашки ни слова, — только чахоточно покашливалъ и поплевывалъ въ солому. И сперва поддерживали разговоръ только пораженный гимназистъ да старикъ.

— Что брешешь пустое, — равнодушно сказалъ старикъ, услыхавъ хвастливое заявленіе Пашки. — Какого такого человѣка могъ ты убить? Гдѣ?

— Глаза лопни, не брешу! — горячо отозвался Пашка, поворачиваясь къ старику. — Прошлый годъ убиль, на Успенье. Объ этомъ даже во всѣхъ газетахъ писали, въ приказѣ по полку и то было.

— Да гдѣ убиль-то?

— Да на Кавказѣ, въ Зухденахъ. Ей-Богу! Конечно, брехать не стану, не я одинъ убиль, и Козловъ стрѣляль, — нашъ же, елецкій, — эта благодарность не одному мнѣ была, дивизіи начальникъ, конечно, и ему спасибо сказалъ при всемъ фронтѣ и прямо же намъ по рублю наградилъ, но только я подлинно знаю, что это я его сръзаль.

— Кого его? — спросилъ гимназистъ.

— Да арестанта, грузинта этого.

— Стой, — перебилъ старикъ: — ты толкомъ расскажи. Гдѣ вы стояли?

— Опять двадцать пять! — притворно-досадливо сказалъ Пашка. — Вотъ чудакъ, не вѣритъ ничему. Стояли мы въ этихъ, въ Новыхъ Сенякахъ. . .

— Знаю, — сказалъ старикъ. — И мы тамъ стояли восемнадцать дѣнь.

— Ну, вотъ видишь, — значить, я не пустое брешу и могу тебѣ все это приблизительно рассказать. Мы тамъ, братъ, не восемнадцать дѣнь, а цѣльный годъ семь мѣсяцевъ стояли, а арестантовъ этихъ обязаны были до самыхъ до Зухденъ препровождать. Арестанты эти были прямо что ни на есть самые главные преступники, бунтовщики, и, значить, всѣхъ ихъ, десять человекъ, въ горахъ поймали и къ намъ представили. . .

— Стой, — перебилъ гимназистъ, — а какъ же ты мнѣ говорилъ, что не сталъ бы бунтовщиковъ стрѣ-

лять, а скорѣе офицера, какой будетъ приказывать стрѣлять, застрѣлишь?

— А я и отцу родному не спущу, когда надо, — отвѣтилъ Пашка, мелькомъ взглянувъ на гимназиста и опять оборачиваясь къ старику. — Я, можетъ, и пальцемъ бы его не тронулъ, кабы онъ не задумалъ погубить насъ, а онъ на хитрости пошелъ и могли мы за него цѣльный годъ въ арестанскихъ ротахъ пробыть, а тутъ не только чтó, — благодарность получили, немножко поумнѣй его оказались. Ты вотъ послушай, — сказалъ онъ, дѣлая видъ, что говоритъ только со старикомъ. — Мы ихъ честно-благородно вели. Озорства этого ничего съ ними не дѣлали, бить тамъ, напримеръ, али прикладомъ подгонять. . . А одинъ, худой этакій, малорослый, все идетъ и на животъ жалится, дó вѣтру все просится. Еле кандалами брянчить. Наконецъ того, подходитъ къ старшóму: «Дозвольте на телѣгу лечь.» Ну, ему и дозволили, какъ путному. Только приходимъ въ Зухдены. А ночь — хоть глазъ выколи и дождь холить. Посадили мы ихъ на крыльцо, стережемъ, у кажнаго, конечно, по фонарику въ рукѣ, а старшой въ камеру отлучился, рѣшетки въ окнахъ пощупать: извѣстно, затѣмъ, что цѣлы ли, молъ, не подпилены ли какой пилкой фальшивой. . .

— Обязательно, — сказалъ старикъ. — Онъ должонъ по закону все въ исправности принять.

— Про то и толкъ, — подтвердилъ Пашка, опять торопливо пряча зажженный сѣрникъ въ руки, сложенные ковшикомъ. — Вотъ ты это дѣло знаешь, тебѣ и рассказывать интересно. Ну, пошелъ старшой, — продолжалъ онъ, давъ спичку и пуская въ ноздри дымъ: — пошелъ, осматриваетъ, а мы стоимъ, клюемъ рыбу.

— спать мочи нѣтъ какъ хочется, — а грузинтъ этотъ какъ вскочить вдругъ да зауголь! Онъ, понимаешь, значить, еще въ телѣгѣ все это дѣло какъ слѣдуетъ обдумалъ, разрѣзалъ чѣмъ ни на есть ремень кандалный округъ пояса, спустилъ кандалы съ себя, подхватилъ вотъ такъ-то рукой, — Пашка нагнулся и, разставляя ноги, показалъ, какъ подхватилъ арестантъ кандалы, — да и дѣру! А мы съ Козловымъ, не будь дураки, фонари покидали и — за нимъ: Козловъ тоже зауголь, а я прямо наперерѣвъ. Бѣгу, а самъ все норовлю поймать, гдѣ звукъ, гдѣ, то-есть кандалы его звенять, — дуромъ-то, думаю, и стрѣлять нечего, — слышалъ, наконецъ того, — разъ! Чую — мимо. Я въ другой — опять, слышу, мимо. А Козловъ лупитъ по чемъ ни попало, того гляди меня срѣжетъ... Взяло меня зло: ахъ, думаю, глаза твои лопни! — приложился, ударилъ: слава тебѣ, Господи, сорвался, слышу, звукъ, видно, упалъ. Выпустилъ еще два патрона въ это мѣсто, бѣгу, а онъ и вотъ онъ: на зemi на задѣ сидитъ. Сълъ, руками уперся въ грязь, зубы оскалилъ и храпитъ: «Скорѣй, говоритъ, скорѣй, русь, ударь меня въ это мѣсто штыкомъ» — въ грудь, то-есть. Я навѣсилъ съ разбѣгу ружье — разъ ему въ самую душу... ажъ въ спину выскочило!

— Ловко! — сказалъ старикъ. — Дай-ка затянуться разокъ... Ну, а Козловъ-то гдѣ-жъ?

Пашка быстро, крѣпко затянулся и сунуль старику окурокъ.

— А Козловъ, — отвѣтилъ онъ поспѣшно и весело, польщенный похвалой: — а Козловъ бѣжитъ и не судомъ кричитъ: «ай угомонилъ?» — Угомонилъ, говорю, давай тушку тащить... Взяли его сейчасъ за кан-

дали и поволокли назадъ, къ крыльцу. . . Я его какъ жожку срѣзалъ, — сказалъ онъ, мѣняя тонъ на болѣе спокойный и самодовольный.

Старикъ подумалъ.

— И по рублю, говоришь, наградишь васъ?

— Вѣрное слово, — отвѣтилъ Пашка, — прямо изъ своихъ рукъ далъ, при всемъ полномъ фронтѣ.

Старикъ, покачивая шапкой, плюнулъ въ ладонь и потушилъ въ слюнѣ окурокъ.

Иванъ не спѣша сказалъ сквозь зубы:

— А дураковъ, видно, и въ солдатахъ много.

— Это какъ же такъ? — спросилъ Пашка.

— А такъ, — сказалъ Иванъ. — Ключи Матвѣй! Ты что долженъ былъ дѣлать? Ты долженъ былъ не влочить его, а послать съ рапортомъ товарища, а самъ съ ружьемъ стать при мертвомъ тѣлу. Теперь расчухаль. ай нѣтъ?

III

Федотъ заговорилъ, когда всѣ помолчали и побормотали: «да-а. . . ловко. . .» — еще проще.

— А вотъ я, — началъ онъ медлительно, лежа на локтѣ и поглядывая на темную, неподвижно торчавшую передъ нимъ на звѣздномъ небѣ фигуру гимназиста: — а вотъ я совсѣмъ задаромъ согрѣшилъ. Я человекъ убилъ, прямо надо сказать, изъ-за ничтожности: изъ-за козѣ своей.

— Какъ изъ-за козѣ? — въ одинъ голосъ перебили старикъ, Пашка и гимназистъ.

— Ей-Богу, правда, — отвѣтилъ Ѳедотъ. — Да вы вотъ послушайте, что за ядь была эта коза. . .

Старикъ и Пашка опять стали закуривать и уминать солому, приготовляясь слушать. Хотѣль закурить и гимназистъ, но не двигались, не вынимались изъ кармановъ ледяныя руки. А Ѳедотъ серьезно и спокойно продолжалъ:

— Изъ-за ней вся и дѣло вышла. Убилъ-то, конечно, не нарокомъ. . . Онъ же меня первый избилъ. . . А потомъ пошла свара, судъ. . . Онъ пьяный пришелъ, а я выскочилъ сгоряча, вдарилъ брускомъ. . . Да объ этомъ что говорить, я и такъ въ монастырѣ за него полгода отдежурилъ, а кабы не было этой козѣ, и ничего бы не было. Главная вещь, отроду ни у кого у насъ не водилось этихъ козъ, не мужицкое это дѣло, и обращенья съ ними мы не можемъ понимать, а тутъ еще и коза-то попалась лихая, игривая. Такая стерва была, не приведи Господи. Что борзая сучка, то она. Можетъ, я и не захотѣлъ бы ее приобрѣтать, — и такъ всѣ смѣялись, отговаривали, — да прямо нужда заставила. Угодій у насъ нѣту, простору и лѣсовъ никакихъ. . . Прогону своего у насъ споконъ вѣку не было, а какая мелочная скотина, такъ она просто по парамъ питается. Крупную скотину, коровъ мы на барскій дворъ отдавали, а полагалось съ нашего брата, мужичка, за всю эту инструкцію двѣ десятины скосить-связать, двѣ десятины пару вспахать, три дни съ бабой на покосѣ отбыть, три дни на молотѣбѣ. . . Сосчитать, сколько это будетъ? — сказалъ Ѳедотъ, поворачивая голову къ старику.

Старикъ сочувственно подтвердилъ:

— Избавь Господи!

— А ко́зу купить, — продолжалъ Ѳедотъ, — ну, отъ силы семь, али, скажемъ, восемь цѣлковыхъ отдать, а въ напоръ она дастъ бутылки четыре, не менѣ, и молоко отъ ней гуще и слаже. Неудобство, конечно, отъ ней та, что съ овцами ее нельзя держать — бьетъ ихъ дюже, когда котна, а зачнетъ починать, злѣй собаки исдѣлается, зрить ихъ не можетъ. И такая цопкая скотина — это ей на избу залѣзть, на ракутку, — ничего не стоить. Есть ракутка, такъ она ее безпремѣнно обдеретъ, всю шкурку съ ней спуститъ — это самая ея удовольствіе!

— Ты же хотѣлъ рассказать, какъ чело́вѣка убилъ, — съ трудомъ выговорилъ гимназистъ, все глядя на Пашку, на его лицо, неясное въ звѣздномъ свѣтѣ, не вѣря, что этотъ самый Пашка — убійца, и представляя себѣ маленькаго мертваго грузина, котораго волокутъ за кандалы, по грязи, среди темной, дождливой ночи, два солдата.

— Да а я-то про что жъ? — отвѣтилъ Ѳедотъ грубовато и заговорилъ немного живѣе. — Ты не можешь этого дѣла понимать, ты своимъ домомъ жить-то еще не пробовалъ, а за мамашей жить — это всякій проживетъ. Я про то и говорю, что такай грѣхъ прямо изъ-за пустого вышелъ. Я изъ-за ней трехъ овецъ зарѣзалъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ старику. — Девять съ полтиной за овецъ взялъ, а за нее восемь заплатилъ. Не дешево тоже обошлась. . . И опять же съ бабой пошли каждый день скандалы. Взялъ, говорю, пустое, восемь за ко́зу отдаю, ну, тамъ кой-чего для хозяйства купилъ, кой-какую вещь, ребятамъ свистулекъ набралъ, пошелъ домой, перъ, перъ, пришелъ къ утру — глядь, полтинника нѣту: сунуль, значить, въ кар-

манъ и посѣялъ. Стала баба деньги считать — «гдѣ жъ, говорить полтинникъ? проглотилъ? Говорила тебѣ, дураку, тушками продать, а овчины себѣ оставить. . .» Слово за слово. . . Такой скандалъ пошелъ, не приведи Господи! Она у меня такая, правду сказать, собака, во всей губерніи поискать. . .

— Это своя допущенье, — дѣловито вставилъ Пашка. — Ихъ не бить, добра не видать.

— Понятная дѣло, — сказала Ѳедотъ. — Ну, одумалась, покорила. А подоила козу, и совсѣмъ повеселѣла, хороша, правда, на удой оказалась и молоко отличная. Мы было и обрадовались. Погнали въ стадо. Даль я постушатамъ на табакъ, поднесъ по чашкѣ водки. . . а то они, сукины дѣти, брухаться приучаютъ. . . Только ворочается вечеромъ стадо — смотрю, нѣту моей козѣ. Я къ пастуху: почему нашей козѣ нѣту? А потому, говоритъ, пригнали мы стадо на лѣсной паръ, зачала твоя коза съ коровами играть, схватилась съ быкомъ: отойдетъ отъ него, разлетится, разлетится — разъ его въ кичку! До того его изняла, сталъ за коровъ отъ ней прятаться, а кинешься отгонять, она — шаркъ въ овесъ. . . Мы прямо изъ силъ выбились! А потомъ ушла, бѣгаль за ней подпасокъ, весь лѣсъ выбѣгаль, нигдѣ не нашель, — какъ скрозъ земь провалилась. . .

— Ну, правда, что — ядъ коза! — замѣтилъ старикъ.

— А-а! — злорадно сказала Ѳедотъ. — Да это еще чтó, ты послухай, чтó дальше-то будетъ! Какъ пропала эта самая коза, мы съ бабой прямо очумѣли. Ну, думаемъ, каюкъ, вотъ тебѣ и денежки наши, попáнется она волку на-зубы. А того, понятно, и въ головѣ не

держимъ, что куда бы лучше было, кабы ее черти задрали. Кинулись наранѣ въ лѣсъ, кажись, живого мѣста не оставили, все до шпенту обѣлосили — нѣту нигдѣ, да и только! Затужилъ я Бо-зна какъ, однако ѣду пахать, — какъ разъ пахота подошла. Взялъ съ собой хлѣбушка въ платочкѣ, положилъ подъ мѣжу, пашу, а на другомъ бугрѣ малый нашъ деревенскій пашетъ — вдругъ, слышу, кричитъ что-й-то, показываетъ рукой. Оглянулся я да такъ и ахнулъ: коза! Вытащила узелокъ, схватила въ зубы, растрясла и стоитъ, держаетъ бородой, хлѣбъ лопаешь. . . Кинулъ я поскорѣй соху — къ ей. Я къ ей, а она отъ мене. Я къ ей, она отъ мене: отбѣжить, остановится, жуешь хлѣбъ — и горюшка мало. И вѣдь такая веселая да умная стерва — за всѣмъ моимъ движеніемъ слѣдить. А меня сердце на нее беретъ, очень хочется поймать, такъ бы, кажись, и расшибъ ее! Сожрала хлѣбъ и пошла: обертывается, поглядываетъ, хвостомъ трясеть, — ну, прямо насмѣшичаютъ!

— Чтó и говорить, скотина безпечная! — сказалъ старикъ.

— Про чтó жъ я-то говорю! — воскликнулъ Оедотъ, поощренный сочувствіемъ. — Я про то и говорю, что она прямо сокрушила насъ! Тутъ и недѣли не прошло, стали всѣ на меня обижаться, такъ, говорятъ, и живетъ коза твоя въ мужицкихъ хлѣбахъ, у меня у самого весь осьминникъ истолкла, всѣ кисти съ овса оборвала. Разъ какъ-то зашла гроза, зачала молонья полыхать, опустился дождь — смотрю, несется моя бѣлая коза, чтó есть духу, прямо къ намъ, оретъ не своимъ голосомъ — и прямо въ сѣнцы. Я со всѣхъ ногъ за ей, зажмалъ ее въ уголь, затянулъ черезъ рога

подпояской, зачалъ ее утюжить. . . громъ гремитъ, молонья жжетъ, а я ее деру, я ее деру! Должно, болѣ часу дралъ, вѣрное слово. Посадила потомъ на варкѣ, привязалъ на подпояскѣ. . . да тотъ-то ее знаетъ, либо подпояска попалась гнилая, либо еще чтó, только глянули мы на-ранѣ — опять нѣту козѣ! Такъ, вѣришь ли, ажъ слеза меня со зла прошибла!

IV

Тонъ Ѳедота сталъ такъ простъ, сердеченъ, такъ полонъ хозяйственнаго огорченія, что никому бы и въ голову не пришло, что это рассказываетъ о своемъ грѣхѣ убійца. Да и слушали его просто. Кирюшка неподвижно лежалъ внизъ животомъ, съ головой покрытый армякомъ, выставилъ изъ-подъ него толсто опутанныя бѣлыми онучами, въ большихъ лаптяхъ ноги. Иванъ, надвинувъ на лобъ шапку, запустивъ руки въ рукава, лежалъ на боку и тоже не двигался, молчалъ же сторого и серьезно потому, что считалъ ниже своего достоинства интересоваться дураками. Ему такъ было мало дѣла, убійцы передъ нимъ или нѣтъ, что онъ даже крикнулъ разъ:

— Спать пора! Завтра домелѣте!

А Пашка и старикъ, полулежа и задумчиво перекусывая соломинки, только головами покачивали да порою усмѣхались: ну, правда, и зазналъ горя Ѳедотъ съ козой! И Ѳедотъ, видимо, считая себя уже оправданнымъ этимъ сочувствіемъ къ его смѣшному и горькому положенію, совсѣмъ пересталъ стѣсняться от-

ступленіями. И гимназистъ, стиснувъ зубы и отъ вѣтра и отъ внутренняго холода, порою дико, съ изумленіемъ оглядывался: гдѣ онъ и что это за странная ночь? Но была все такая же, простая, знакомая, деревенская ночь, какихъ было много: темнѣло поле, чернымъ треугольникомъ вырѣзывалась въ звѣздномъ небѣ, рига, дулъ вѣтеръ по лозняку, за которымъ вспыхивали и пропадали звѣзды, доходило до лицъ и рукъ прохладное дуновеніе съ запахомъ мякины, шуршало въ соломѣ и опять стихало. . . Глубокимъ сномъ спали, утонувъ въ соломѣ бѣлыми клубками, собаки. . . И страшное было только въ томъ, что было уже поздно, что высоко поднялась съ сѣверо-востока кучка серебряныхъ звѣздъ, что глухо, по-осеннему шумить вдали темная туча дремотнаго сада, что блестятъ въ звѣздномъ свѣтѣ глаза на лицахъ разговаривающихъ. . .

— Да, братецъ ты мой, — говорилъ Федотъ, смѣясь надъ своимъ нелѣпымъ и печальнымъ положеніемъ: — какъ же не бѣда-то! Сказываютъ мнѣ конецъ того, — загналъ мою кóзу мужикъ на Прильпахъ. Иду добывать, дѣлать нечего, такой ужъ, видно, жербій мой. Прихожу на деревню, гдѣ ни гляну, — никого нѣту, всѣ на работѣ. Ёдетъ мальчикъ за водой, спрашиваю: гдѣ домъ Бочкова? «А вонъ, говоритъ, гдѣ старуха въ красной паневѣ подъ лозинкой сидитъ». Подхожу: «Это Бочковъ дворъ?» Махаеъ мнѣ старуха рукой, на варокъ показываетъ. . .

— Ошалѣла, значить, отъ старости, — вставилъ Пашка, такъ хорошо засмѣявшись, что гимназистъ съ изумленіемъ и страхомъ оглянулся на него и подумалъ: «Да нѣтъ, не можетъ быть — это онъ все навралъ на себя!»

— Ошалѣла, — подтвердилъ Федотъ. — Только рукой махаетъ. А я ужъ давно слышу, свинья на варкѣ юзжить. Отворяю дверь въ клѣтушку, плетеную закутку, гдѣ эта самая свинья сохраняется. Вижу, возить бабу здоровенная матка: навалилась на нее баба, держитъ одной рукой, другой изъ ведра на нее поливаетъ. А свинья вся черная отъ грязи, возить ее, таскаетъ, никакъ баба съ ней не сладитъ, заголилась до самаго живота. И смѣхъ и грѣхъ! Увидала меня, обдернула подоль, ноги, руки, вся лицо въ навозъ. . . «Что тебѣ нужно?» — «Что нужно? По дѣлу. Вы мою козу загнали, держите прибрлудный скотъ, а объявленіе не дѣлаете.» — «Никакой, говорить, твоей козѣ мы не держимъ. Мы ее выпустили. Ее на барскомъ дворѣ загнали.» И смѣется чего-й-то. Та-акъ, думаю, значить, опять моя дѣло табакъ. Ну, погоди жъ ты! Вышелъ, пошелъ. Только зашелъ за сосѣдній дворъ, повернулъ на стезжку по конопямъ, откуда ни явись, мальчишка чей-то рыжій навстрѣчу. «Ты за козой приходилъ?» — «За козой. А что?» Вдругъ слышу, кричить баба за избой: «Кузька, куда тебя закружило, глаза твои накройся?» — «Скорѣй, говорю, бѣги, вонъ мать съ крипивою идетъ.» А она и вотъ она — увидала его, бѣжитъ: «Не табѣ сказала за малымъ смотрѣть? А тебе куда завихрило, такой-сякой?» Потомъ какъ вскинется на меня! — «Ты чей?» — «А тебѣ, молъ, что за дѣло?» — «Да нѣтъ, ты скажи, ты чей?» — «Старой грандѣ казначей. Чего орешь? Я козу свою ищу.» — «А, такъ это ты, глаза твои накройся, съ своей козой спокую всему селу не даешь! . . » И вижу вдругъ — несется ко мнѣ высокій мужикъ отъ рыги — безъ шапки, распояской, въ сапогахъ. Набѣ-

жалъ со всѣхъ ногъ: «Твоя коза?» — «Моя.» Развернулся — какъ ахнетъ мнѣ въ ухо!

— Чисто! — въ одинъ голосъ воскликнулъ старикъ и Пашка, а гимназистъ даже взвизнулъ: вотъ оно, самое страшное-то! Но Федотъ спокойно вытянулъ изъ-подъ себя полу полушубка и спокойно продолжалъ:

— Да, такъ огрѣлъ, ажъ въ головѣ у меня зажундѣло. Я сгрѣбъ его за руки, спрашиваю: за что? А тутъ ужъ народъ бѣжить... Я при всѣхъ прошу просвидѣтельствовать это дѣло, опять спрашиваю: чтѣ такое моя коза натворила? Оказывается, ребенка съ ногъ долой сшибла, голову до крови проломила, рубашку сжевала, рожь истолкла. Чудесно, — подавай въ судъ, тамъ и съ меня спросятъ, и тебя не помилюють. Теперь-то, молю, едакъ ты съ меня возьмешь! Шапку надѣлъ и пошелъ поскорѣй на барскій дворъ. Повеселѣлъ маленько: коза теперь, думаю, не уйдетъ, а взыскивать съ меня ты теперь не можешь, — драться-то погодить было надо. Подхожу, вижу, ѣдетъ на лошаdkѣ съ подрубленнымъ хвостикомъ мальчикъ въ атласномъ картузикѣ, съ голыми руками-ногами, жокей называется. Лошадь подыгрываетъ, а онъ ее хлыстикомъ жилаетъ. «Здравія желаемъ, молю, дозвольте спросить: у вашей милости моя коза?» — «А вы кто такой?» — «Хозяинъ этой козѣ.» — «Ну, такъ ее мой папаша велѣлъ загнать.» Расчудесное дѣло, иду дальше, встрѣлъ нищаго, сдѣлалъ у него запасъ хлѣбушка, а то кобели на барскомъ дворѣ здоровы, взошелъ на барскій дворъ, стоитъ, вижу, возлѣ дома, на песочномъ току, карета четверикомъ, — лошади жирныя, рьяныя. На крыльцѣ лакей съ двумя бородами. Выходитъ барышня взрослая въ шляпкѣ съ лента-

ми, вся лицо въ кисеѣ. «Даша, — кричитъ въ домъ горничной: — скажите барину, чтобы шель скорѣй. Онъ въ манежѣ.» Я къ манежу. Вижу, стоитъ самъ баринъ въ мундирѣ съ зеленымъ воротомъ, на шеѣ орденъ, картузъ въ рукѣ держитъ, лысина такъ и отливаетъ на солнцѣ, животъ весь въ сборкахъ, самъ красивый. А мальчишка на крышѣ сидитъ, запустилъ руку подъ пелену, ищетъ что-й-то. Должно, шкворцовъ, думаю себѣ. Анъ нѣтъ, — воробьями занялся. Онъ глядитъ, кричитъ: «лови, лови ихъ, сукиныхъ дѣтей», а мальчишка ловитъ воробьятъ голыхъ, вытаскиваетъ и обѣъ земь бьетъ. Увидаль меня: «ты что?» — «Да вотъ, говорю, мою козу вашъ садовникъ на земляникѣ прихватилъ. Дозвольте ее взять, убить.» «Ужъ это не въ первый разъ, говоритъ, я тебя оштрахую на два цалковыхъ.» — «Согласенъ, говорю, съ вами, виновать, подписываюсь въ этимъ. Такой грѣхъ, говорю, — у меня ее завсегда двѣ дѣвки стерегутъ, а вчерась, какъ нарочно, — пострѣлъ ихъ знаетъ, сырыхъ грибовъ, что ль, наѣлись, — катаются, блюютъ, а жена-то, признаться, тоже не доглядѣла, въ пунькѣ лежала, на крикъ кричала — рука развилась. . .» Надо вѣдь какъ-нибудь оправдываться. Рассказываю ему, какая у меня коза ядъ, какъ меня съѣздили по уху за нее, — смѣется, подобрѣлъ. «Сколько, говорю, ни преслѣдую, никакъ не поймаю, и такъ хотѣлъ у вашей милости порошку попросить да у огородника ружье взять, изъ ружья ее пристрѣлить.» Ну, онъ и дозволилъ взять, а я тутъ же и пристукнулъ ее.

— Пристукнулъ-таки? — спросилъ старикъ.

— Обязательно, — сказалъ Федотъ. — «Ну, бери, говоритъ, только, смотри, съ моими не смѣшай.» —

«Никакъ нѣтъ, говорю, я хорошо ее личность знаю.» Пошли на варокъ, взяли пастуха Пахомку. Глянулъ я, — сейчасъ же и замѣтилъ ее черезъ овецъ: стоитъ, жустритъ что-й-то, косится на меня. Сигнали мы съ Пахомкой овецъ въ уголь поплочнѣе, сталъ я къ ей подходить. Шага два сдѣлалъ, — она сигъ черезъ барана! И опять стоитъ, глядитъ. Я опять къ ей. . . Какъ она уткнетъ голову рогами въ земь, да какъ стреканетъ по овцамъ, — такъ тѣ отъ ней, какъ вода, раздались! Взяло меня зло. Говорю Пахомкѣ: «Ты ее подгоняй потише, а я, гдѣ потемнѣе, влѣзу на переметь, за рога ее перехвачу.» А навозу на дворѣ страсть сколько, подъ самые переметы въ иныхъ мѣстахъ. Залѣзъ я на переметь, легъ, облапилъ покрѣпче, а Пахомка подпугиваетъ ее ко мнѣ. Дождался я, наконецъ того, пока она подъ самый переметь подошла — цопъ ее за рогъ! Какъ закричитъ она, — даже жуть меня взяла! Свалился съ перемета, ногами упираюсь, держусь за рогъ, а она претъ меня по двору, дотащила до ямы, вывернулась, заскребла рогомъ по бородѣ, по носу, — ажъ въ глазахъ потемнѣло. . . Глянулъ, а она ужъ на крышѣ: вскочила на навозъ, съ навозу на крышу, съ крыши — въ бурьянъ. . . Слышимъ, зашумѣли собаки на дворѣ, подхватили ее, турятъ по деревнѣ. Мы, конечно, выскочили, за ней. А она летитъ, что ни есть духу, и прямо къ крайней избѣ: тамъ изба новая строилась, еще окна заложены были замашками и сѣнецъ нѣту, а положены къ крышѣ наскосякъ лозинки голыя. Такъ она по нимъ на самый князекъ взвилась — внесла жъ ее вихорная сила! Подбѣжали мы поскорѣе, а она, видно, почуяла смерть — плачетъ благимъ матомъ, боится. Подхватилъ я здоровый кир-

пичь, изловчился — да такъ ловко залѣпилъ, что она ажъ подскакнула, да какъ зашуршитъ внизъ по крышѣ! Подбѣжали мы, а она лежитъ, дергаетъ языкомъ по пыли. . . дернетъ и захрипитъ, дернетъ и захрипитъ. . . А языкъ длинный, чисто какъ у змѣи. . . Ну, понятно, черезъ какой-нибудь полчаса и околѣла.

V

Помолчали. Федотъ приподнялся, сѣлъ и, согнувшись, разводя руками, сталъ медленно развивать оборки, которыми были опутаны его старья, все спускавшіяся онучи. И черезъ минуту гимназистъ съ ужасомъ и отвращеніемъ увидалъ то, что прежде видѣлъ столько разъ совершенно спокойно: голую мужицкую ступню, мертвенно-бѣлую, огромную, плоскую съ безобразно разросшимся большимъ пальцемъ, криво лежащимъ на другихъ пальцахъ, и худую волосатую берцу, которую Федотъ, распутавъ и кинувъ онучу, сталъ крѣпко, съ сладостнымъ ожесточеніемъ чесать, драть своими твердыми, какъ у звѣря, ногтями. Надрывъ, онъ пошевелилъ пальцами ступни, взялъ въ обѣ руки онучу, залубенѣвшую, вогнутую и черную въ тѣхъ мѣстахъ, что были на пяткѣ и подошвѣ, — точно натертую чернымъ воскомъ, — и встряхнулъ ею, развѣвая по свѣжему вѣтру нестерпимое зловеніе. «Да, ему ничего не стоить убить! — дрожа, подумалъ гимназистъ. — Это нога настоящаго убійцы! Какъ онъ страшно убилъ эту прелестную козу! А того — брусомъ. . . вѣрно, косу точилъ. . . И прямо въ темя, на-

поваль... Но Пашка! Пашка! Какъ онъ могъ такъ весело разсказывать? И съ наслажденіемъ: «ажъ въ спину выскочило!»

Вдругъ не поднимая головы, сумрачно заговорилъ Иванъ:

— Дураковъ и въ алтарѣ бьютъ. А тебя-то, Постный, за эту козу задрать мало. За что жъ ты ее убилъ? Ты бы продалъ-то ее. Какой же ты послѣ этого хозяинъ, клюй-Матвѣй, когда не понимаешь, что безъ скотины мужику нельзя быть? Ее цѣнить надо. Да будь у меня коза-то...

Онъ не договорилъ, помолчалъ и вдругъ усмѣхнулся.

— Это вотъ въ Становой была исторія, ну, правда что... Вотъ не хуже твоей козѣ, быкъ у барина Мусина завелся озорной. Прямо проходу никому не давалъ. Двухъ пастушатъ закололъ, на чѣпъ приковывали, и то срывался, уходилъ. Тоже вотъ такъ-то весь хлѣбъ у мужиковъ истолокъ, а согнать никто не смѣетъ: боятся, за версту обходятъ. Ну, рога, понятно, спилили, вылегчили... посмирнѣлъ. Только мужики припомнили ему. Какъ пошли эти бунты, такъ они что сдѣлали: поймали его на полѣ, веревками обротали, свалили съ ногъ долой... бить не стали, а взяли да освѣжевали до-чиста. Такъ онъ, голый, и примчался на барскій дворъ, — разлетѣлся, грохнулся и околѣлъ тутъ же... кровью весь исшелъ.

— Какъ? — сказала гимназистъ. — Кожу содрали? Съ живого?

— Нѣтъ, съ варенаго, — пробормоталъ Иванъ. — Эхъ, ты, московскій обуватель!

Всѣ захохотали, а Пашка, хохоча пуще всѣхъ, подхватилъ:

— Ну и разбойники! А ты такъ-то говоришь, миловать насъ! Нѣтъ, братъ, знать, безъ нашего брата, прохожаго солдата, тутъ не обойдешься! Мы вотъ, когда послѣ Сенякъ подъ Курскомъ стояли, такъ тоже смиряли одно село. Затѣялись тамъ мужики барина разбивать. . . И баринъ-то, говорятъ, добрый былъ. . . Ну, пошли на него всѣмъ селомъ, и бабы, конечно, увязались, а навстрѣчу имъ — стражники. Мужики, съ кольями, съ косами, — на нихъ. Стражники сдѣлали залпъ, да, понятно, драло. . . какая тамъ чортъ сила въ этихъ мужланахъ! — а одна пуля и жильни ребенка на рукахъ у бабѣ. Баба жива осталась, а онъ, понятно, и не пискнулъ, такъ ножками и брыкнулъ. Такъ, Господи Ты Боже мой! — сказала Пашка, мотая отъ смѣха головой и усаживаясь поудобнѣй: — чего только ни натворили мужики! Все въ лоскъ, въ дребезги разнесли, барина этого самаго въ закуту загнали, затолкли, а мужикъ этотъ, отецъ-то этого ребенка, прибѣжалъ туда съ этимъ самымъ ребенкомъ, задохнулся, очумѣлъ отъ горя — и давай барина по головѣ этимъ ребенкомъ мертвымъ охаживать! Сгребъ за ножки — и давай бузовать. А тутъ другіе навалились и, значитъ, міромъ-соборомъ и прикончили. Насъ пригнали, а ужъ онъ тлѣть сталъ. . .

Тутъ неожиданно зашевелился и Кирюшка и съ дѣтской наивностью сказала, поднимая голову:

— А вотъ, чтó было, когда Кочергина-барина разбивали. . . беда! Я тогда въ пастухахъ у него жилъ. . . Такъ они всѣ зеркала въ прудъ покидали. . . Ходили потомъ съ деревни купаться и все изъ тины ихъ вытас-

кивали. . . Нырнешь, станешь, а она подъ ногой такъ и скользнетъ. . . А эту. . . какъ ее. . . фортопяну въ рожь заволокли. . . Мы, бывало, придемъ. . . — Ки-рюшка приподнялся и, смѣясь, облокотился. — Мы придемъ, а она стоитъ. . . Возьмешь дубинку, да по ней, по косточкамъ-то. . . съ угла на уголь. . . Такъ она лучше всякой гармоньи играетъ!

Всѣ опять засмѣялись. Ѳедотъ переобулся, опять аккуратно перекрестилъ онучи оборками и, оправившись, принялъ прежнее положеніе. И, выждавъ минуту молчанія, размѣренно сталъ досказывать свою исторію:

— Да-а, шмурыгнулъ меня по уху да еще въ судъ на меня подалъ. . . за эти, значить, за всѣ протери-убытки, за потраву. Звали его Андрей Богдановъ. . . Андрей Ивановъ Богдановъ. Рослый мужикъ, красивый, худой, завсегда злой, пьяный. Ну, и подалъ на меня. Меня же огрѣлъ по-уху и на меня же подалъ! Тутъ самая рабочая пора подошла, дохнуть некогда, а я при за пятнадцать версть. . . За то-то, видно, и покаралъ его Господь. . .

Глядя въ солому, глухо покашливая и обтирая ладонью свои плоскія губы, Ѳедотъ говорилъ все сумрачнѣе и выразительнѣе. Сказавъ: «покаралъ его Господь» — онъ помолчалъ и продолжалъ:

— Дѣло-то на нѣтъ, понятно, свели. Помирили насъ. Обоюдная, значить, обида. Но только онъ тѣмъ не пронялся. Помирился со мной, да тутъ же отшелъ, пьяный напился, сталъ грозить убить меня. При всѣхъ кричитъ: «Погоди, говоритъ, погоди, это я еще не пьянъ сейчасъ, а выпью, я тебя утѣшу.» Хочу отъ скандалу уйтить, — за пельки хватается. . . Потомъ на

деревню къ намъ зачалъ ходить: придетъ, пьяный, подь окна и давай меня матеркомъ пушить. А у меня дочь взрослая. . .

— Неладно! — сочувственно крикнулъ старикъ и зѣвнулъ.

— Хороша лада! — сказалъ Федотъ. — Ну, вотъ и пришелъ подь Кирики, вечеромъ. Слышу, шумить по улицѣ. Я всталъ, ни слова не говоря, ушелъ на дворъ, сѣлъ на борону, сталъ косу отбивать. А такая зло беретъ, ажъ въ глазахъ темнеетъ. Слышу — подшель къ избѣ, буянить. Должно, стекла хочетъ бить, думаю себѣ. А онъ погамѣлъ и ужъ пошелъ-было прочь. Тѣмъ бы и кончилось, можетъ, да выскочила Олька, дочь моя. . . да и закричи не своимъ голосомъ: «Отецъ, караулъ, меня Андрюшка бьетъ!» Я выскочилъ съ брускомъ отъ косѣ, да сгоряча — разъ его въ голову! А онъ и нѣземъ. Подскочили къ нему, а онъ лежитъ, хрипитъ и ужъ слюни пускаетъ. Прибѣжалъ народъ, стали водой отливать. . . А онъ лежитъ и ужъ только икаетъ. . . Можетъ, тутъ надо было походатайствовать чѣмъ-нибудь. . . какой-нибудь примочки тамъ приложить, али еще чтó. . . въ больницу бы свезть поскорѣй, да доктору десятку, да гдѣ ее взять? Ну, онъ поикалъ, поикалъ, да и померъ къ ночи. Побился, побился, на спину запрокинулся, вытянулся и готовъ. И народъ кругомъ стоитъ, смотреть, молчить. А ужъ огни зажгли. . .

Весь дрова мелкой дрожью, съ пылающимъ лицомъ, гимназистъ поднялся и утопая по-поясъ въ солому, пошелъ по омету внизъ. Борзая, испуганная имъ, вдругъ вскочила и отрывисто брехнула. Гимназистъ, рѣзко дернувшись, упалъ въ солому и замеръ. Шумѣлъ

холодный вѣтеръ, надъ самой головой бѣлѣла кучка холодныхъ осеннихъ звѣздъ, а за бугромъ шелестѣвшей соломѣ слышался мѣрный, низкій голосъ Оедота:

— Я въ пунькѣ подѣ стражей два-дни сидѣлъ и все это въ окошечкѣ видѣлъ. . . какъ анатомили-то его. Сошелся народъ со всѣхъ деревень, смотрѣтъ этого убійца и меня, конечно, въ томъ числѣ. Лѣзутъ подѣ самую пуньку. . . Вынесли двѣ скамейки на выгонъ, поставили подѣ самой пунькой, положили на нихъ убійца. Подѣ головѣ чурбанъ подсунули. Рѣзаку и слѣдователю стулья, столъ принесли. Подошелъ рѣзакъ, рубаху оборвалъ, портки оборвалъ — лежитъ, вижу, трупъ совсѣмъ голый, ужъ твердый весь, гдѣ зеленый, гдѣ желтый, а лицо вся восковая, красная борода рѣдкая такъ и отдѣляется. На причинное мѣсто рѣзакъ лопухъ положилъ. Тутъ же, обыкновенно, ящикъ съ разными причандалами. Подошелъ рѣзакъ, разобралъ ему волосы отъ уха къ уху, сдѣлалъ надрѣзъ и зачалъ половинки съ волосами зачищать. Гдѣ отѣнокъ, ножичкомъ скоблить. Отодралъ ихъ на обѣ стороны, открылъ одну, на носъ положилъ. Сталъ виденъ черепокъ весь — какъ колгушка какая. . . А на немъ пятно черная околѣ праваго уха, черная сгущенная кровь, — гдѣ, значитъ, ударъ-то былъ. Рѣзакъ говоритъ слѣдователю, а тотъ пишетъ: «На такихъ-то сводахъ три трещины. . .» Потомъ зачалъ черепокъ кругомъ подпиливать. Пила не взяла, такъ онъ вынулъ молоточекъ съ зубрильцемъ и по этому слѣдку, гдѣ пилкой-то намѣтилъ, зубрильцемъ прострочилъ. Черепокъ такъ и отвалился, какъ чашка, сталъ весь мозгъ виденъ. . .

— Чтѣ дѣлаютъ, разбойники-живорѣзы! — хриплѣ замѣтилъ задремавшій-было старикъ.

А Федотъ твердо договариваль:

— Потомъ вынулъ толстый ножъ, сталь рѣзать грудь по хрушамъ. Вырубилъ косякъ, сталь отдирать — трещить даже. . . Стало видать желудокъ весь, легкія синія, всю нутренность. . .

Глухой отъ стука собственнаго сердца, гимназистъ поднялся на ноги, во весь свой длинный ростъ, въ картузъ, сдвинутомъ на затылокъ, въ легкой шинелькѣ, которая была уже коротка ему. Сѣрый, большой, страшный въ своемъ монгольскомъ спокойствіи, Федотъ мѣрно говорилъ, держа трубку въ зубахъ, но онъ уже не слушалъ его. Онъ во всѣ глаза глядѣлъ на всѣхъ этихъ, такихъ знакомыхъ и такихъ чужихъ, непонятныхъ, всю душу его перевернувшихъ въ эту ночь людей. Жалкій въ своемъ порокъ и смиренности, въ своей пастушеской первобытности, Кирюшка спалъ, покрывшись армякомъ, выставивъ изъ-подъ него толстую, въ бѣлыхъ онучахъ, согнутую въ колѣнѣ ногу. Спалъ Иванъ съ сумрачнымъ, презрительнымъ лицомъ, Иванъ, въ черной землянкѣ котораго на краю голой деревни, въ темнотѣ и грязи, подъ низкимъ потолкомъ, подъ дерновой крышей, уже третій годъ лежитъ, умираетъ и никакъ, къ тоскѣ своей, не умретъ его страшная, черная старуха-мать, а зубастая, худая жена кормить темно-желтой, длинной, тощей грудью голопузаго, сопливаго, ясноглазаго ребенка, съ губами въ кровь источенными несмѣтными избяными мухами. Спалъ крѣпкимъ, здоровымъ сномъ, на свѣжемъ вѣтрѣ, счастливый Пашка, въ своемъ солдатскомъ картузѣ, тяжелыхъ сапогахъ и новомъ полушубкѣ. А старикъ Хомуть, у котораго нѣтъ даже полушубка, — есть только зипунъ съ большой прорѣхой на плечѣ,

— у котораго такъ низко висятъ всегда на дряблыхъ ляжкахъ истертыя портки, сидѣлъ спиной къ вѣтру, безъ шапки, голый по-поясъ. Онъ, старчески-худой, желтогубый, съ косо-поднятыми плечами, съ искривленнымъ крупнымъ позвоночникомъ, блестящимъ при свѣтѣ звѣздъ, сидѣлъ, наклонивъ лохматую голову, которую ерошилъ свѣжій вѣтеръ, согнувъ свою уже тонкую, всю въ жесткихъ морщинахъ шею, пристально осматривалъ снятую рубаху и, слушая Федота, порою крѣпко давилъ ногтями ея воротъ.

Гимназистъ соскочилъ на твердую и гладкую осеннюю землю и, горбясь, быстро пошелъ къ темному шумящему саду, домой.

Всѣ три собаки тоже поднялись и, смутно бѣля, бочкомъ побѣжали за нимъ, круто загнувъ хвосты.

Капри. 19 — 23. XII. 1911.

ВЕСЕЛЫЙ ДВОРЪ

I

Мать Егора Минаева, печника изъ Пажени, такъ была суха отъ голода, что сосѣди звали ее не Анисьей, а Ухватомъ. Прозвали и дворъ ея — окрестили въ насмѣшку веселымъ. . .

Егоръ, какъ говорили въ Пажени, весь выдался въ Мирона, покойнаго отца своего: такой же пустоболтъ, сквернословъ и курильщикъ, только подобрѣй характеромъ.

— Сосѣдь онъ хоть куда, — говорили про него, — и печникъ хорошій, а мужикъ дуракъ: ничего нажить не можетъ.

Заработки у Егора всегда были плохи, надѣлъ не выходилъ изъ сдачи. Изба его, огромная, нескладная, съ каждымъ годомъ все больше да больше сгнивала, разваливалась безъ призора. Онъ-то, правда, думалъ, что заботится о ней: разъ принесъ откуда-то и налѣпилъ снаружи на ея косою простѣнокъ, на трухлявыя бревна, большую солдатскую мишень — черной краской напечатанное на бѣломъ бумажномъ листѣ туловище, съ ружьемъ на плечо, въ фуражкѣ на бекрень, съ вытаращенными глазами. А вотъ поправить крышу,

законопатить пазы, переложить печку, боровá почи-
стить — на это у него догадочки не хватило, и зимой
въ избѣ волковъ можно было морозить: по всѣмъ
угламъ нарастала снѣжная опушка. Давнымъ-давно по
чуркѣ растаскали бы все это тырло добрые люди. Да
мѣшала Анисья.

Егоръ былъ бѣлесъ, лохматъ, не великъ, но широкъ,
съ высокою грудью. Ходилъ Егоръ въ облѣзломъ, го-
лубомъ отъ времени и тяжеломъ отъ пота гимназиче-
ском картузѣ, въ посконной рубахѣ съ обитымъ, ска-
тавшимся воротомъ, въ обвисшихъ, протертыхъ и вы-
тянутыхъ на колѣняхъ порткахъ, въ лаптяхъ, обож-
женныхъ известкой. Всюду много и безъ толко бол-
талъ онъ, постоянно сосалъ трубку, до слезъ надрыва-
ясь мучительнымъ кашлемъ, и откашлявшись, блестя
запухшими глазами, долго сипѣлъ, носилъ своей всегда
поднятой грудью. Кашлялъ онъ отъ табаку, — курить
началъ по восьмому году, — а глубоко дышалъ отъ
расширенія легкихъ, и когда дышалъ, все раскрыва-
лась, показывалась въ продольную прорѣху вѣрота бу-
рая полоска загара, рѣзко выдѣлявшаяся на мертвен-
но-блѣдномъ тѣлѣ. Уродливы были его руки: большой
палецъ правой руки похожъ на обмороженную култыш-
ку, ноготь этого пальца — на звѣриный коготь, а ука-
зательный и средній пальцы — короче безыменного и
мизинца: въ нихъ было только по одному суставу. Но
ловко мялъ онъ этими тугими култышками золу въ
хлюпающей трубкѣ, кашлялъ надрывисто, но даже съ
наслажденіемъ какъ будто: «а-ахъ, такъ-то его такъ!»
Глядя на него, не вѣрилось, что бываютъ матери у та-
кихъ хрипуновъ и сквернослововъ. Не вѣрилось, что
Анисья мать его.

Да и нельзя было вѣрить. Онъ бѣлесь, широко, она — суха, узка, темна, какъ мумія; ветхая панева, болтается на тонкихъ и длинныхъ ногахъ. Онъ никогда не разувается, она вѣчно боса. Онъ весь боленъ, она за всю жизнь не была больна ни разу. Онъ пустоболтъ, порой трусливъ, порой, съ кѣмъ можно, смѣлъ, нахаленъ, она молчалива, ровна, покорна. Онъ бродяга, любитъ народъ, бесѣды, выпивки, — сѣмъ, пересѣмъ, лишь бы день перешель. А ея жизнь проходить въ вѣчномъ одиночествѣ, въ сидѣннхъ на лавкѣ, въ непрестанномъ ощущеніи тянущей пустоты въ желудкѣ и непрестанной грусти, съ которой она уже сроднилась: «Земля забыла меня, грѣшную!» Единственнымъ оправданіемъ такой забывчивости была, по мнѣнію Анисьи, необходимость стеречь, сохранять для Егора избу: все думала, — авось, ужъ не молоденькій, авось, образумится, женится. Нѣжно и сладко туманили ей голову мечты объ этомъ несбыточномъ счастіи. А онъ постоянно твердилъ: «Дѣвѣку не женюсь! Теперь я — вольный казакъ, а женишься — журишь о женѣ. Да пропади она пропадомъ!..» Онъ не признавалъ ни семьи, ни собственности, ни родины.

Наняться куда-нибудь, работать мѣшала Анисья, помимо избы, еще и та бѣда, что очень слаба была она, да и крива вдобавокъ. Много лѣтъ ходилъ по лавкѣ возлѣ нея, по лавкѣ, на которой провела она столько долгихъ дней, старый черно-золотой пѣтухъ: она сидитъ и думаетъ, подпирая тонкой рукой щеку, скрепивъ подъ лавкой длинныя сизыя ноги, задеревяневшія отъ холода и грязи, а онъ похаживаетъ клюетъ мухъ по мутнымъ, собраннымъ изъ кусочковъ стекламъ. Разъ сунулась она къ окошку, — кто-то вѣхалъ

по деревнѣ съ колокольчиками, — а пѣтухъ какъ стукнетъ въ лѣвый глазъ ея! И глазъ вытекъ, впалыя вѣки, стянуло, осталась одна сѣрая щелочка. . . Прежде сѣяла она коноплю на огородѣ, брала замашки, мяла пенку: все былъ доходишко. Но Егоръ и огородъ сдалъ. Прежде на поденщину принимали ее — къ мелкому помѣщику Панаеву, что въ верстѣ отъ Пажени. Да стали обижаться дѣвки, — «старый чортъ работу отбиваетъ!» — стали наговаривать приказчику, будто все у нея, со-слѣпу, изъ рукъ валится, стали тайкомъ всовывать краденныя изъ барскаго сада яблоки въ тотъ платочекъ, въ который, идя на работу, завязывала она свой завтракъ — горбушку черстваго хлѣба. . .

Замужъ вышла Анисья рано, — рано одна на свѣтѣ осталась. Любить Анисьѣ въ молодости некого было. Но и не любить не могла она. Съ несознаваемой готовностью отдать кому-нибудь душу выходила она за Мирона, — тоже печника, вольноотпущеннаго двороваго, — и любила его долго, терпѣливо, затѣмъ, что, скинувъ вскорѣ послѣ свадьбы отъ побоевъ, долго лишена была возможности на дѣтей перенести свою любовь. Во хмелю Миронъ бывалъ буенъ. Дѣло извѣстное: трезвый ребенка не обидитъ, а напьется — святыхъ вонь выноси. Бьетъ стекла, гоняется за сыномъ и женой съ дубинкой. «Ну, опять у Минаевыхъ крестный ходъ пошелъ! — говорили сосѣди, радуясь такой забавѣ. — И веселый же дворъ, ей-Богу!» Когда нехотя просилъ онъ прощенья, протрезвившись, скоро сдавалась она на ласковое слово, только тихо говорила сквозь слезы: «Что жъ, надъ тобой же будутъ люди смѣяться, если калѣжкой меня сдѣлаешь!»

Все же, послѣ смерти Мирона, даже такое прошлое

стало казаться счастьемъ Анисьѣ. Да, когда-то были и молодость, и семейная жизнь, и хозяйство у нея; былъ мужъ, были дѣти, были радости и горести — все какъ у людей. . . Двадцать лѣтъ тому назадъ замерзъ Миронъ, — ни съ того ни съ сего, увязался пьяный за чужимъ обозомъ въ Ливны, — и много ночей провела она безъ сна, сидя въ темной избѣ на коникѣ, вспоминая и думая; но никто не узналъ ея думъ. Всѣхъ дѣтей оплакала она горькими слезами, но оплакала тоже тайкомъ, въ одиночествѣ. Нищета, разорившая до гла ея дворъ, часто заставляла ее кланяться сосѣдямъ, просить у нихъ помощи ради сироты-сына, пока малъ онъ былъ; но никогда не насмѣливалась она напоминать людямъ, что въ былое время помогала и она имъ. И вышло такъ, что въ Пажени никому и не вѣрилось, что жила она когда-то по-людски. Чаяла она отдохнуть хоть въ старости, за сыномъ. Мужикъ онъ вышелъ добрый, — на словахъ только безстыжъ и горячъ, не то, что отецъ покойникъ. Руки у него золотыя, говорила она, еще какъ жили-то бы, не брось онъ дома!

Нынѣшней зимой даже Пажень удивилъ Егоръ: всего могли ждать отъ него, но только не того, что вдругъ бросить онъ свое дѣло и ни съ того ни съ чего, — вотъ какъ Миронъ за чужимъ обозомъ, — уйдетъ, всѣмъ на посмѣшище, въ золотари въ Москву. Но и въ Москвѣ пробылъ онъ бѣзъ-году недѣлю. Думала порой Анисья, въ самое сердце пораженная вѣстью объ его уходѣ, что, быть-можетъ, ради ея вѣчнаго голода, ради хорошаго заработка, съ затаенною цѣлью поправить свою жизнь ушелъ Егоръ. Но вотъ онъ внезапно вернулся, — оборванный, безъ копейки денегъ; ночевалъ

три ночи дома, но и двухъ словъ путныхъ не сказали ни съ сосѣдями ни съ матерью, — былъ какой-то, хоть и не скучный, а разсѣянный; даже не сумѣлъ объяснить толкомъ, зачѣмъ шатался въ Москву, — сказалъ только: «да ай велика бѣда?» — и опять исчезъ.

Въ маѣ нанялся онъ караулить Ланское, лѣсъ помѣщика Гурьева, что отъ Пажени верстахъ въ пятнадцать. Положили ему отвѣсное только да три рубля въ мѣсяць. А что такое три рубля? То купи, другое купи... на спички даже не хватаетъ... И, нанявшись, Егоръ совсѣмъ пересталъ помогать матери.

Въ Петровки, доѣвъ послѣднюю корку занятаго съ великимъ трудомъ хлѣба, рѣшилась она наконецъ побывать въ Ланскомъ, повидаться съ сыномъ, провѣдать его, а главное, хоть малость подкрѣпиться. Доѣдала она хлѣбъ съ большой осторожностью — и какъ-то сразу очень ослабѣла. Не въ мѣру стало клонить въ сонъ, рябить въ глазу, звенѣть въ ушахъ; стали пухнуть ноги, стала томить неотвязная мечта: поѣсть чего-нибудь, горячаго, съ солью. Боязно было сказать себѣ: пойду. Да надоумили, разговорили, настроили прохожія. Зашли онѣ выпить — старушка и молодая; ходили въ Гурьево, поминать умершаго. Старушкѣ умершій былъ сыномъ, молодой — мужемъ. И вотъ всѣ трое разгрустились, разговорились о своей женской долѣ, о мужьяхъ, сыновьяхъ. Молодая, — крупная, съ большимъ блѣднымъ лицомъ и большими сѣрыми глазами на выкатъ, хорошо и нарядно одѣтая — въ новую корсетку изъ коричневой сермяги, со сборками назади, въ красную шерстяную юбку и полсапожки, съ черной бархаткой, украшенной бѣлыми пуговками, на шеѣ — та все молчала. Старушка, сухонькая,

чистенькая, устало-оживленная, говорила безъ умолку, а молодая за все время только разъ, просто и не спѣша, вставила свое слово: когда старушка запнулась, запомнятовала городъ, куда угнали въ солдаты ея меньшаго сына.

— Три недѣли тому назадъ схоронили, сударушка, — ласково говорила старушка Анисьѣ. — Съѣздилъ въ городъ, былъ ужасный веселый, а пріѣхаль домой, погналь лошадей въ ночное, двухъ десятинъ до Щедринскаго хутора не догналь, — мы черезъ Щедрина, черезъ его поле скотину-то гоняемъ, — воротился. Пришла я съ холстами, вижу, лежитъ онъ на печи, полушубкомъ накрылся. . . «Умираю, говоритъ, мамашъ, заболѣль я. Погналь вчерась въ ночное, двухъ десятинъ до Щедринскаго рубежа не догналь — понесло на меня въ родѣ какъ холодомъ, ознобомъ, насилу назадъ дошелъ, ноги подламываются. . .»

Анисья вздохнула, и на глазъ ея навернулась слеза. «Дитя-то, хоть криво, а матери рѣдной все мило, — подумала она и вздохнула отъ грустной нѣжности къ сыну. — Пойду, была не была, авось не чужая. . .» А старушка продолжала, вытирая углы тонкихъ, сморщенныхъ, стянутыхъ въ оборочку губъ худыми твердыми пальчиками:

— Чтѣ тутъ, ягодка, дѣлать? Дала я ему двѣ просвирки, одну заздравную, другую за упокой. Съѣшь, говорю, сынокъ, може, полегчаетъ. На третій день онъ и кличетъ меня: «Мамашъ, добрѣ нынче день хорошъ, поведите меня, а то тутъ, въ избѣ, духъ чижелый.» Повели мы его на гумно, посадили на солому, сами отлучились на минутку — ѳвцу стричь. Немного годя, приходимъ, а онъ ужъ и голову уронилъ, едва дышитъ:

раньше лицо красная, какъ сукно, была, а тутъ ужъ ото лба бѣлѣть стала. Приподняли мы его, а онъ ужъ кончился. Не дождался, значить, насъ. . .

И Анисья задумалась. Растроганная бесѣдой, умиленная материнской нѣжностью, материнскими горестями, стала она совѣтоваться съ прохожими, какъ ей быть: итти или нѣтъ? Если ужъ итти, такъ не лучше ли съ умомъ итти: не затѣмъ только, чтобы провѣдать, а чтобы на все лѣто остаться? Вонъ, говорятъ, онъ теперь отвѣсное получаетъ; а вѣдь при отвѣсномъ и она прокормится, — авось не объѣстъ, много ль ей и надо то. . .

Старушка сказала:

— Да вѣдь какъ сказать? — не угадаешь, какъ лучше, сударушка. Мой-то Тихонъ не примѣръ другимъ. Ужъ такой степенный былъ, одинъ въ свѣтѣ разумный и задумчивый! А послушишь кругомъ, — правда, не тѣ сыновья нонѣ пошли, не чета моему, вѣроломные. . . Ну, а все-таки я бы пошла. Мой сгадь — иди.

— Онъ не можетъ не кормить матери, — прибавила молодая.

И Анисья повеселѣла.

— Ну, инъ, пойду, — сказала она нерѣшительно. — Вѣдь онъ только скучливъ у меня, а никто плохого не скажетъ, — не драчунъ, не пьяница. Вотъ только дома не любить сидѣть. . . А мнѣ голодно, да и скука съѣла. Иной разъ думаешь: хотъ бы захворалъ, что ли, все бы дома пожилъ. . . Мужикъ онъ добрый, да, конечно, рабочій человекъ, обидчивый. У меня одна душа, у него другая. Придешь, думается, а онъ ну-ка обидится. . .

Проводивъ прохожихъ, она долго оглядывала пустую избу: нельзя ли продать что? Но все богатство ея состояло въ старой укладкѣ, гдѣ хранился единственный подарокъ Егора, — платокъ, купленный въ монастырской лавкѣ въ Задонскѣ, большой бѣлый коленкоровый платокъ, весь усѣянный черными черепами, сложенными крестъ-накрестъ черными костями и черными надписями: «Святый Боже, святый крѣпкій. . .» Грѣхъ продавать такую вещь, да и жалко, правду сказать: принесть Егоръ свой подарокъ съ искреннимъ желаніемъ порадовать мать, выпивши. . . Ну, да самъ же виноватъ, думала она, — забылъ мать, до крайности довелъ. А Богъ милостивъ, Онъ видитъ нужду: похоронять и безъ платка, съ бѣдной старухи на томъ свѣтѣ не взыщется. . . И пошла продавать платокъ. Тонетъ въ хлѣбахъ, въ лознякѣ Пажень. Одна кирпичная изба богача Абакумова далеко видна. Она на фундаментѣ, подъ желѣзной крышей, съ ранцовѣтными мальвами, съ палисадникомъ. Въ воскресенье пошла Анисья къ Абакумову. Абакумовъ зорко оглядѣлъ платокъ своими татарскими глазками, кликнулъ мать, сумрачную толстую, отекшую старуху въ ватной кофтѣ и валенкахъ.

— Что жъ просишь? — медленно выходя изъ избы, исподлобья оглядывая крыльцо и горясь, непривѣтливо спросила старуха.

Анисья чувствуя недоброе, стала хвалить платокъ, показывать товаръ лицомъ — накинула его на плечи, прошлась. Абакумовъ, подумавъ, положилъ «два орла» — гривенникъ; потомъ усмѣхнувшись, прибавилъ еще пятакъ — «за манеру». Анисья покачала головой и по-

шла домой, даже не снявъ съ себя платка. А дома, сидя въ этомъ траурѣ, долго разглядывала его концы своимъ единственнымъ глазомъ, что-то обдумывая. Потомъ облокотилась на столъ, уже ничего не думая, а только слушая звонъ въ ушахъ. . . Въ пазахъ стола застряло когда-то порядочно пшена. Она наковыряла съ полгорсти, съѣла. Потомъ спрятала платокъ въ укладку, легла на большія голыя нары возлѣ большой треснувшей печки, когда еще не смерклось путемъ, говоря себѣ: надо поскорѣе заснуть, а то не дойдешь, надо выйти пораньше, да уходя не забыть запереть укладку, закрыть трубу на случай грозы. . .

Продумавъ всю ночь сквозь сонъ что-то тревожное, неотступное, просучивъ ногами, — жгли ихъ блохи, жилили мухи, — заснула она крѣпко лишь подъ утро. Проснулась, когда ужъ ободнялось — и болевзненно обрадовалась дню, тому, что она жива, что идетъ въ Ланское, начинается какую-то новую, можетъ, хорошую жизнь. . . Богъ милостивъ — чувствовать себя на бѣломъ свѣтѣ, видѣть утро, любить сына, итти къ нему, это — счастье, сладкое счастье. . . Изнутри приперла она дверь въ сѣнцахъ однозубымъ рогачомъ, воткнувъ его въ землю, нашла въ углу палку, испачканную воробьями, перелѣзла черезъ обвалившуюся стѣну. . . По зеленому выгону, возлѣ пруда, къ которому ковыляли приказчиковы гуси, длинными сѣрыми полосами лежали бѣлившіеся холсты. Машка Бычокъ, конопатая, здоровая дѣвка, наваливъ по свернутому, мокрому, тяжелому холсту на каждый конецъ коромысла, шла навстрѣчу, вся виляясь, мелко перебирая бѣлыми крѣпкими ногами по зелени. Анисья подумала: слава Богу, съ полнымъ навстрѣчу. . .

Весь май, весь июнь перепадали дожди. Хлѣба и травы въ нынѣшнемъ году чудесные. Путаясь худыми ступнями и паневою по межамъ, заросшимъ травой и цвѣтами, мѣряя палкой стежки среди ржей, овсовъ и гречи, радовалась, по привычкѣ, Анисья на урожай, хотя уже давно не было ей никакой пользы отъ урожая: ты, высоки, заблились, лоснились, какъ дорогой кусты высоки, зыблились, лоснились, какъ дорогой куній мѣхъ; только кое-гдѣ синѣли васильки въ нихъ. Выметались и тускло серебрились тучные, глянцеви-тые стеблемъ овсы. Клины цвѣтущей гречи молочно розовѣли. День былъ облачный, вѣтеръ дулъ мягкій, но сильный, — усыплялъ пчелъ, мѣшалъ имъ, путалъ ихъ, сонно жужжащихъ, въ ея кустистой заросли, обдаваль порою запахомъ грѣтаго меда. И то ли отъ вѣтра, то ли отъ этого запаха томно кружилась голова. Шла Анисья стежками, межами, чтобы сократить дорогу, но, когда миновала панаевскія лощины и выбралась на противоположную гору, вышла въ чистое поле, откуда далеко видно, — вплоть до станціи на горизонтѣ, — сообразила, что дала крюку.

Съ самага выхода изъ-дому чувствовала она, что надо обдумать главное: дома ли Егоръ, застанетъ ли она его? И все отвлекалась, все не могла собраться съ мыслями. Теперь двѣ горлинки, шагахъ въ десяти другъ отъ друга, по одной линіи, мелко и споро бѣжали передъ нею вдоль аспидной дороги и мѣшали думать. Она долго, пока не поднялись онѣ, не могла понять, чтó это такое: горлинки совсѣмъ подъ цвѣтъ дороги, только спинки съ брусничнымъ отливомъ. Онѣ женственно, игриво сѣменили, потомъ легко взлетѣли, распустивъ сѣрые хвосты съ бѣлой каемкой, и опять сѣли.

опять побѣжали. Анисья махнула на горлинокъ палкой: затрепеталъ легкій свистъ крыльевъ, но не прошло и минуты, какъ опять увидала она ихъ, бѣгущихъ быстро и однообразно. Онѣ мучили, утомляли ее, но и трогали своей красотой, беззаботностью, нѣжной привязанностью другъ къ другу. Сколько лѣтъ ея черно-зеленой, клѣтчатою паневѣ, грязной, истлѣвшей на высохшемъ тѣлѣ рубахѣ, темному, въ желтомъ горошкѣ платку? Старость, худоба, горе такъ не идутъ къ красотѣ горлинокъ, цвѣтовъ, подородно-зеленой земли, забывшей ее, нищую старуху, — и она болѣзненно чувствовала это. Она опять неловко и робко махнула на горлинокъ. Горлинки взлетѣли — и она стояла, выждала, пока онѣ скрылись. . .

Она бодрилась, но клонило въ сонъ. Итти по убитому колесами проселку еще легче, чѣмъ по мягкимъ стежкамъ, ступать босыми ногами по теплой землѣ такъ сладко. Но махали, махали по горизонту крыльями мельницы. Взглянешь — исчезнуть, отвернешься — опять машутъ. . . А поднимешь глазъ на облачное небо — плыветъ, плыветъ стеклянный червячокъ, плывутъ стеклянные мушки, и никакъ не поймаешь, не удержишь ихъ на мѣстѣ: только остановишь взглядъ, а червячокъ ужъ соскользнулъ куда-то — и опять плыветъ кверху, скользитъ, поднимаясь, и множатся, множатся мушки. . . Она замедляла шагъ и переводила духъ: «Ой, не дойду! Потихе надо. . .» И опять шла, и опять, сама того не замѣчая, начинала спѣшить. . .

Теплый вѣтеръ, дувшій съ юга, въ бокъ, несъ надъ просторомъ сѣро-зеленыхъ равнинъ пѣсни жаворонковъ, аромат цвѣточной пыли. Мягко, густо и нѣжно синѣли дальнія деревни, перелѣски. Вонь въ далекой

дали справа, за полями и верхами, видна церковь Знаменья, родного и ужь давно забытаго села. Вонь налѣво, еще дальше, за воргольскими лугами — бѣдныя степныя деревушки: Каменка, Сухіе Броды, Рябинки. . . Небо загромождали огромныя, но легкія и причудливыя, лилово-дымчатыя облака. Они собирались по горизонтамъ въ синеватыя тучки, и туманно-голубыми полосами опускался изъ нихъ дождь. А невидимыя мельницы все махали и махали крыльями даже и въ этихъ полосахъ. . . Развѣ лечь, подремать? Но нѣтъ, нельзя: послѣ отдыха еще труднѣе итти и работать, она хорошо знаетъ это по долгому опыту. Да вонь и ѣдетъ кто-то. . . Показалась впереди тройка. Она стала разглядывать ее и оживилась. Тройка, вся въ мѣдныхъ бляхахъ, въ дорогой наборной сбруѣ, приближалась медленно, сдерживая игривую силу. Гнѣдой коренникъ, высоко задравъ голову, шелъ шагомъ, темно-орѣховыя пристяжныя, изгибая лоснящіяся шеи и почти касаясь раздутыми ноздрями дороги, плыли. Прищуривъ глаза, завалившись въ задокъ тарантаса, лѣнился молодой кучеръ, въ плисовой безрукавкѣ, въ соловой рубахѣ, въ городскомъ картузѣ, въ замшевыхъ рукавицахъ. . . Какой-то особый видъ у этихъ гладкихъ, барскихъ лошадей, какой-то особый вкусный запахъ у этихъ тарантасовъ: мягкой кожи, лакированныхъ крыльевъ, теплой колесной мази, перемѣшанной съ пылью. . . А вотъ начинается зелено-оловянное гороховое поле, тоже барское. Отъ тройки Анисья перешла на мезу, покосилась на горохъ, проводила глазомъ приподнятый задокъ тарантаса. . . Да нѣтъ, горохъ еще и не наливался. Кабы налился, наѣлась бы до-сыта — и не увидалъ бы никто! И, сморщивъ лицо, поглядѣла

Анисья на небо, туда, гдѣ чувствовалось за болѣе свѣтлыми и теплыми облаками солнце: должно, ѣдетъ кучеръ къ часовому поѣзду на станцію, — у людей обѣды на дворѣ. . .

Она забыла о мельницахъ — мельницы стали махать тише. Она шла и шла; межа, вся усыпанная бѣлыми цвѣтами, бѣжала ей подѣ ноги, бѣлыя точки цвѣтовъ дрожали. А гдѣ-то разнообразно, весело ругались бабы — перебивали другъ друга звонкіе бабьи голоса. Она ясно слышала каждый изъ нихъ, даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ слѣдила за ихъ измѣненіями, скороговорками, вскрикиваніями. Но вниманія на нихъ не обращала, — дѣло привычное слушать эти несуществующіе голоса! — думала свое, что попало, все еще не будучи въ силахъ собраться подумать о Егорѣ: думала то о мукѣ какой-то, у кого-то занятой да такъ и не отданной, то о томъ, что вчера у сосѣдки теленокъ сжевалъ весь подолъ рубахи, висѣвшей на плетнѣ, то о своей близкой смерти. . . «Постыдилась бы, постыдилась бы!» — звонко кричали бабы. — «Надо сѣсть», — отвѣчала имъ Анисья мысленно, и все дожидалась къ-мъ-то назначеннаго для отдыха мѣста. Къ-мъ оно назначено? Богомъ? «Нѣтъ, сыномъ, Егоромъ!» — крикнулъ кто-то. Она вздрогнула, мотнула головой, прогоняя дремоту. . .

И по межѣ и во рву подѣ межою — всюду пестрѣли цвѣты. Чувствуя, что не добиться ей до назначеннаго мѣста, Анисья съела на первое попавшееся. Бабы смолкли. «Хорошо!» — подумала она. И съ задумчиво-грустной улыбкой стала рвать цвѣты; нарвала, набрала въ свою темную грубую руку большой пестрой пукъ, нѣжный, прекрасный, пахучій, ласково и жалостно гля-

дя то на него, то на эту плодородную, только къ ней одной равнодушную землю, на сочный и густой зелено-оловянный горохъ, перепутанный съ алымъ мышиннымъ горошкомъ. Бабы молчали, мельницы исчезли. Теперь она плыла, плыла, какъ тотъ стеклянный червячокъ, по воздуху. Вонъ вдали, въ горохѣ, шалашикъ для сторожа, пока еще пустой: залѣзть бы въ него и — спать. . . Вѣтеръ несъ надъ полями убаюкивающія трели жаворонковъ, убѣгала въ поля зеленая межа. Не мало росло на ней ромашки, золотой куриной слѣпоты, бархатисто-лиловыхъ, медвѣжьихъ ушекъ, малиноваго клевера. Прикрывая глазъ, Анисья щипала остинки то изъ медвѣжьихъ ушекъ, то изъ клеверныхъ шапочекъ: тошнило, пекло губы, а въ остинкахъ были свѣжія капельки горькаго меду. Вдругъ сердце замерло, — холодомъ облила голову, отняла плечи, заныла въ нихъ и по всему тѣлу прошла та жуткая, какъ бы предсмертная, тошная волна, что накатываетъ на человѣка, высоко вознесшагося на качеляхъ, вдругъ сорвавшагося и летящаго внизъ. Переломивъ себя, вскочила Анисья съ межи, съ примятаго во влажной травѣ мѣста, и почти побѣжала. До дрожи въ рукахъ и ногахъ захотѣлось застать сына, что-то сказать ему, перекрестить на прощанье. . .

За горохомъ пошли пары. Мужики пахали ихъ. Она слабо крикнула, вѣрно ли, что влѣво поворотъ въ Гурьево, а направо въ Ланское? «Въ Ланское!» — тоже крикомъ отозвался большой босой старикъ, разстегнувшій подъ своей первобытно-густой бородищей воротъ длинной рубахи, подплека которой чернѣла отъ пыли и пота. — «А напитокъ, рѣднѣй, нечего?» Онъ, шатаясь, оступаясь въ бороздѣ, подошелъ въ это время съ

сохой къ межѣ и, обивая блестящую палицу о подвой, остановился. «Можно», — сказала онъ. Она подняла съ межи кувшинъ, заткнутый шапкой и припала къ водѣ, косясь на ступни старика. Онъ былъ страшенъ, похожъ на лѣшаго или болотнаго: огромная голова, зеленовато-желтыя кудлы, такая же борода, фиолетовое конопатое лицо и совсѣмъ зеленые глаза, свирѣпо сверкавшіе изъ-подъ косматыхъ и рѣдкихъ бровей; ступни же его — цвѣта свеклы — напоминали сошники. Но сразу видно — рѣдкой доброты человѣкъ. . . Она напислась, хотѣла спросить, нѣтъ ли хлѣбушка, — и не смогла, не сумѣла. . .

Теперь она вспомнила мѣста. Оставалось до Ланского версты двѣ, и она не спускала гла́за съ большого дерева, одиноко бѣлѣвшаго стволомъ среди моря выколосившейся пшеницы близъ лѣсной опушки, — со старой березы, круглившейся своей вершиной, серебристой отъ вѣтра, на облачно-дымчатомъ небѣ. За пшеницей, за березой показался шелковистый березовый кустарникъ, темно-зеленый. Мѣсто тутъ степное, ровное, кажется очень глухимъ: ничего не видишь, кромѣ неба и безконечнаго кустарника, когдаходишь въ Ланское. Вездѣ буйно заросла земля, а ужъ тутъ прямо непролазная чащѣ. Травы — по-поясъ; гдѣ кусты — не проносишь. По-поясъ и цвѣты. Отъ цвѣтовъ — бѣлыхъ, синихъ, розовыхъ, желтыхъ — рябитъ въ глазахъ. Цвѣлыя поляны залиты ими, такими красивыми, что только въ березовыхъ лѣсахъ растутъ. Собирались тучи, вѣтеръ несъ пѣсни жаворонковъ, но онѣ терялись въ непрерывномъ, бѣгушемъ шелестѣ и шумѣ. Еле намѣчалась среди кустовъ и пней заглошшая дорога. Сладко пахло клубникой, горько — земляникой, березой, по-

лыню. Анисья спѣшила, спотыкаясь, путаясь въ цвѣтахъ и травахъ. Вотъ и караулка. Но виситъ на ея дверкѣ большой рыжій замокъ. И увидавъ его, Анисья вдругъ сморщила лицо и заголосила.

Но голосить на бѣгу было трудно. Заколотилось сердце, стало жарко, слезы мѣшали видѣть. И она оставилась. Кругомъ — полынь, лопухи, крапива, въ крапивѣ — избенка безъ крыши. Изъ лопуховъ вылѣзъ кобель, черно-сѣдой, сѣроусый, съ гноящимися глазами, съ обрубленнымъ хвостомъ и обрубленными, въ кровь разѣденными всякой мошкаррой ушами. Онъ поднялъ эти обрубки и глухо забрежалъ — какимъ-то особымъ, лѣснымъ брехомъ. Она стала и не двигалась съ мѣста, глохла отъ стука собственного сердца. Кобель поглядѣлъ на нее — и смолкъ, отвернулся. И долго оба стояли въ нерѣшительности: онъ не зналъ, продолжать ли брехать, она — подходить ли?

— Егорюшка! — слабо крикнула она.

Никто не отозвался. Кобель подумалъ и брехнулъ еще разъ. Потомъ опустилъ свои обрубки — и голова его стала круглой, доброй, жалкой. Помахивая толстымъ, короткимъ хвостомъ, онъ подошелъ къ Анисѣ, глянулъ въ ея глаза. «Э, да и ты стара! — равнодушно сказалъ его взглядъ. — Ну, намъ съ тобой дѣлать нечего. . . А Егора нѣту. . .» И, отойдя, кобель разсѣянно поднялъ заднюю ногу на кустъ мелкихъ ярко-желтыхъ цвѣтовъ и, не сдѣлавъ ничего, легъ, раскрылъ, по привычкѣ, пасть и часто задышалъ, мотая головой, отбиваясь отъ липнущей къ уху сѣро-лимонной мухи. И опять стало скучно, тихо и глухо кругомъ. Бѣжалъ по кустамъ шелковистый шумъ и шорохъ, однообразно и хрустально звенѣла въ нихъ овсянка, жалостно цокали

и перелетали съ мѣста на мѣсто, съ былинки на былинку съренькія чеканки, точно ища и все не находя чего-то. Караулка была необыкновенно мала и ветха; вмѣсто крыши, росъ по ея потолку высокій блѣдно-серебристый бурьянь. Шатаясь, плача, шурша по лопухамъ, Анисья подошла къ дверкѣ, пошарила по притолкѣ, — нѣтъ ли ключа. Не нашла — и догадалась: отогнула дужку замка, — онъ, конечно, былъ не запертъ, — и потянула за скобку, перешагнула высокій порогъ. . .

Бѣсть — объ этомъ даже думать не хотѣлось. Все плыло вокругъ нея, смутно и горячо разговаривало. Черезъ силу она осмотрѣлась все-таки — и убѣдилась, что нигдѣ нѣтъ ни единой крохи хлѣба. Потомъ, положивъ пукъ увядшихъ цвѣтовъ на кое-какъ сбитый изъ старой доски и свѣжихъ березовыхъ кольевъ столикъ, косо стоявшій въ углу на ухабистой синей землѣ, сѣла на лавку возлѣ столика и безъ движенія просидѣла до самаго вечера. Она тупо ждала чего-то — не то сына, не то смерти, — сонно глядѣла на гнилыя стѣны, на полуразвалившуюся печку. Слабый свѣтъ проникалъ въ окошечко надъ столикомъ. Дальше, гдѣ было другое, безъ рамы, заткнутое полушубкомъ, клоками грязной овчины, сгущался сумракъ. Въ сумракѣ прыгали по землѣ маленькія лягушки.

— Либо мнѣ мерещится? — подумала Анисья — и приглядѣлась: нѣтъ, не мерещится, самыя настоящія лягушки. . .

Весь потолокъ прорасталъ грибами — часто висѣли они, — тонкіе стеблемъ, какъ ниточки, внизъ бархатистыми шляпками, — черными, траурными, коралловыми, — легкими, какъ тряпочки, обращавшимися въ слизь при малѣйшемъ прикосновеніи. Развѣ поѣсть?

Нѣтъ, помрешь — и растащутъ тогда сосѣдушки избу въ Пажени по бревнышку. . . А больше ѣсть нечего. Махоточка стояла на подоконникѣ, прикрытая дощечкой. Она подняла ее: въ махоточкѣ загудѣла большая страшная муха; поднесла дощечку къ глазу, стала разглядывать: такъ и есть, образокъ. Грѣховодникъ Егоръ, за то-то и не даетъ ему Богъ счастья! Она перекрестилась, съ трудомъ поднявъ руку, поцѣловала дощечку и положила ее на столикъ; подумала, вспомнила, что умираетъ, — и еще разъ перекрестилась, заставляя себя выразить во вздохѣ и особенно медленныхъ, истовыхъ движеніяхъ руки всю покорность свою Богу, все свое благоговѣніе передъ славой и силой Его, всѣ надежды свои на Его милосердіе. . . На загнеткѣ раскрытой печки, на кучѣ золы лежала сковородка съ присохшими къ ней корочками яичницы: видно, Егоръ изъ птичьихъ яицъ дѣлалъ, — скорлупа-то возлѣ сковородки валялась пестрая. Анисья подумала: чѣмъ спасается, батюшка, въ родѣ хорька живетъ! Все сильнѣе клонило въ сонъ, въ бредъ, бѣжала подъ ноги дорога вмѣстѣ съ тройками и горлинками. . . Анисья откидывала назадъ голову — и на минуту приходила въ себя, прогоняла видѣнія и ту тревожную зыбкость, въ которую все глубже погружалась она. Вѣтеръ сонно и глухо шуршалъ вокругъ стѣнъ, въ крапивѣ, пронеслся по бурьяну на потолокъ. Въ окошечко виднѣлись сонно качающіяся верхушки кустовъ — блѣдныя на мѣловато-свинцовомъ фонѣ тучъ. Темнѣло, наступалъ вечеръ. . .

Она понимала, что заходитъ дождь, шумитъ вѣтеръ, доноситъ однообразно повышающійся и понижающійся звонъ кустовой овсянки: ти-ти-ти-ти-ти-и. . . Гдѣ-то томно кричали молодые грачи: тоже къ дождю, къ ве-

черу. . . Но, все понимая, она спала, спала — и умира-
ла, и воображеніе ея, чуждое ей, неудержимо работало.
Ахъ, да вѣдь Егоръ идетъ на ярмарку, — надо догнать
его! И она видѣла ярмарку. Тамъ гомонъ, говоръ,
скрипъ телѣгъ, ржаніе лошадей, народъ валитъ валомъ
— и все пьяный, страшный; бьетъ, гремитъ оркестріонъ
на каруселяхъ, кругомъ летятъ на деревянныхъ коняхъ
дѣвки въ красныхъ баскахъ и ребята въ канареечныхъ
рубашкахъ — и отъ этого тошнить, мутить. . . Жарко,
тяжко, а Миронъ, молодой, веселый, со сдвинутой на
затылокъ шапкой, продирается къ ней черезъ толпу,
несетъ цѣлый узелъ гостинцевъ — рожковъ, сусли-
ковъ, жамокъ — и не даетъ допить бутылку квасу,
только-что откупоренную квасникомъ, старикомъ, па-
хавшимъ паръ; Миронъ кричитъ: «запрягай скорѣй,
надо Егорку догнать! . . .» Вотъ какой ты, Миронъ, го-
воритъ она ему, никогда-то не жалѣвъ ты меня въ мо-
лодости, а теперь вотъ и смерть пришла. . . въ полѣ вѣ-
теръ, тучки, дождь мелкій, дѣвки картошки копаютъ,
— нѣтъ, Миронушка, видно, надо лечь поскорѣй. . .
Какъ лунатикъ, шатаясь, шепча, поднялась Анисья съ
лавки, вытянула изъ окошка полушубокъ, свернула, ки-
нула на лавку, въ изголовье. . . Въ тазу ныло и дрожало,
сердце такъ замирало, что, казалось, поминутно вис-
неть она въ воздухъ, что нѣтъ у нея ногъ, есть только
туловище, какъ у того страшнаго солдата, что чернѣ-
етъ на избѣ въ Пажени. Поспѣшно, стараясь не упасть,
легла она и закрыла глазъ. Лавка плавно полетѣла въ
пропасть. . .

Она спала, умирая во снѣ. Лицо ея, лицо муміи, бы-
ло спокойно, безстрастно. Прошелъ дождь, вечернее
небо очистилось, въ лѣсу, въ поляхъ все смолкло. Ве-

черній мотылекъ трепетно-беззвучно поплылъ въ воздухъ. Стали видны въ сумракъ по землѣ только бѣлые цвѣты. Сзади караулки мелкимъ красивымъ узоромъ чернѣ зеленѣли верхи кустарника. — на оранжево-алой мути, переходившей выше въ прозрачно-лимонную, легкую пустоту. Противъ караулки, на безцвѣтномъ, пепельномъ небѣ стояла полная, ясная, но не яркая луна, еще не дававшая свѣта. И глядѣла она прямо въ окошечко, возлѣ котораго лежалъ не то мертвый, не то еще живой первобытный человекъ. Въ другое, безъ стекла, безъ рамы, дулъ теплый вѣтеръ. . .

II

Егоръ въ дѣтствѣ, въ отрочествѣ былъ то лѣнивъ, то живъ, то смѣшливъ, то скученъ — и всегда очень лживъ, безъ всякой надобности. Разъ онъ нарочно объѣлся бѣлены — насилу молокомъ отпоили. Потомъ взялъ манеру болтать, что удавится. Старикъ-печникъ Макаръ, злой, серьезный пьяница, при которомъ работалъ онъ, услыхавъ однажды эту брехню, далъ ему жестокую затрещину и онъ опять, какъ ни въ чемъ не бывало, кинулся мѣсить ногами глину. Но черезъ нѣкоторое время сталъ болтать о томъ, что удавится, еще хвастливѣе. Ничуть не вѣря тому, что онъ давится, онъ однажды таки выполнилъ свое намѣреніе: работали они въ пустомъ барскомъ домѣ, и вотъ, оставшись одинъ въ гулкомъ большомъ залѣ съ залитыми известкой поломъ и зеркалами, воровски оглянулся онъ, въ одну минуту захлестнулъ ремень на отдушникѣ — и, закры-

чавь отъ страха, повѣсился. Вынули его изъ петли безъ чувствъ, привели въ себя и такъ отмотали голову, что онъ ревѣлъ, захлебывался, какъ двухлѣтній. И съ тѣхъ поръ надолго забылъ и думать о петлѣ.

Онъ росъ, входилъ въ силу, становился мужикомъ, хворалъ, пьянствовалъ, работалъ, болталъ, шатался по уѣзду, только изрѣдка вспоминая о заброшенномъ дворѣ и о матери, которую почему-то называлъ своей обузой; жизнь, какъ ни безтолково моталъ онъ ее, очень нравилась ему, и если находили на него минуты усталости, разбитости и той душевной мути, когда онъ говорилъ: «бѣлый свѣтъ не милъ мнѣ!» — то ему и въ голову не приходило, что есть тутъ связь съ его мальчишеской болтовней о самоубійствѣ. И такъ онъ дожилъ до тридцати лѣтъ, до той зимы, когда ни съ того ни съ сего ушелъ онъ въ Москву, связавшись нечаянно съ отправлявшимися туда золотарями.

Изъ Москвы возвращался онъ пьяный и возбужденный. Чувствуя всю нелѣпость своей поѣздки и какъ бы приготавливаясь къ тому отпору, который онъ дастъ всякому, кто будетъ называть его золотаремъ, онъ до копейки пропился въ дорогѣ, вылѣзая на каждой станціи и нахально проталкиваясь въ толпѣ къ буфету. И вотъ тутъ-то, сидя въ мотающемся, мутномъ отъ дыма вагонѣ, онъ, чуть ли не впервые послѣ исторіи въ пустомъ барскомъ домѣ, сталъ опять болтать то, что болталъ когда-то, сталъ доказывать сосѣдямъ по лавкѣ, мужикамъ-пильщикамъ, что онъ долженъ удавиться. И опять никто не далъ вѣры его словамъ, и опять, проспавшись, забылъ онъ о своей болтовнѣ.

Дома, въ родныхъ мѣстахъ, послѣ Москвы, послѣ той непривычной жизни, которой жилъ онъ тамъ, по-

слѣ пьянства и возбужденія въ дорогѣ, все показалось ему такъ буднично, что у него даже пропала охота отбредиваться отъ насмѣшливыхъ разспросовъ, зачѣмъ это путешествовалъ онъ въ Москву. Видѣ своего разрушающагося двора, видѣ сильно измѣнившейся, высохшей и странно-тихой, слегка шальной матери, не произвелъ на него никакого впечатлѣнія. Нехотя проживъ дома трое сутокъ, пошелъ онъ въ Гурьево, на барскій дворъ, — проситься въ караульщики въ Ланское. Былъ солнечный мартовскій день, дорога сперва таяла, потомъ, — когда солнце склонилось на безоблачномъ небѣ въ закату и золотой слюдой заблестѣли подъ нимъ снѣжныя поля, а къ юго-востоку позеленѣла легкая и прозрачная даль, — стала дорога подмерзать, пріятно хрустѣть подъ лаптями и пріятно, покойно, въ ладъ съ этимъ долгимъ, яснымъ и покойнымъ днемъ, чувствовалъ себя и Егоръ. Онъ поднялся на изрѣзанную ледяными колеями блестящую гору въ селѣ, вошелъ на барскій дворъ. Солнце мирно, уже по-весеннему, догорало противъ него, за рѣкою; по-весеннему возились и трещали воробьи въ золотисто-зелено-сѣрыхъ прутьяхъ, въ кустахъ сирени возлѣ барскаго дома, четко рисовавшегося бѣлизной стѣнъ и бурой желѣзной крышей на зеленоватомъ небѣ. На крыльцѣ стояла горничная и вытряхивала самоваръ. Господъ дома нѣту, сказала она, въ городъ уѣхали; не то пріѣдутъ нынче къ вечеру, не то нѣтъ. . . И Егоръ какъ-то сразу увялъ, почувствовалъ тоску; постоялъ среди розовѣющаго двора въ нерѣшительности и побрелъ въ людскую. Въ людской, крѣпко пахло кислыми щами; на лавкѣ возлѣ стола сидѣлъ работникъ Герасимъ, черный грубый мужикъ, прикрѣплялъ кнутъ къ кнутовищу и бранился съ своей

женой, Марьей, примостившейся на нарахъ возлѣ печки, съ ребенкомъ на рукахъ. Егоръ вошелъ, тряхнулъ головой и сѣлъ. На поклонъ ему отвѣтили, но браниться не бросили. Ребенокъ дралъ ручонками кофту матери, ища грудь; Марья, маленькая, смуглая, не спуская блестящихъ глазъ съ мужа и не замѣчая попытокъ ребенка, говорила, и Егоръ скоро понялъ, что брань началась изъ-за бритвы, принадлежащей брату Марьи, изъ-за того, что Герасимъ кому-то далъ эту бритву.

— Свою прежде наживи, — говорила Марья, блестя злыми глазами. — Тогда и давай, когда наживешь. Побирושка чортъ!

— Я съ тобой никакихъ дѣловъ имѣть не хочу и разговаривать не стану, — твердо и размѣренно отвѣчалъ Герасимъ, раздувая ноздри. — Скандалу не смѣй затѣвать: у людей праздникъ завтра.

— Ротъ ты мнѣ не смѣешь зажимать, — говорила Марья со смѣлостью челоуѣка, сознающаго свою правоту.

— Молчи лучше, — отвѣчалъ Герасимъ, стараясь удержаться на твердомъ тонѣ.

— Не форси, авось тебя не боятся!

— Погоди, дѣвка, побоишься! Авось заступниковъ-то немного!

— Чтѣ жъ, поплачу да спрячу. Пѣшаго сокола и галки деруть. Не новость. . .

Егоръ привыкшій шататься по чужимъ избамъ и жить чужими жизнями, любившій скандалы, любившій слушать брань, сначала заинтересовался и этой бранью. Но вдругъ и отъ брани стало нудно ему. . .

— Что-й-то Москва-то скоро прискучила! — сказала Марья, напоминая мужу его поѣздки въ Москву,

поѣздку, столь же нелѣпую, какъ и поѣздка Егора, хотя и не столь позорную, такъ какъ Герасимъ ѣздилъ искать мѣста на конкѣ. — Что-й-то скоро заявился! Видно, васъ такихъ-то не мало тамъ околачивается!

— Ты лучше, сука, за своимъ дѣломъ смотри, — отвѣтилъ Герасимъ. — Ты вонъ какой кулешъ-то сварнакала къ обѣду нонче? Свиньямъ, что ль, мѣсила? Такъ вѣдь тутъ не свиньи обжорныя!

— За мной гаятъ нечего, — отозвалась Марья. — Ты лучше за своей Гашкой, за своими шкурами, любовницами гляди.

Егоръ хотѣлъ солгать, какая рѣдкая и дорогая была у него бритва, — и полѣнился, промолчалъ. Онъ поднялся съ мѣста и подумалъ: «А безпримѣнно удавлюсь я! Ну ихъ всѣхъ. . . куда подаль! . . .» Онъ медленно подошелъ къ Герасиму, закуривавшему цыгарку, потянулся къ нему съ трубкой. Не глядя на него, тотъ подаль почти догорѣвшую спичку. Егоръ, обжигая пальцы, закурилъ и сталъ у двери.

— Гашка-то, небось, чуточку поболѣ твоего работаетъ! — говорилъ Герасимъ, не зная, что сказать.

— Авось и мнѣ за тобой, за чортомъ, не сладко — отвѣчала Марья. — Десять лѣтъ воробчаю!

— А-а! Ишь, актриса какая!

— Однихъ картохъ по три чугуна трескаете! Весь животъ на чугунахъ сорвала. . .

Егоръ не дослушалъ и вышелъ.

Весну и начало лѣта онъ провелъ въ Ланскомъ. Определенность положенія сперва радовала его. Вѣчно думать о томъ будетъ ли заработокъ, вѣчно шататься, искать этого заработка и, какъ-ни-какъ, гнуть хрипъ

— это уже порядочно надоѣло. А тутъ работы никакой, спи сколько угодно, жалованье и отвѣсное идутъ да идутъ. . . Но и дни шли — и все больше становились похожи другъ на друга, дѣлались все длиннѣе да длиннѣе; нужно было убивать ихъ, а въ лѣсу, въ одиночествѣ какъ ихъ убьешь? И, ссылаясь на то, что у него на плечахъ мать-старуха, больная и голодная, Егоръ по-вадился на барскій дворъ выпрашивать жалованье и отвѣсное впередъ, а, выпросивъ, пропивать и то и другое съ пріятелемъ, гурьевскимъ кузнецомъ. Онъ чувствовалъ теперь нѣчто вродѣ того, что чувствовала послѣднее время Анисья: зыбкость во всемъ тѣлѣ, неопредѣленную тревогу и особенную беспорядочность въ мысляхъ. Въ сумерки онъ сталъ плохо видѣть, сталъ бояться приближенія сумерокъ — было жутко въ этомъ молчаливомъ кустарникѣ: всюду, гдѣ рѣялъ вечерній сумракъ, представлялся еле видный, неуловимый въ очертаніяхъ, но оттого еще болѣе страшный, большой сѣроватый чортъ. И чортъ этотъ не спускалъ съ Егора глазъ, поворачивалъ за Егоромъ голову, куда бы ни шель Егоръ. И такъ какъ казалось, что это онъ, чортъ, заставлялъ вспоминать о петлѣ, о переметѣ, о толстыхъ сучьяхъ старой березы въ пшеницѣ, то стала страшна и давнишняя, прежде бывшая такой простой, мысль о петлѣ. И Егоръ совсѣмъ забросилъ лѣсъ — сталъ и дневать и ночевать въ Гурьевѣ. На-людяхъ, даже тогда, когда онъ только-что выходилъ изъ этихъ глухихъ степныхъ мѣстъ. буйныхъ хлѣбовъ и кустарника на дорогу въ село, сразу становилось легче.

Вотъ и въ тотъ день, когда шла въ Ланское Анисья, побрелъ Егоръ въ Гурьево. Отъ ягодъ сильно знобило по вечерамъ, онъ зналъ это. Но ѣсть хотѣлось — и,

выйдя изъ избы, онъ долго лазилъ на колѣняхъ по ку-
стамъ, по цвѣтамъ и травамъ, долго ѡль землянику и
клубнику, иногда очень спѣлую, иногда совсѣмъ зе-
леную, твердую. . . Потомъ не спѣша пошелъ въ село.

— Главная вещь — хлѣбушка надо разжитья, —
думалъ онъ, выходя изъ лѣса за часъ до того, какъ
прійти туда Анисѣ.

Гдѣ онъ будетъ разживаться, онъ не зналъ, да мало
и надѣялся на разживу. Но вѣдь надо же было оправ-
дать свой уходъ изъ лѣса. И впрямь, плохи были его
дѣла насчетъ хлѣбушка. «Ну, да плохи не плохи, авось
не первая волку зима!» — говорилъ онъ себѣ, разлато-
ступая по дорогѣ новыми лаптями, сося трубку, каш-
ляя и глядя вдаль запухшими, блестящими глазами.

Гурьево село большое, старинное, съ просторными
выгонами, съ двумя мельницами, — водяной и вѣтрян-
кой, — стоитъ на рѣкѣ, тонетъ въ цѣлыхъ рощахъ лоз-
няка, осинника, и грачей въ этихъ рощахъ — несмѣт-
ныя тысячи. «Такого села, — говорилъ Егоръ, — ни
въ одной Америкѣ не найдешь!» — Передъ вечеромъ,
когда онъ подходилъ къ селу, надъ селомъ прошумѣлъ
не долгій, но сильный ливень, какъ видно, не первый
за день. Ярко чернѣли дороги среди зеленой муравы по
выгону, на которомъ слѣва, возлѣ барской усадьбы,
стояла старая церковь, обитая жестью, возлѣ церкви
— новое кирпичное училище, по срединѣ — мірской
хлѣбный амбаръ, гамазей, а справа — тяжкій вѣтрякъ
и уютный дворъ мельника. Дулъ вѣтеръ, но крылья
вѣтряка неподвижно распростирались въ облачномъ
небѣ. Всегда сѣрыя, они были теперь темны, сыры. Съ
крыши гамазея падали капли; мальчишки, что стерегли

лошадей по зеленой муравѣ, сидѣли подѣ гамазеемѣ въ мокрыхъ зипунахъ.

— Чудеса, — думалъ Егоръ, направляясь къ вѣтряку и обсуждая, какъ всегда, то, что случайно попадетъ въ голову. — Безперечь тутъ дождь. Мѣсто привольное, для огородовъ, къ примѣру сказать, — кладъ чистый. . .

Еще рано было, а уже гнали разбѣгающееся по выгону пестрое стадо. Предвечернее солнце проглянуло на минуту далеко за селомъ, за рѣчной долиной, какъ разѣ противъ училища, блеснуло на новой, похожей на цинковую, крышѣ его, на золоченомъ крестѣ церкви, сдѣлало стадо еще пестрѣе и опять потухло, скрылось въ облакахъ. Церковь въ Гурьевѣ грубая, скучная, какая-то чуждая всему, училище имѣетъ видъ волостного правленія, вѣтрякъ неуклюжъ, тяжелъ, работаетъ рѣдко. Буднично шумѣли, гамѣли безъ толку грачи въ лознякѣ по рѣчкѣ. Бѣжало, ревѣло и бляло стадо, перекиваясь, гонялись за овцами бабы съ накинутыми на голову подолами. . . Тамъ, въ Ланскомъ, въ караулкѣ безъ крыши, среди глухого кустарника, цвѣтовъ и бурьяна, умирала замотавшаяся до послѣдняго, смиренная мать Егора. А онъ стоялъ зачѣмъ-то среди выгона въ Гурьевѣ, думалъ, что попало, ждалъ зачѣмъ-то, пока прогонятъ стадо. Стадо прогнали — и онъ долго глядѣлъ на двухъ спутанныхъ мокрыхъ лошадей, щипавшихъ траву и тяжело перепрыгивавшихъ съ мѣста на мѣсто связанными передними ногами. Передвигая трубку изъ угла въ уголъ рта, тяжело дыша, кашляя и сплевывая, онъ разсѣяннo водилъ глазами по выгону, мысленно ругалъ дуракомъ церковнаго старосту, обившаго старую каменную церковь жестью, глядѣлъ

на гамазей. Прижавшись къ стѣнѣ гамазея, сидѣли на большомъ бѣломъ камнѣ мальчишки въ мокрыхъ, рваныхъ зипунахъ. Возлѣ нихъ стоялъ жеребенокъ-третьякъ. На него капало съ крыши: сверху онъ былъ темный, снизу свѣтлорыжій, сухой. . . Егоръ невесело усмѣхнулся и, скользя, развѣзжаясь по грязи лаптями, побрелъ къ избѣ мельника.

Какъ всегда, хозяева не обратили на Егора никакого вниманія. И, какъ всегда, это нисколько не смутило его. Онъ перешагнулъ порогъ избы, тряхнулъ, въ знакъ привѣта, головой, своимъ гимназическимъ картузомъ, плоско лежавшимъ на бѣлыхъ кудлахъ, и сѣлъ на нары, сталъ насыпать трубку ѣдкой махорочной пылью, вывертывая истертый кисеть. Старикъ-мельникъ гнулся на лавкѣ возлѣ стола, тупо, упершись ладонями въ лавку, глядѣлъ на руки своей молодой, беременной бабы, Алены, просѣвавшей надъ столомъ муку. Алена слыветъ въ Гурьевѣ красавицей за свою крѣпость и бѣлое коровье лицо. А самъ мельникъ малъ и лысъ, головасть, безобразень. Онъ богатъ, а полушубокъ на немъ рваный, засаленный, темный, — рѣзко выдѣляется новый оранжевый рукавъ этого полушубка. Носъ у него похожъ на мухоморъ, большія открытыя ноздри стали отъ нюхательнаго табаку темно-зелеными и бархатными. Глядя на муку, сѣрой пылью сыплющуюся изъ-подъ рѣшета, онъ равнодушно спросилъ Егора:

— Чтó, ай соскучился въ лѣсу-то?

— Чтó жъ мнѣ скучать, — не спѣша отвѣтилъ Егоръ. — Дѣло есть въ селѣ. . .

И, сошмыгнувъ съ нарь, подошелъ къ загнеткѣ, открылъ заслонку и по-поясъ залѣзъ въ темную жаркую глубь печки.

— Нуждишка есть, — глухо крикнулъ онъ оттуда, вытаскивая своими култышками раскаленный уголь изъ золы и забивая его въ трубку.

Алена, подсѣвая, ловко хлопая рѣшетомъ въ ладони и тряся широкимъ задомъ, черезъ плечо покосилась на Егора. «Всѣ печки выстудилъ, родимецъ!» — подумала она. Но Егоръ, хорошо знавшій такія думы, принялъ, выбравшись изъ печки, самый беззаботный видъ. И, затягиваясь, растрawляя себѣ ноздри вѣдкимъ запахомъ и жаромъ горящаго осиноваго угля и съ мучительнымъ наслажденіемъ кашляя, опять спокойно усѣлся на нарахъ. «Ай, уйтить? — думалъ онъ разсѣянно. — Да чортъ съ ними, посижу еще маленько. . . Жрутъ, жрутъ, по два раза на недѣлю хлѣбы ставятъ и все не облопаются», — разсѣянно думалъ онъ, глядя то на хлѣбную дежу возлѣ печки, прикрытую старымъ армякомъ, то на желтоватую атласную муку, что длинной горкой, въ родѣ крышки гроба, росла на столѣ, то на Алену. Толстыя руки ея, засученныя полкоть, были запырошены мукою; на пальцахъ блестяли мѣдныя и серебряныя кольца. Подоль шерстяной красной юбки Алена подняла и заткнула за поясъ, толстыя ноги въ мужицкихъ сапогахъ, чернѣвшихъ подъ сѣрой рубахой, поставила твердо и, немного отвалясь назадъ, выставляя свой страшный животъ, мѣрно трясла задомъ.

— Хлѣбушка я не наживусь у тебя полкраюшечки? — спросилъ Егоръ, сплевывая слюну, постоянно набѣгавшую на его бѣлесыя отъ голода и трубки губы.

Алена промолчала. Анютка, ея дѣвочка съ лихорадкой на губахъ и вѣромъ подстриженными на лбу жесткими волосами, все лѣзла, наваливаясь на столъ,

пальчикомъ проводя въ мукѣ полоски. Промолчавъ на вопросъ Егора, Алена вдругъ звонко щелкнула дѣвочку въ лобъ ладонью. Дѣвочка отвалилась, шлепнулась на лавку и заголосила.

— Сказала, ня налягай на муку! — крикнула Алена своимъ грубымъ однодворческимъ голосомъ.

— А вотъ я ее ножикомъ сейчасъ зарѣжу, — сказала, входя въ избу, Салтыкъ, молодой работникъ, въ овчинной курткѣ и бѣломъ фартукѣ, только-что пріѣхавшій съ поля, гдѣ онъ подкашивалъ опушку обитаго градомъ овса.

И сталъ вѣшать на стѣну, на деревянный костыль, вбитый между бревнами, тяжелый новый хомутъ съ бѣлыми гужами и недоуздокъ, на блестящихъ удилахъ котораго зеленѣла наѣденная лошадыю травяная пѣна.

Видъ у Салтыка, недавно отбывшаго солдатчину, былъ самодовольный, лицо, въ полубачкахъ, загорѣлое, пріятное, грудь широкая, солдатскій картузь сдвинуть на затылокъ. На груди фартука были крупно вышиты красныя буквы. И Егоръ, которому Салтыкъ только кивнулъ слегка, подумалъ:

— Вѣрно, Аленка и вышивала. Да и дѣвчонка, конечно, его. Недаромъ же болтали, что онъ ее еще до солдатчины управился обдергать. Дуракъ мельникъ! Я бы съ ней шкуру спустилъ да на пяло растянулъ!

Онъ, сипя, носилъ грудью, показывая въ прорѣху обитаго ворота бурую полосу загара на мертвенно-блѣдномъ тѣлѣ. Блѣдно было и отекавшее лицо его. Онъ былъ тяжело боленъ, но чувствовать себя больнымъ давно вошло въ привычку, онъ не обращалъ

на это ни малѣйшаго вниманія. Нисколько не обижа-
ло его и то, что на него, больного, голоднаго, даже и
посмотрѣть внимательно никто не хочетъ. Не испы-
тываль онъ и злобы къ Алень, когда думаль: «я бы
ея шкуру на пяло растянуль» — хотя растянуть могъ
бы. Но глухое раздраженіе не только противъ этого
богатаго и скучнаго двора, но и противъ всѣхъ гурьев-
цевъ, все-таки сидѣло въ немъ, томило и заставляло
думать что-то такое, что не поддавалось работѣ ума,
досадно вертѣлось въ головѣ, какъ стертая гайка. Онъ
уже давно освоился съ тѣмъ, что часто шли в немъ
сразу два ряда чувствъ и мыслей: одинъ обыденный,
простой, а другой — тревожный, болѣзненный. Спо-
койно, даже самодовольно думая о томъ, что попадется
на глаза, что случайно взбредеть на умъ, часто то-
мился онъ въ это же самое время и тщетнымъ желаніемъ
обдумать что-то другое. Онъ завидоваль порой
собакамъ, птицамъ, курамъ: онѣ, небось, никогда ни-
чего не думаютъ! Теперь ему и хотѣлось и не хотѣлось
сидѣть у мельника. Да что дѣлать-то, если не сидѣть,
куда итти? Въ лѣсъ, въ кустарникъ, въ сумерки, гдѣ
всюду мерещится этотъ сѣрый чортъ?

Алена зажгла надъ столомъ висячую лампочку, за-
горѣвшуюся блѣдно-зеленымъ огнемъ: еще свѣтло
было за окнами. Салтыкъ не спѣша досталь изъ кар-
мана портокъ плюсовый кисеть, не спѣша свернуль и
загнуль крючокъ, икнуль и, пропустивъ въ стекло
лампочки соломину, закурилъ, сѣлъ на лавку.

— Подсѣвай, подсѣвай, — кинуль онъ Алень, за-
тягиваясь. — Что-й-то пирожка хочется.

— А рожна ня хочется? — спросила Алена, гово-
ря съ Салтыкомъ тѣмъ особымъ, какъ будто грубымъ

тономъ, какимъ говорятъ при народѣ только съ любовниками.

Старикъ между тѣмъ возился у загнетки: поставилъ таганъ на грудку сучковъ и сталъ поджигать ихъ, поддувать, намѣреваясь что-то стряпать. Сучки были сыры, только дымились, и Шмарокъ плакалъ отъ дыма, изъ глазъ его, изъ красныхъ вѣкъ текли слезы.

— Ну, невеселая моя поварская, — бормоталъ онъ.

И, видно, раздумавъ стряпать, сѣлъ на обрубокъ толстаго дубоваго корня, возлѣ печки. Изъ-подъ тагана пошелъ молочно-бѣлый дымокъ, покурился и потухъ. . . Шлепало рѣшето, слышно было, какъ дышатъ Егоръ и Анютка, дѣлавшая куклу, — навертывавшая на стеклянный пузырекъ тряпочки. Салтыкъ глянулъ на старика и усмѣхнулся.

— Кухаръ ты невеселый, вотъ это я вижу, — сказалъ онъ, далеко сплевывая. — Надо тебѣ каталогъ выписать. Когда я въ Тифлисъ служилъ, такъ тамъ хозяйкина дочь всегда выписывала каталогъ, по какому все можно приготовить. Вотъ и ты — пошли въ Москву письмо, вложи въ него марку семь копеекъ и напиши: такъ, молю, и такъ, вышлите мнѣ всѣхъ возможныхъ каталоговъ.

— И то правда, — отозвался старикъ. — Ты, известно, все знаешь: гдѣ какіе жители, гдѣ какіе города. . .

Егоръ покосился и подумалъ: «Какіе города! Много онъ, дуракъ, знаетъ, окромя своего Тифлису! Вотъ я бы ему поразсказалъ. . .» Ему очень захотѣлось спора, въ которомъ онъ вышелъ бы и умнѣе, и толковѣе, и бывалѣе Салтыка. Но намѣреніе попросить хлѣба и еще что-то, чего онъ не могъ опредѣлить, связывало

его, всегда смѣлаго и болтливаго, ставило втупикъ — и передъ кѣмъ же! — передъ мужиками, которыхъ онъ даже и сравнивать никогда не хотѣлъ съ печниками, плотниками, малярами! Онъ только независимо откашлялся и, насасывая потухшую трубку, притворяясь разсѣяннымъ, сталъ слушать: что-то еще сбросеть Салтыкъ?

— Какъ же мнѣ не знать! — сказалъ Салтыкъ. — Да я не то что, я, какъ осень, безпремѣнно опять туда! Тамъ сейчасъ самая колбня идетъ, — сказалъ онъ, мелькомъ взглянулъ на Алену и усмѣхнувшись. — Да ей-Богу: веселье, гулянье — каждый Божій день, съ восьми утра до двухъ ночи. Особливо въ курсовыхъ, въ Пятигорскѣ, въ Кисловодскѣ, въ Висинтукахъ. . .

— Значить, скучать не имѣютъ права, — вставилъ старикъ и досталъ изъ кармана полушубка тавлинку.

— Ну, только тамъ съ деньгами хорошо, — продолжалъ Салтыкъ, не слушая старика. — Безъ денегъ туда лучше и не показывайся. Наконецъ того, водка тамъ ничего не стѣбитъ. Тамъ каждый грузинъ аграмадный виноградникъ имѣетъ. Везутъ на базаръ въ бочкахъ — такъ и плескается.

— Имѣютъ капиталъ добывать ее, вотъ и плескается, — сказалъ Егоръ. — Авось, и это дѣло знаемъ не хуже твоего, — пробормоталъ онъ, чувствуя, что его опять начинаетъ ломать, знобить, и неотступно думая о полушубкѣ, которымъ онъ совершенно напрасно заткнулъ окно въ караулкѣ вмѣсто того, чтобы надѣть его, догадаться, что къ вечеру послѣ дождя будетъ прохладно.

Но Салтыкъ не обратилъ вниманія и на это замѣчаніе.

— Тамъ, братъ, — говорилъ онъ, неизвѣстно къ кому обращаясь: — какіе бульвары, сады! Садъ князя Чалыкова на три кавадратныхъ версты тянется! Только изъ одного плохо: тамъ, ночь пришла — безъ бурки ни шагу: стыдь. А въ горахъ завсегда снѣгъ, круглый годъ не переводится. . .

— Дуракъ! — подумаль Егоръ. — Безъ бурки! А спроси его, какая такая бурка — ни елды, кислая шерсть, не знаетъ. . . Бурка, она, братъ, медвѣжья, идѣ ты могъ ее замѣтить? — неожиданно для самого себя сказалъ онъ вслухъ.

И закрылъ глаза. «Скука теперь въ моемъ блиндажѣ. . . И напрасно, едрена мать, не взялъ я полушубка!» — подумаль онъ, глядя на зеленый огонь лампы, на лиловѣющій воздухъ за окнами, въ которыхъ сѣкъ опять набѣжавшій дождь, и вспоминая однообразный звонъ кустовыхъ овсянокъ, жалостное цоканье чеканокъ. Шлепало рѣшето, дышала Анютка, и мѣрно чередовались два голоса — старческій, кряхтящій, и молодой, самодовольный и ладный.

— По горамъ тамъ вездѣ стѣжки продѣланы, — говорилъ Салтыкъ. — Черкесь какой-нибудь разнесется. . . летить, скачетъ — какъ только голова цѣла! А глянешь на горы издали — какъ тучи заходятъ. Опять же изъ дѣвокъ не плохо. Тамъ къ дѣвкамъ пойтить — по таксъ, за всходъ тридцать копеекъ. Ты вотъ старый человекъ, а она тебя можетъ каждая раскипятить.

— Нѣтъ, теперь не гожусь, — отвѣчалъ старикъ, двигая плечами, почесывая ихъ ерзающимъ полушуб-

комъ. — А раньше я, правда, до дѣвокъ врагъ былъ! Могъ съ ними хорошо обойтись.

Егоръ ухмыльнулся и хотѣлъ-было рассказать, какъ одинъ печникъ бобровымъ стручемъ опоилъ, отуманилъ, обольстилъ генеральскую дочь, — рассказать и дать понять, что печникъ этотъ былъ не кто иной, какъ онъ самъ. Но перебила Алена.

— Будя, бряхучій! — крикнула она тѣмъ притворно-злымъ тономъ, которымъ здоровыя бабы, имѣющія стараго мужа, прикрываютъ свою любовь къ щекотливымъ разговорамъ. — Будя, бястыжій! Старый человекъ, а що бреша! Табѣ вонъ на кладбишшу помѣстье давно готова! Двухъ женъ похоронилъ!

— А я что? — сказала старикъ. — Я ничего.

— Народъ тамъ красивый, не униженный, — продолжалъ Салтыкъ. — Есть старики по сту лѣтъ живутъ. . .

Егоръ и на это хотѣлъ возразить: живутъ-то живутъ, а на кой чортъ, спрашивается? .. Но опять его перебили.

— Ну, объ этомъ ты оставь! — стазалъ старикъ. — Взять хоть къ примѣру меня такого-то: живу я семьдесятъ годовъ, шашнадцать человекъ своей крови похоронилъ, а прожилъ бы дѣ ста лѣтъ, отъ меня опять пошли бы плоды. . . Гдѣ жъ тогда жить? И то народу развелось до гибели, а тогда прямо вли бы другъ друга, какъ рыба въ морѣ. Вотъ приходилъ ко мнѣ старикъ съ того боку — сто пять, говоритъ. А уронилъ шапку — поднять не можетъ.

— Это барскій-то? Какой табѣ! — весело крикнула Алена. — За водой еще самъ вѣздить! Скоропостижной дѣдѣ!

— Не хуже моей старухи, — сказала Егоръ. — Животолюбивая старуха! А я ее корми, журись объ ней. . .

— А вотъ говорятъ же умные люди, — сказалъ старикъ: — можно, говорятъ, вѣкъ прожить, а какъ умрешь, не будешь причиненъ ни тлѣнью ни прѣнью. Только говорятъ, не надо разгорячительной пищи ѣсть. Я когда у господъ жилъ, такъ тамъ барчукъ былъ, на доктора учился. Былъ онъ мнѣ дорогой пріятель и, бывало, часто сказывалъ, будто каждый человекъ можетъ свое тѣло заохолодить и, какъ помретъ, тѣло тлѣть не будетъ, а будетъ въ воздухъ улетучиваться.

— Ну, это зря брешутъ, — возразилъ Салтыкъ.

— Книги, значить доказываютъ.

— Книги! — ухмыльнулся Салтыкъ. — Ни жъ можно съ холодной кровью жить?

Егоръ, обиженный равнодушіемъ, какимъ встрѣчано было его замѣчаніе о матери, опять вмѣшался и на этотъ разъ уже совсѣмъ смѣло.

— А рыба? — спросилъ онъ. — Можетъ же она съ холодной кровью жить и распложаться?

Салтыкъ повернулъ къ нему голову.

— Та-акъ! — сказалъ онъ насмѣшливо.

И вдругъ рѣшительно заговорилъ:

— Рыба! Да ты погляди, какъ она, рыба-то, ныряетъ, козлекаетъ въ водѣ! Ухитришься ты такъ-то? Ты вонъ мелешь — она съ холодной кровью, а выложи ее на берегъ: улетучится она, ай нѣтъ? Никуды она не можетъ улетучиться!

Егоръ внезапно разгорячился.

— А я такъ скажу, — крикнулъ онъ: — а я тебѣ скажу, что нашему брату, рабочему человѣку, нельзя безъ горячей пищи! Ты вонъ мурло наѣлъ, тебѣ хорошо брехать! А я безъ пищи захворать могу! Я, можетъ, кабы сытъ-то былъ. . .

— Ну, и вышли оба дураки! — закричалъ и старикъ, поднимаясь. — Терпѣнья у насъ не хватаетъ, вотъ и не можемъ заходить! А вы гляньте, какъ святые-то, угодники-то, какіе Богу-то угожали, да не ѣли, не пили, какъ они-то дѣлали? Какъ Ларивонъ-то святой дѣлалъ? Могъ же онъ три года одной рѣдъкой питаться?

— Значить, по-твоему выходить, и моя старуха святая будетъ? — крикнулъ и Егоръ, выхватывая трубку изо рта. — Она вонъ тоже не ѣстъ, не пьетъ. . . У насъ вонъ даже и рѣдъки твоей нѣту. . .

— Пойдите, -- сказалъ Салтыкъ: — погодите лапить-то!

И, обернувшись къ старику, неожиданно принялъ сторону Егора:

— Значить, и мы съ тобой могли бы святыми исдѣлаться? Охолодили бы свое тѣло, налопались рѣдъки, да и вся недолга?

— Да будя вамъ брехать-то! — громче всѣхъ закричала Алена, бросая рѣшето: — Гѣлманы!

— Да и правда! — подхватилъ старикъ. — Бога-то попомните! Онъ братъ, за такія рѣчи не спускаетъ намъ дуракамъ!

Алена съ нахмуреннымъ лицомъ подошла къ намъ и, косясь на утирку, на которой сидѣлъ Егоръ, дернула ее и злобно крикнула:

— Пусти-ка-ся! Усѣлся на ширинку — и горя мало! Нябось, и домой пора, нечего до ужина досиживать!

— Это не твоя забота, — возразилъ Егоръ: — я и самъ свою время знаю. Ужинъ твой мнѣ безъ надобности, а балакать ты мнѣ не можешь запретить. Вотъ посижу еще маленько и пойду. . .

Дождь прошелъ, вечернее небо очистилось, въ селѣ было тихо, избы темны: до Ильина дня не вздувають огня лѣтомъ, ужинають передъ избами, на камняхъ, въ полусвѣтѣ зари. Выйдя отъ мельника, Егоръ остановился, даже спросилъ себя: не вернуться ли въ Ланское? — и повернулъ въ село, въ ту большую улицу, что тянется между дворами по косогору надъ рѣчкой. Въ полусвѣтѣ зари, вокругъ камней у пороговъ сидѣлъ народъ безъ шапокъ, хлѣбая изъ деревянныхъ чашекъ — кто тюрю, кто молоко. Но Егоръ, проходя мимо и косясь, плохо различалъ даже лица ужинающихъ: въ глазахъ рябило, по тѣлу проходилъ ознобъ, въ мысляхъ была тревожная беспорядочность. Очень хотѣлось ему обдумать то, о чемъ спорили у мельника: всѣ чепуху говорили тамъ, одинъ онъ могъ бы сказать что-нибудь путное, если бы ему не мѣшали разобраться въ мысляхъ. Очень хотѣлось рѣшить и еще что-то — неотложное, самое что ни на есть главное. . . Но что? Голова его усиленно работала. Тифлисъ мѣшался въ головѣ съ рыбой, Салтыкъ съ Анисьей, вопросъ о томъ, можно ли ничего не ѣсть и захолодить свое тѣло, нельзя было рѣшить потому, что не давала покоя злоба противъ Алены, ея широкаго зада и однодворческаго говора. И Егоръ торопливо шель по улицѣ, боясь, что не застанеть кузнеца дома, что кузнецъ ля-

жетъ спать, что опять не удастся ни поговорить всласть, ни доказать, что у мельника всѣ чепуху говорили. . . Но кузнецъ былъ дома.

Кузнецъ былъ горькій пьяница и тоже полагалъ, что умнѣй его во всемъ селѣ нѣтъ, что и пьетъ-то онъ по причинѣ своего ума. Развѣ ему кузнецомъ бы быть! Онъ всю жизнь не могъ примириться со своей долей, люто презиралъ село и холодно-золь бывалъ въ трезвомъ видѣ, свирѣпъ становился, если ему удавалось попить дня три-четыре подъ-рядъ. Онъ ходилъ тогда съ колеснымъ ключомъ въ рукѣ, затѣвалъ скандалы съ каждымъ встрѣчнымъ, гоготалъ подъ окномъ лавочника, пѣвшаго по праздникамъ въ церкви, вызывая его на состязаніе въ пѣніи. А не то шель въ училище экзаменовать мальчишекъ по Закону Божию и грозилъ учительницѣ на мѣстѣ убить ее ключомъ за единую ошибку. Съ похмелья онъ бывалъ угнетенъ. Въ такомъ положеніи и засталъ его Егоръ.

Онъ сидѣлъ возлѣ кузни, на косогорѣ надъ рѣчкой надъ плесомъ, противъ водяной мельницы. Слабо алѣлъ закатъ за нею, тамъ, гдѣ сходился съ темной землей прозрачно-зеленоватый небосклонъ. Еще свѣтло было надъ плесомъ, сталью лежавшимъ по лугу. Но тотъ берегъ, гдѣ мельница, былъ уже совсѣмъ темень: только по отраженіямъ въ плесѣ можно было догадаться, что тамъ деревья. И, сидя возлѣ кузни, поставивъ локти на колѣни, думалъ кузнецъ о томъ, какъ глупы были наши генералы во время войны съ японцами. Вотъ, напримѣръ, въ такой вечеръ. . . что стоило японцамъ вплотную подойти къ нашимъ войскамъ? Небось, генералы-то наши, умники-то эти, глядѣли въ свои подзорныя трубы за рѣчку, на берегъ,

въ темноту, гдѣ ничего не видно, когда надо было глядѣть вовсе не туда, а въ рѣку, гдѣ отражается каждое дерево и всѣ свѣтлые пролеты между деревьями... Мысль эту кузнецъ немедля высказалъ Егору, какъ только тотъ подошелъ и сѣлъ на косогорь рядомъ съ нимъ. А Егоръ, обрадовавшись, что у кузнеца есть табакъ, что кузнецъ съ похмелья и думаетъ, значить, вовсе не о генералахъ, поглядывалъ по сторонамъ, кашлялъ и ждалъ, когда наконецъ додумаетъ кузнецъ свою думу. Какъ и у Егора, мертвенно было тѣло у кузнеца, рубаху котораго все заворачивалъ сзади въ-теръ, рубаху ситцевую, но очень ветхую, прожженную, въ мелкихъ дырочкахъ. Былъ и кузнецъ лохматъ, но не такъ, какъ Егоръ, а такъ, какъ бываютъ лохматы мастеровые, рабочіе. Страшно черны и маслянисты были его волосы, его борода, смугло и маслянисто лицо, болѣзненно перекошены брови и блестящи глаза. Дулъ въ-терокъ, темнѣвшая рѣка зарыбилась; кузнеца трясло. Но вдругъ онъ всталъ и, наступая сапогомъ на сапогъ, началъ быстро разуваться, раздѣваться.

— Ай ты очумѣлъ? — крикнулъ Егоръ, со страхомъ глядя на тощее, мѣловое тѣло, забѣлѣвшее въ полусвѣтѣ зари, когда кузнецъ, взъерошивъ волосы, сдернулъ съ себя рубаху. — Ай ты очумѣлъ? Да у тебя сердце зайдетъ въ водѣ въ этакую стыдь!

— Вона! — крикнулъ кузнецъ хриплымъ басомъ.

И вдругъ загоготалъ, скинувъ штаны вмѣстѣ съ подштаниками и разбѣгаясь, чтобы шаркнуть въ воду:

— Благо-сло-ви! вла-ды-ко-о!

Онъ хорошо зналъ, что ледяная вода мгновенно дастъ ему рѣшительность, находчивость. Въ водѣ, и впрямь, зашло у него сердце, но онъ не далъ ему по-

блажки: онъ фыркаль, ныряль, плаваль. . . Не попадая зубъ на зубъ, выскочилъ онъ на берегъ, неловко и торопливо натянулъ штаны на мокрое тѣло, влѣзъ въ рубаху и, влѣзая, твердо сказала Егору, что околѣвать онъ не намѣренъ, что его душа дороже колесъ. А какихъ колесъ — этого Егору не надо было пояснять: онъ мгновенно сообразилъ, что лежатъ у кузнеца чьи-то колеса, присланные въ починку, и что надо какъ ни можно скорѣе захватить передки и бѣжать къ мельнику, тайкомъ торгующему водкой. И не прошло и получаса, какъ уже сидѣлъ Егоръ съ кузнецомъ въ кузнѣ, возлѣ маленькой жестяной лампочки, поставленной на горнъ, рядомъ съ бутылкой и горшочкомъ холодной пшенной каши, за оживленной бесѣдой о томъ, можно ли, питаясь одной рѣдькой, попасть во святыя, можно ли заохолодить свое тѣло, чтобы не тлѣло оно послѣ смерти. . .

А во второмъ часу ночи, при заходящемъ за тускло блестящими хлѣбами мѣсяцѣ, Егоръ, шатаясь и размахивая руками, быстро входилъ въ Ланское. Точно упругія волны несли теперь его тѣло. Роса серебрилась по мокрому, пахучимъ, густымъ цвѣтамъ и травамъ. Сильнѣй всего пахло любимымъ растеніемъ Егора — полынью. Длинно темнѣли тѣни отъ кустарниковъ, блестящихъ верхушками подъ опускающимся къ югу мѣсяцемъ. И полосы свѣта и тѣней среди нихъ создавали что-то сказочное для пьяныхъ глазъ, сказочно-свѣтла была далекая даль за кустарниками, за полями, надъ которыми уже дрожала въ серебристой прозрачности большая, розово-золотая звѣзда. Шурша по росистымъ лопухамъ и напѣвая, смѣло подошелъ Егоръ къ двери, дернулъ за скобку — и остановился

на порогѣ своей крохотной, чуть свѣтлой избы. Мертвое молчаніе стлыо во всемъ мірѣ въ этотъ предразсвѣтный часъ. Мертвое молчаніе наполняло и караулку. И въ этомъ молчаніи, въ сонномъ полусвѣтѣ, недвижно чернѣло что-то на лавкѣ подъ святыми. И, приглядѣвшись, Егоръ вдругъ закричалъ такимъ страшнымъ сильнымъ голосомъ, что съ шумомъ высочила изъ лопуховъ старая черная-сѣдая собака...

III

Гурьевъ подарилъ на похороны красную бумажку. Все было справлено честь честью — хоть бы и не Анисьѣ впору.

Медленно, съ большими промежутками, зачинаясь звонко, жалобно и все строже, падали звуки съ колокольни. Паденіе это внезапно, нестройно обрывалось терціей баса и альты. И наступало долгое молчаніе: слышалось только, — изъ-за ракитъ по дорогѣ въ Ланское, — протяжное, все приближающееся церковное пѣніе: на дорогѣ встрѣтили попъ и дьяконъ тельгу, въ которой везли Анисью изъ Ланского. Со двора усадьбы и по улицѣ надъ косогоромъ бѣжали на выгонъ бабы. Съ ребенкомъ на рукахъ, спотыкаясь, спѣшила Марья. Стояли на порогѣ мельникъ безъ шапки и мельничиха. Дулъ западный вѣтеръ, а изъ-за рѣчки опять заходила, опять тускло синѣла дождевая туча.

Слегка поката дорога между ракитами на выѣздѣ изъ Гурьева. И небольшая толпа, предводительствуемая кузнецомъ въ черной тяжелой поддевкѣ, который

несъ на головѣ длинную крышку гроба и на ходу мрачно пѣлъ, издали казалась высокою, вырисовываясь на облачномъ небѣ. Бѣлъ колени, что накинута была на крышку, и развѣвался по вѣтру. Шли съ ноги на ногу, но уже можно было различить, что эти темныя фигуры со спутанными отъ вѣтра волосами тащатъ на полотенцахъ длинный ящикъ, черный, съ оранжевымъ ободкомъ по краямъ. Внушительно раздавались голоса попа и дьякона. Какъ всегда, медлили въ пути, останавливались, махали кадиломъ и, пугая самихъ себя словами, повторяли одно и то же — то зловѣще, то съ покорностью. Все дѣлалось такъ, чтобы выходило торжественно и грозно. А та, для кого это дѣлалось, и теперь была такъ же смиренна, проста, какъ и при жизни. Темна и суха была она; маленькой стала ея высохшая головка, покрытая новымъ чернымъ платочкомъ. На груди ея желтѣлъ деревянный образокъ. Парча покрывала до половины мелкій черный ящикъ, гдѣ она покоилась, — парча, знакъ царственности. И парча эта была такъ ветха, такъ грязна и дырява: Боже, сколькихъ уже покрыла она! Дьяконъ гурьевскій, сѣро-сѣдой человекъ, тревожно думающій лишь о пасѣкѣ своей, всѣмъ своимъ гнутымъ станомъ и короткимъ, но широкимъ лицомъ похожъ на звѣря. Желтоволосый попъ, слабосильный, слабовольный, всегда выпивши, шепелявить. Ризы, епитрахили ихъ такъ истрепаны, что серебряное шитье, подола, калоши — все въ полномъ соотвѣтствіи съ грязными или пыльными дорогами, съ телѣгами и мелкой, навозной соломой въ телѣгахъ.

И на выгонѣ, гдѣ паслось барское стадо, попъ не выдержалъ торжественности: началъ спѣшить, бор-

мотать, поглядывать на барскаго быка: быкъ этотъ брухается, закаталъ недавно пастушонка. Поглядывалъ попъ и на сторожку у церковной ограды: на крыльцѣ сторожки стояла плетушка, обвязанная скатертью, а въ плетушкѣ той были «поповскіе харчи:» ситные пироги, жареная курица, бутылка водки — то, что полагается причту за похороны, помимо денегъ. И торопливо повелъ попъ тѣснившуюся толпу въ церковныя ворота. Вътеръ развѣвалъ тонкіе русые волосы, шеи несущихъ гробъ были красны, натерты полотенцами, лица озабочены. Больше же всѣхъ старался казаться озабоченнымъ Егоръ, шедшій съ полотенцемъ черезъ плечо въ возглавіи гроба.

А въ церкви всѣ немного оробѣли. Притихли — и слышалось только шарканье, топоть: осторожно опускали гробъ на полъ. Высвобождая изъ-подъ рясы мягкія, трясущіяся, маленькія руки, роздалъ попъ короткія, тонкія свѣчи, дробя ярко и золотисто пылающій пукъ ихъ. И, раздавъ, громко и привычно возгласилъ. И замелькали сложенные въ щепотки пальцы, кланяющіяся и встряхивающіяся головы. Крѣпко крестились старухи, воздѣвая глаза къ иконостасу. Блистали разсѣянные по толпѣ огоньки, возносилось, гремѣло кадило. Кадили, обходя большими шагами гробъ, кланялись Анисьѣ, быстро говорили на торжественномъ языкѣ, давно забытомъ ея нищей родиной, нестройно и притворно-смиренно пѣли, выражая умиленіе, что равна теперь она царямъ и владыкамъ, выражая надежду, что успокоится она со духи праведныхъ. Но уже не слыхала Анисья этихъ утѣшеній. Ни кровинки не было въ ея побѣлѣвшемъ, голубоватомъ лицѣ. Закрылось лиловое вѣко ея праваго глаза, запеклись,

слиплись и подсохли тонкія губы. И ледяной лобъ ея уже былъ увѣнчанъ вѣнцомъ высшей славы — золоченой бумажкой. И въ сизо-восковой, прозрачной рукѣ ея, въ скрюченныхъ пальцахъ, подъ ногтями которыхъ точками темнѣла мертвая кровь, уже торчалъ отпускъ — съ лица земли. . .

Егоръ, глядя въ гробъ, крестился размахисто и часто. Онъ игралъ ту роль, что полагалась ему у гроба матери. Онъ моргалъ, будто готовый заплакать, кланялся низко, наклоня капающую свѣчку, крѣпко зажатую въ его култышкѣ. Но далеко были его мысли и, какъ всегда, въ два ряда шли онѣ. Смутно думалъ онъ о томъ, что вотъ жизнь его переломилась — началась какая-то иная, теперь уже совсѣмъ свободная. Думалъ и о томъ, какъ будетъ онъ обѣдать на могилѣ — не спѣша и съ толкомъ. . .

Такъ и сдѣлалъ онъ, засыпавъ мать землею: ѣлъ и пилъ до отвалу. А подъ вечеръ, тутъ же, у могилы, плясалъ, всѣмъ на потѣху, — нелѣпо вывертывалъ лапти, бросалъ картузь на земь и кихикалъ, ломалъ дурака; и напился такъ жестоко, что чуть не скончался: даже оттирали уши ему. Пилъ онъ и на другой день и на третій. . . Потомъ снова наступили въ жизни его будни.

Эти будни были уже не тѣ, что прежде. Постарѣлъ онъ и поддался — въ одинъ мѣсяць. И много помогло тому чувство какой-то странной свободы и одиночества, вошедшее въ него послѣ смерти матери. Пока жива была она, моложе казался онъ самъ себѣ, чѣмъ-то еще связанъ былъ, кого-то имѣлъ за спиной. Умерла мать — онъ изъ сына Анисьи сталъ просто Егоромъ. И земля — вся земля — какъ будто опустѣла.

И безъ словъ сказалъ ему кто-то: ну, такъ какъ же, а?

Онъ не думалъ объ этомъ вопросѣ, — только чувствовалъ его. И ничего особеннаго не замѣтили на лицѣ его тѣ мальчишки изъ Пажени, съ которыми ночевалъ онъ въ ночномъ подѣ четвертый день августа, верстахъ въ трехъ отъ Пажени, у откоса желѣзной дороги. Онъ только внезапно проснулся на разсвѣтѣ и вдругъ сѣлъ, поблѣднѣвъ.

— Что ты, дядя Егоръ? — испуганно крикнулъ мальчишка, лежавшій съ нимъ рядомъ.

Егоръ блѣдный, слабо улыбнулся.

— Такъ... померещилось, — пробормоталъ онъ. — Вотъ исторія-то... Сидитъ будто — и лупится...

И опять прилегъ.

Было еще рано. Шель туманный, предосенній дождь надъ опустѣвшими полями. Егоръ лежалъ, прикрывшись полушубкомъ, курилъ и, кашляя, медленно рассказывалъ проснувшимся мальчишкамъ, какъ онъ, не боясь никакихъ судовъ, бросилъ свое мѣсто, ушелъ изъ Ланского. Рассказывая, онъ къ каждому слову прибавлялъ матерное слово. А рассказавъ, сталъ прислушиваться къ приближающемуся шуму товарнаго поѣзда. Шумъ росъ и близился все грознѣе и поспѣшнѣй. Егоръ спокойно слушалъ. И вдругъ сорвался съ мѣста, вскочилъ наверхъ, по откосу, вскинувъ рванный полушубокъ на голову, и плечомъ метнулся подѣ громаду паровоза. Паровозъ толкнулъ его легонько въ щеку. И Егоръ волчкомъ перевернулся, головой полетѣлъ на насыпь, а ногами на рельсы. И, когда, потрясши землю, оглушая, пронесся поѣздъ, увидали мальчишки, что барахтается, бьется возлѣ рельсовъ что-то

ужасающее. Въ песокъ билось то, что́ было за мгнове-
нне передъ тѣмъ Егоромъ, билось, поливая песокъ
кровью, вскидывая кверху два толстыхъ обрубка —
двѣ ноги, ужасающихъ своей короткостью. Двѣ дру-
гихъ ноги, опутанныхъ окровавленными онучами, въ
лаптяхъ, лежали на шпалахъ. А по пустому, осеннему
полю, въ туманѣ мелкаго дождя, уже тревожно кри-
чалъ подъ-вѣтеръ, къ слѣдующей будкѣ, мѣдный ро-
жокъ выскочившаго изъ ближней будки сторожа...

Такъ разнo кончили свои дни хозяйка и хозяинъ
«веселаго» двора въ Пажени.

Капри. XII. 1911.

ИГНАТЬ

I

Любка вторую зиму жила на барскомъ дворѣ въ Извалахъ, у господъ Паниныхъ, когда нанялся къ нимъ въ пастухи Игнатъ.

Ему шелъ двадцать первый годъ, ей двадцатый. Онъ былъ изъ бѣднаго дома въ Чесменкѣ, одной изъ деревень, составляющихъ Извалы, она изъ такого же въ Шатиловѣ, что неподалеку отъ Извалъ. Но говорили, что она «полукровка», незаконная дочь шатиловскаго барина. Да и выросла она при господахъ. И поэтому, чѣмъ болѣе волновала пастуха ея красота, чѣмъ болѣе думалъ онъ о горничной, тѣмъ болѣе робѣлъ. А чѣмъ болѣе робѣлъ, тѣмъ чаще думалъ, тѣмъ сумрачнѣе и молчаливѣе становился.

Въ черныхъ блестящихъ глазахъ Любки была какая-то ясность, откровенность. Ловко и спокойно кра-ла она одеколонъ и мыло у барыни, сѣдой вдовы, курившей тонкія душистыя папиросы. Иногда была она жива, наивна и казалась моложе своихъ лѣтъ, иногда — старше, все испытавшей женщиной. Да и груди были у нея какъ у женщины. Ее лѣтъ четырнадцать изнасиловалъ старикъ Зыбинъ, шатиловскій земскій начальникъ; и теперь она позволяла барчукамъ Пани-

нымъ очень многое, не боясь увлечься. А для Игната, еще не знавшаго женщинъ, отношенія между мужчинами и женщинами становились все страшнѣе и желаннѣе. Непроше, скрытнѣе его не было малаго во всѣхъ Извалахъ. Даже ѣдучи на розвальняхъ на гумно, за колосомъ для скотины, никогда не отвѣчалъ онъ прямо и сразу на вопросъ: куда ѣдешь? Избѣгая взгляда Любки, не поднимая угрюмыхъ глазъ, стыдясь своихъ лаптей, шапки и ошмыганнаго полушубка, онъ исподлобья слѣдилъ за ней, и спокойное безстыдство ея, смутно имъ понимаемое, было для него и жутко и плѣнительно.

Усилили его любовь и барчуки.

Барчуки, — уже лѣжившійся на Кавказѣ офицеръ Алексѣй Кузьмичъ и Николай, все переходившій изъ одного учебнаго заведенія въ другое, — пріѣзжали зимой только на большіе праздники. Въ этомъ году на масленицу пріѣхалъ сперва младшій. И Любка была особенно оживлена, видъ имѣла особенно откровенный, не будучи, впрочемъ, откровенной ни съ кѣмъ. Такъ и сіяли ея неподвижные глаза, когда она, черно-волосая, крѣпкая, съ сизымъ румянцемъ на смуглыхъ щекахъ, въ зеленомъ шерстяномъ платьѣ, во весь духъ работая локтями и шурша бѣлымъ подкрахмаленнымъ передникомъ, носилась то за тѣмъ, то за другимъ отъ людской къ дому и отъ дома къ людской, по темнѣющей среди снѣжнаго двора тропинкѣ. И за масленицу, за эти сѣрые дни, слегка туманившіе, дѣлавшіе тусклыми сосны и ели въ палисадникѣ, слегка кружившіе голову своимъ тепломъ и праздничнымъ чадомъ изъ трубы, Игнату не разъ приходилось наткаться на игру барчуковъ съ Любкой.

Какъ-то въ сумерки онъ видѣлъ: она выскочила изъ дома съ злымъ, раскраснѣвшимъ лицомъ и растрепанными волосами. За ней, смѣясь и что-то крича, выбѣжала на крыльцо, на тающій снѣгъ, Николай Кузьмичъ, приземистый, большеголовый, съ тупымъ и властнымъ профилемъ, въ косовороткѣ изъ бѣлаго ластика и лакированныхъ сапогахъ. А вечеромъ Любка, веселая, запыхавшаяся, столкнулась въ темныхъ сѣняхъ людской съ Игнатомъ.

— Разорвалъ баску и цѣлый пузырь персидской сирени подарилъ, — неожиданно и быстро сказала она, задерживая бѣгъ. — Понюхай-ка.

И черезъ мгновеніе исчезла, а Игнатъ долго простоялъ на одномъ мѣстѣ, тупо глядя въ темноту; пахло кухней, предвесенней свѣжестью, собаками, глаза которыхъ парными красноватыми изумрудами горѣли, двигались передъ нимъ, онъ же слышалъ только дурманящій, сладкій запахъ духовъ и еще болѣе дурманящій запахъ волосъ, гвоздичной помады, шерстяного платья, пропотѣвшаго подъ мышками. . .

Пріѣхалъ офицеръ: худой, съ карими острыми глазами, съ длиннымъ блѣдно-сѣрымъ лицомъ въ лиловыхъ, припудренныхъ прыщахъ. Тяжело, вся сотрясаясь, выбѣжала на крыльцо молочно-сѣрая барыня, подвитая, наряженная, въ туго стянутомъ корсетѣ, замахала бѣлымъ платочкомъ на звонъ тройки, выносившей сани изъ-подъ горы. У крыльца кучеръ осадилъ тройку, и офицеръ заговорилъ быстро, не заботясь о томъ, слушаютъ ли его; потомъ откинулъ полость саней размашисто, какъ у подвѣзда ресторана, на крыльцо взбѣжалъ, ловко и развязно притопывая раскоряченными, очень тонкими ногами въ легкихъ, малень-

кихъ и блестящихъ сапожкахъ, звеня серебрянными шпорами и дергая, поправляя приподнятыми плечами широкую николаевскую шинель съ бобровымъ стоячимъ воротникомъ. Былъ канунъ прощенаго дня. Масленица выпала поздняя, и порой казалось, что совсѣмъ одолеваетъ зиму весна. Съ утра грѣло солнце, сіяло голубое небо, сіяли его отсвѣты на снѣгу, капали капли. Но послѣ полдня стало хмуро, пронзительно-сыро, затуманившійся, тускло посинѣвшій палисадникъ упруго зазвенѣлъ, заплѣлъ въ дремотѣ. Не обращая вниманія на сырость и вѣтеръ, Любка въ одномъ платьѣ таскала изъ троечныхъ саней какіе-то кульки. И пастухъ слѣдилъ за ней, за тѣмъ, какъ наклонялась она.

Онъ стоялъ на широкомъ грязномъ крыльцѣ людской, пропахнувшей блиннымъ чадомъ. Крупныя хлопья снѣга падали и мгновенно таяли передъ крыльцомъ въ огромной лужѣ, по которой важно ходили только-что прилетѣвшіе грачи. Работникъ и кухарка, подоткнутая, въ сапогахъ, вытащили большую лохань, продѣвъ въ ея ушки палку. Въ лохани дымилась густая желтая овсянка. Борзая стаей кинулись къ ней и, дрожа, горбясь, пропуская между ногъ судорожно изогнутые, тугіе хвосты, стали пожирать ее. Кухаркинъ мальчишка, въ красной, праздничной рубашкѣ, ворочалъ овсянку лопатой и билъ то ту, то другую глухо рычавшую собаку. Уже были по двору лысины — чернѣла кое-гдѣ земля. Вытаскивая изъ лохани испачканныя желтой гущей морды, собаки катались, терлись по землѣ, потомъ гурьбой потянулись черезъ дворъ къ саду за домомъ. Рядомъ съ красавицей Стрѣлкой, черноглазой борзой въ атласной бѣлой шерсти, шель большой

рыжій кобель, дворовый, и, яростно скаля зубы, рыча, захлебываясь, не подпускалъ къ ней никого изъ борзыхъ. Томимый вождельніемъ, Игнатъ двинулся за собаками. Но въ аллеѣ онъ свернули, побѣжали по сѣрому насту подъ кривыми вѣтвистыми яблонями куда-то въ сторону. Игнатъ вышелъ за садъ, въ сѣрое поле, на которое косо летѣли бѣлые хлопья, снялъ шапку и досталъ изъ разорваннаго ватнаго dna ея за-вѣтнѣй другивенный.

Мимо садоваго вала, по задворкамъ, онъ поплелся на деревню, чернѣвшую обтаявшими избами на косо-горѣ. Желтоватые, замасленные санями горбы сугробовъ, съ гладко втертымъ въ нихъ конскимъ навозомъ, и выбоины, полныя студеной вешней воды, тянулись между избами и пуньками. Игнатъ стукнулъ въ окошечко особенной черной и хилой избы, подъ стѣнкой которой, нахохлившись, дремали куры. Изнутри прильнуло къ окошечку старое, желтое лицо. Игнатъ показалъ двугривенный. И, надернувъ на босыя ноги старые валенки, съ головой накрывшись полушубкомъ, баба провела Игната черезъ дорогу въ холодную пахучую пуньку съ желѣзной дверкой и засунула въ подставленный глубокой карманъ его растянувшихся портокъ бутылку.

За пунькой, на скатѣ косогора, покрытомъ зернистымъ снѣгомъ, онъ постоялъ, думая о Любкѣ. Потомъ запрокинулъ голову и, не переводя духа, выпилъ все до капельки. И, пряча пустую посуду, почувствовалъ, что горячо, хорошо пошла отравка по всему его тѣлу. Онъ присѣлъ на корячки и сталъ ждать дурману; потомъ упалъ, хохоча, наслаждаясь тѣмъ, что пьянъ, и поползъ подъ гору, въ лужокъ.

Очнувшись, онъ долго не могъ понять, гдѣ онъ. Онъ сталъ маленькимъ, легкимъ — промерзъ весь, насквозь. Дулъ сырой вѣтеръ, смеркалось, снѣгъ уже не падалъ. Со страхомъ вспомнивъ, что еще не привезено въ домъ соломы, — домъ топили соломой, Игнатъ каждый вечеръ набивалъ ею заднія крыльца, — онъ вскочилъ и побѣжалъ черезъ деревню, потомъ черезъ садъ. Всѣ чувства его были обострены, вѣтеръ особенно волновалъ ихъ, — онъ былъ сладокъ, хотѣлось глотать его всей грудью. Игнатъ зналъ, что забылъ веревку на заднемъ крыльцѣ, и, запыхавшись, шлепая лаптями по мокрому снѣгу, повернулъ изъ аллеи прямо къ нему. Въ сумракѣ подъ навѣсомъ крыльца стоялъ кто-то, прижималъ кого-то къ стѣнѣ и на шаги Игната повернулъ голову.

— Чего тебѣ? — крикнулъ онъ.

Это былъ офицеръ, его голосъ, его длинное блѣдное лицо, бобрикомъ стриженная, узкая и длинная къ затылку голова. За два пальца офицера, не пуская его руку, держала прижатая къ стѣнѣ Любка. Игнатъ, не сводя глазъ съ ея слабо бѣлѣвшаго въ сумракѣ передника отошелъ; постоялъ — и медленно побрелъ по двору, опять чувствуя нитъе въ животѣ, тоску въ предплечьяхъ, въ ослабѣвшихъ ногахъ. Сумрачными, смутными клубами нависали надъ садомъ дождевыя облака. Дулъ на лужи сильный западный вѣтеръ — и была въ немъ пьянящая влажность, сила ранней весны, одолавающей зиму.

А на другой день одолала зима, еще гуще валилъ снѣгъ, къ вечеру поля потерялись въ туманѣ вьюги. Барыня уѣхала къ сосѣдкѣ. Офицеръ, звеня шпорами, вышелъ на крыльцо, закричалъ черезъ дворъ, чтобы

запрягали въ бѣгунки Королька, и, наклонясь къ сидѣвшимъ на крыльцѣ собакамъ, на спинахъ и лбахъ которыхъ снѣгъ лежалъ толстымъ слоемъ, сталъ сладострастно трясти то ту, то другую за ушами и сквозь зубы приговаривать: «а-а та, та, та, та!» Любка обошла его съ блюдомъ жареной наваги, понесла блюдо въ людскую. Онъ покосился и забормоталъ еще сладострастно:

— А-а, собаки, собакаки, собачики!

Быль прощенный день. Изъ-подъ горы, съ рѣки, глухо доносились сквозь шумъ темнѣвшей вьюги пьяные голоса, пѣсни, громыханіе бубенчиковъ, звонъ колокольцовъ: лавочникъ, сапожникъ, урядникъ, мужики — всѣ катались со своими гостями, съ барышнями, дѣвками, сватами. Было и хорошо и тоскливо, чувствовался и самый развалъ и конецъ праздника. Когда Королька запрягли, офицеръ, въ сѣрой ловкой шинелькѣ и папахѣ, вытащилъ на крыльцо хохочущую, счастливую, нарумяненную Любку. На ней была шубка съ воротникомъ изъ орѣховаго мѣха, зеленое платье свое она подобрала, подоткнула. Голова ея была закутана сѣрой шалью, она гнула голову, смѣясь, упираясь, сходя съ крыльца мелкими, тупыми шагками. Игнатъ, подавъ золотисто-рыжаго жеребчика, держалъ его подъ уздцы, и жеребчикъ зло и умно косилъ большимъ блестяще-лиловымъ яблокомъ на офицера, на его шелковый шарфикъ, краснѣвшій изъ ворота шинели, вокругъ тонкой шеи, покрытой зажившими, стянувшимися слѣдами прыщей. А Игнатъ все глядѣлъ на бѣлый подолъ Любки, на ея грубые полсапожки, намазанные саломъ, къ которому не прилипалъ мокрый снѣгъ...

Потомъ онъ тащился на розвальняхъ къ гумну, билъ веревочной возжой нескладно-жостляваго мерина. И Королекъ, екая и злясь, стучая ледяными глудками въ передокъ, фыркая отъ свѣжаго снѣга, летѣвшаго ему навстрѣчу, въ горячія ноздри, обогналъ, обдалъ дыханіемъ и сталъ пропадать вмѣстѣ съ бѣгунками въ дыму вьюги, весело и сумрачно разыгравшейся въ мутно-сизомъ полѣ. Снѣгъ хлопьями валилъ на сытую спину Королька, на папаху, на погоны, на блестящій сапожокъ со шпорой, крѣпко поставленный на желѣзный отводъ. Лѣвой рукой въ замшевой перчаткѣ держалъ офицеръ голубыя вожжи. Другой захватилъ голову въ сѣрой шали и припалъ къ ней папачкой. . .

И твердо рѣшилъ Игнатъ промѣнять работнику Яшкѣ свою гармонію, единственное свое богатство, на старые сапоги. Навозивъ соломы, онъ не пошелъ на улицу, къ толпѣ, что сбилась и смутно темнѣла среди ночной вьюги подъ застрѣхой крайней избы, на выгонѣ передъ церковью. Тамъ ловко и бѣшено перебивали другъ друга гармоніи, заглушаемыя пѣснями и вѣтромъ, кружились въ дыму поземки, носились, какъ вѣдьмы, пляшущія дѣвки. Но Игнатъ, утопая въ снѣгу, пробрался черезъ выгонъ къ ярко освѣщенному дому лавочника и часа два не спускалъ глазъ съ залпленныхъ снѣгомъ оконъ, за которыми мелькали тѣни танцующихъ.

II

Великій постъ былъ сѣрый, однообразный.

День за днемъ дулъ жесткій вѣтеръ, блѣдно бѣлѣли поля, тускло синѣли, скучно напѣвали сосны и ели въ

палисадникѣ, слишкомъ рано прилетѣвшіе грачи куда-то скрылись. Офицеръ давно уѣхалъ. Но Николай Кузьмичъ зажился. Разъ подѣхалъ Игнатъ на розвальняхъ къ заднему крыльцу дома. Розвальни зашуршали висящей съ нихъ старновкой по ступенькамъ крыльца, и барчукъ, игравшій съ Любкой, смѣясь, поднялся съ соломы. Любка, поправляя волосы, глядѣла спокойно.

— Вотъ вы такъ-то играете, — сказала она, — а по селу пойдутъ брехать. . . Хоть бы ты, Игнатъ, меня замужъ взялъ, — прибавила она, вставая.

Игнатъ покраснѣлъ и насупился. Ни малѣйшаго значенія не придавъ онъ ея словамъ, но съ этого дня шевельнулась и стала расти въ немъ ревность, злоба. Жуя черный хлѣбъ, косясь на домъ, съ завистью чувствуя его внутреннюю жизнь, онъ проѣзжалъ на розвальняхъ по аллеѣ, выѣзжалъ на гумно. Собаки пѣгой стаей, трясаясь, бѣжали за нимъ. Въ остаткахъ ометовъ возились и пищали мыши. Собаки рыли солому, приноживались, настораживались, еще яростнѣе рвали ее когтями, дрожа и скуля, и вдругъ, подпрыгнувъ, кидались на добычу хищно и мѣтко. Женственно красивую, съ маслянистыми черными глазами Стрѣлку Игнатъ заманивалъ въ ригу. Она вбѣгала, онъ припиралъ скрипучія ворота. Становилось жутко. Холодно пахло токомъ, тепло — ржанымъ колосомъ. Въ сумракъ огромнаго трехугольника, по застрѣхамъ, по рѣшетнику и переметамъ котораго сѣрѣла густая бархатная пыль лѣтней молотѣбы, пробивался въ длинную щель воротъ холодный, блѣдный свѣтъ. Вѣтеръ шуршалъ за ними, дулъ по току. . .

Въ ясный солнечный день на третьей недѣлѣ уѣхалъ

и Николай Кузьмичъ. Внезапно вернулась весна. Крыши варка, сарая за однѣ сутки обтаяли, старая, бурая солома ихъ золотилась противъ солнца, рѣзко отдѣлялась отъ голубого, умиляющаго душу неба. Выпустили плюшевыхъ обросшихъ за зиму жеребятъ и коровъ, они дремали, грѣлись на солнцѣ. Рѣзко, серебромъ сверкалъ сочащійся снѣгъ по двору. У параднаго крыльца, въ тѣни, возлѣ синей лужи, стояла тройка. Отражались на лужѣ и небо и бѣлый передникъ Любки. Вышелъ Николай Кузьмичъ въ накинутаю поверхъ поддевки енотовой шубѣ, вышла барыня. Долго прощались, долго, оборачиваясь, кричалъ что-то уѣзжавшій, когда тронулись и потянулись сани по ухабистой, текущей дрожащими ручейками дорогѣ, по выступившему, накопившемуся за зиму навозу, похожему на мокрый табакъ. Гдѣ блестяла вода по ухабамъ, лошади, тонконогія, съ подвязанными хвостами, взмахивали особенно щеголевато точно вычищенною сталью подковъ. На солнцѣ грѣло, много галокъ собралось на соснахъ и еляхъ палисадника, зазеленѣвшаго пышно и свѣжо. А въ тѣни чувствовался сѣверный рѣзкій вѣтерокъ. Стоя на парадномъ крыльцѣ, Любка озябла, щеки ея посизѣли. Сани скрылись подъ горой, она напѣвала задумчиво, чуть слышно «Мчится парочка вдвоемъ. . .» Потомъ встрепенулась, вбѣжала въ домъ — и немного погода выскочила на заднее крыльцо. Игнатъ, проходившій мимо, вдругъ повернулъ къ крыльцу. Она тупо, со страхомъ, не двигаясь, глядѣла на него. Игнатъ подошелъ вплотную и схватилъ ее за кисти. И оба смутились. И, какъ бы играя или пробуя силу, разводя сдѣвленными руками, не знали, что сказать. Вдругъ Любка нахмурилась.

— Пусти! — крикнула она. — Еще что за моду
взялъ!

И, вырвавъ руки, повернулась и хлопнула дверью.

Садъ казался особенно рѣдкимъ на серебрѣ снѣга, испещренномъ фіолетовыми тѣнями, аллея — веселой, широкой. И опять, нахмуренный, злой, Игнатъ пошелъ по ней на деревню, къ бабѣ шинкаркѣ. И опять очнулся передъ вечеромъ въ лужкѣ, насквозь промерзшій, изумленный. Усатыя ветлы, стояшія возлѣ него, золотились на блѣдно-голубомъ небѣ, за ними было солнце. Небо изъ-подъ горы казалось необъятно-огромнымъ и новымъ.

— Не пара она мнѣ, — твердо сказалъ Игнатъ, поднимаясь. — Пропалъ я.

Съ этого вечера онъ никогда не смотрѣлъ на домъ, проѣзжая мимо, не отвѣчалъ Любкѣ, если она заговаривала. Прошелъ постъ, прошла Святая. Снѣга уже нигдѣ, кромѣ овраговъ, не было, въ деревняхъ опушились легкой лимонной дымкой лозины; вокругъ деревень лилово чернѣли пашни, грѣло солнце, дрожало расплавленное стекло по горизонтамъ, пѣли жаворонки, сохли блекло-зеленоватыя межи, сѣрые пары, сѣдая полынь. Молодая пахучая травка чуть пробилась. Но Игнатъ уже давно ходилъ за стадомъ въ поля, къ милютинскому лѣску, еще голому, полному сухой дубовой листвы и подснѣжниковъ. Коровы дремали на припекѣ, у опушки. Бсть было нечего, онѣ ложились вздыхая, и галки садились на нихъ, дергали шерсть для гнѣздъ. Игнатъ навивалъ кнутъ, лѣниво посматривалъ въ солнечную даль, на дороги, гдѣ уже лежала пыль, радостно напоминавшая о лѣтѣ, и загоралъ отъ солнца, отъ апрѣльскаго суховѣя.

Когда были деньги, онъ былъ счастливъ. Въ полѣ, выбравъ мѣстечко посуше, онъ разстилалъ свой равный пиджакъ, ставилъ на него бутылку, вытаскивалъ изъ кармана хлѣбъ, заранѣ круто посоленный и отсырѣвшій, холодныя картошки. Вскорѣ голова его начинала кружиться. Солнечный южный горизонтъ за сѣрѣющими равнинами дрожалъ, тонко струился паръ, чуть синѣвшій на солнцѣ надъ спешимися кучами навоза, раскинутого по полю, коровы двоились и плыли. . . Странно, — онъ все-таки чего-то ждалъ! Хмельной, онъ чувствовалъ это, чувствовалъ, что связалась его жизнь съ жизнью Любки, на бѣду связалась! Что-то придется сдѣлать, чтобы покорить ее, чтобы стать равнымъ съ нею, чтобы вызвать ея любовь. Иначе, если онъ даже добьется своего, не будетъ она мужика любить. . . А весна требовала любви. Плывая, дрожа, опиралась на колѣни переднихъ ногъ, потомъ неуклюже поднимала задъ одна корова, другая, третья. . . Поднимался большой мышастый быкъ, широколобый, съ гладкимъ хвостомъ, на концѣ котораго висѣлъ шелковисто-волнистый мохоръ, тяжело бѣжалъ, мотая нитями стекловидныхъ слюней, — и вдругъ, весь наливаясь мощью, вставалъ на дыбы. . . У Игната заходило сердце. Онъ опрокидывался навзничь, на сухіе, черные шмоты навозной кучи. Онъ закрывалъ глаза, слезы выкатывались изъ-подъ его рѣсницъ, онъ не стиралъ слезъ, и мухи пили ихъ. . . Потомъ онъ крѣпко засыпалъ и спалъ до тѣхъ поръ, пока дошедшее до зенита солнца не начинало печь его голову и плечи. Пригнавъ стадо домой, онъ молча обѣдалъ въ людской и уходилъ спать въ каретный сарай, гдѣ у каменной стѣны была сбита изъ колевъ высокая кровать, покры-

тая соломой и клоками попоны. Послѣ сна онѣ бывалъ золь и, выгоняя стадо, такѣ дралъ коровѣ своимѣ длиннымѣ хлопающимѣ кнутомѣ, что на бокахѣ ихѣ вздувались рубцы.

Однажды, въ маѣ, когда лѣсокѣ уже густо опушился темной зеленью, заросѣ цвѣтами и травами, когда рано утромѣ уже по-лѣтнему было жарко на солнечныхѣ полянахѣ, а въ росистой тѣни свѣжо и таились ландыши, увидалѣ онѣ, пригнавѣ стадо на парѣ, сидящую у опушки бабу. Это была нищая, дурочка Юона. Положивѣ возлѣ себя мѣшокѣ и палку, она сидѣла, слегка раскрывѣ ротѣ, вся въ лохмотьяхѣ, съ мокрымѣ подоломѣ, съ блестящими глазами на опухшемѣ лицѣ. Она была слегка пьяна. Когда Игнатѣ подошелѣ, она съ гоготомѣ, сдержанно-страстнымѣ, повалилась навзничѣ, выставила колѣни и стала тереть большими лаптями по росистой травѣ. Въ мѣшкѣ ея были крендели, водка. И, выпивѣ, Игнатѣ не совладѣлъ съ собой. . .

Съ этихѣ порѣ дурочка стала приходиться къ нему чуть не каждый день. До солнца, по холодной крупной росѣ онѣ выгонялѣ стадо. Въ полдень напивался. Теперь шли уже на его деньги. Онѣ забралѣ жалованье за мѣсяцѣ впередѣ. Но и его деньги наконецѣ изсякли. И дурочка стала зла, нахальна, требовательна, дурочкой уже не притворялась. Когда онѣ являлся безѣ водки, она отказывала ему, морила его по недѣлѣ. И разѣ даже крѣпко и ловко ударила его по головѣ палкой. Онѣ поднялся и пошелѣ прочѣ, странно, неумѣло рыдая. А заплакавшись, сѣлъ на межу и тупо сталѣ думать все о томѣ же, о чемѣ онѣ думалѣ теперь безпрестанно:

гдѣ бы достать денегъ? Но достать было негдѣ, украсть — тоже. Сапоги онъ пропилъ.

Вся дворня знала его исторію, за объѣдомъ и ужиномъ надъ нимъ часто хохотали. Онъ багровѣлъ и молчалъ. Что было бы, будь Любка при этомъ? Но, на счастье его, барчуки не прѣзжали, слышно было, что Николай Кузьмичъ у товарища подъ Харьковомъ, офицеръ — на маневрахъ подъ Смоленскомъ. А барыня уѣхала на шесть недѣль въ Липецкъ и увезла съ собой Любку. Въ усадьбѣ было тихо и скучно. Да и дурочка стала являться все рѣже и рѣже — шаталась по ярмаркамъ. И вотъ лѣто пошло уже къ концу — жаркое, длинное. Обмелѣла рѣчка, до-черна выглодала скотина корма, хлѣба поспѣли, пересохла и сыпались. Пошли косить ихъ, — былъ уже конецъ іюля.

Въ концѣ іюля, возвращаясь однажды на закатѣ со стадомъ въ село, Игнатъ встрѣтился съ дурочкой. Она остановилась и показала на лѣсокъ.

— Какъ отдѣлаюсь, такъ приду, — сказалъ онъ, не поднимая глазъ.

Но какъ итти безъ водки? Въ уныніи стоялъ онъ у воротъ усадьбы, смотрѣлъ на закатъ. По дорогѣ, наискось пролегавшей по горѣ, ѣхали съ косьбы и вязки мужики и бабы на пыльныхъ телѣгахъ; изъ телѣгъ торчали перевясла, косы и грабли. Малиновое, безъ лучей, солнце сѣло огромнымъ кругомъ въ сизую сухую муть за рѣкой, за полями, уже покрытыми звеньями копенъ. Игнатъ вышелъ изъ воротъ, повернулъ на выгонъ, потомъ, мимо сада, къ гумну. Впереди его мелко перебирала босыми ножками по пыли очень грязная и кудрявая дѣвочка. Перегнувшись налѣво,

она правой рукой тащила дегтярницу, облитую красно-коричневымъ дегтемъ. Игнатъ ускорилъ шагъ, догнавъ ее, оглянулся — и схватилъ ее лѣвый кулачекъ, въ которомъ были зажаты деньги. Глаза ея стали круглыми отъ ужаса, личико исказилось, она заголосила и, съ силой звѣрка, стиснула кулачекъ. Игнатъ схватилъ ее за горло и повалилъ на дорогу. Дѣвочка захрипѣла и распустила пальчики. Игнатъ выгребъ изъ ея ладони деньги — тридцать копеекъ.

Купивъ водки, онъ пошелъ прямо къ лѣсу. Справа было жнивье, чуть бѣлѣющее въ сумракѣ поле, покрытое копнами. Слѣва, съ тускло чернѣющихъ пашень, съ равнины, дулъ теплый вѣтеръ. Впереди надъ темной каймой лѣса, поднимался большой красный Марсъ. И пастухъ остановился. Онъ вдругъ вспомнилъ, что нынче должна пріѣхать барыня, что за нею послали тройку и подводу для вещей. И тотчасъ же, задержавъ дыханіе, услыхалъ далекій звонъ колокольчиковъ.

Казалось ему лѣтомъ, что минуетъ его то неизбежное, чтó должно быть. Но теперь онъ почувствовалъ, что нѣтъ, не бывать тому — не минуетъ. Оно уже близилось, росло, надвигалось. . . И, постоявъ, онъ двинулся впередъ.

У перекрестка его оглушила звономъ, топотомъ копытъ и обдала пылью тройка. Онъ, сойдя съ дороги, пропустилъ ее и опять пошелъ. Вдали слышался глухой грохотъ телѣги. Онъ дѣлался все явственнѣй. И черезъ минуту увидѣлъ Игнатъ на тускломъ звѣздномъ небѣ дугу, лошадь, а за лошадью — сидящую въ телѣгѣ Любку. Она была лошадь вожжами и тряслась, прыгала, неслась прямо на него.

— Садись, подвезу! — крикнула она весело, сразу признавъ его въ сумракѣ.

Онъ повернулся, догналъ нагруженую чемоданами телѣгу, на бѣгу бокомъ вскочилъ на грядку. . .

Что говорила Любка, онъ не запомнилъ. Запомнилъ только первыя, ударившія его по сердцу слова, которыя она звонко и ласково выкрикула сквозь грохотъ телѣги:

— Что жъ, очень соскучился по мнѣ?

Запомнилъ только тотъ моментъ, когда онъ вдругъ схватилъ вожжи и, осадивъ лошадь, перекинулъ ноги въ телѣгу.

— Постой, — шопотомъ сказала Любка, но такъ просто, точно они жили уже много лѣтъ, и отъ этой простоты у него еще больше помутилось въ головѣ: — постой, юбку изомнешь. . . Дай хоть поправитъ-то. . .

III

Прошло четыре года. Стоялъ декабрь. Игнатъ отбывъ солдатчину, возвращался изъ города Василькова на родину.

Съ женой онъ жилъ всего три мѣсяца. Вскорѣ послѣ той юльской ночи, въ которую такъ неожиданно переломилась его судьба, Любка почувствовала себя беременной — и никогда не покидала его злая мысль, что только поэтому вышла она за него. Она говорила, что любить его, устроила его отца, больного старика, на барскомъ дворѣ скотникомъ; одѣла и снарядила его въ дорогу, провожала со слезами. Онъ жестоко избилъ

ее, гуляя, куражась рекрутомъ, вымещая барчуковъ. Она отъ побоевъ даже скинула, но перенесла ихъ какъ должное. Когда его угнали въ Васильковъ, она часто посылала ему вмѣстѣ съ письмами деньги, письма писала ласковыя, обращаясь къ нему на вы. Но онъ не вѣрилъ ни единому слову ея, жилъ въ тоскѣ, въ непрестанной мукѣ, въ ревности, въ изобрѣтеніи самыхъ жестокихъ наказаній за предполагаемыя измѣны.

Бдучи на побывку два года тому назадъ, онъ всю дорогу думалъ, что убьетъ ее, ежели узнаеть что плохое. Пріѣхавъ и наведя справки на своей станціи, онъ узналъ, что Любка не отказывала только лѣнивому. Но она встрѣтила его такъ радостно, разувѣрила въ слухахъ такъ искренно и просто, что у него руки опустились. А чтобы и совсѣмъ успокоить его, заявила, что бросаетъ мѣсто на барскомъ дворѣ и переселяется въ избу, — будетъ ждать его дома, будетъ шить на машинкѣ и тѣмъ кормиться. И онъ уѣхалъ унылый и сбитый съ толку. Унылъ, молчаливъ былъ онъ и на службѣ, но исполнительенъ, исправенъ и бережливъ: копилъ деньги, взятки съ молодыхъ солдатъ. Все еще жила въ немъ надежда сравняться съ Любкой, стать достойнымъ ея настоящей, а не притворной любви. Но вдругъ письма отъ нея перестали приходять. Онъ писалъ чуть не каждую недѣлю — отвѣта не было. Онъ грозилъ, молилъ — она молчала. Онъ опять сталъ пьянствовать — и отупѣлъ, измучился.

Все же, отслуживъ свой срокъ, онъ ѣхалъ въ Извалы.

Онъ очень измѣнился. Теперь онъ былъ сухъ, довольно высокъ и ладенъ. Оловянные глаза его стали больше, лицо посѣрѣло и казалось еще худше отъ бле-

стоящихъ послѣ бритья маслаковъ около оттопыренныхъ круглыхъ ушей. Красноватые усы онъ стригъ щеткой, голову — бобрикомъ, и кожа просвѣчивала въ его короткихъ стальныхъ волосахъ. Отъ Кіева до Орла онъ неподвижно сидѣлъ въ вагонѣ возлѣ своего грубо раздѣланнаго подъ орѣхъ сундучка съ привязанными къ нему сапогами и чайникомъ, не снималъ ни фуражки, ни грубой сѣро-рыжей шинели, натиравшей шею, смотрѣлъ въ полъ и грызъ подсолнухи. Отъ Орла онъ сталъ тревожиться, выходить на станціяхъ къ буфету. На вокзалѣ въ своемъ городѣ онъ неожиданно встрѣтился съ бывшимъ товарищемъ по службѣ, выпилъ, оставилъ сундучокъ у сторожа, и товарищъ вывелъ его на вокзальное крыльцо, нанялъ извозчика-старика, и старикъ во весь духъ треногой кобылы помчалъ ихъ, возбужденныхъ, курившихъ папиросу за папиросой, въ городъ. Проѣхали они прямо въ слободу — и тамъ Игнатъ почти сутки не разставался съ маленькой, коротконогой, пожилой, съ черными сухими волосами и сильно напудренной брюнеткой, курившей еще жаднѣе его. Очнулся же онъ въ полѣ, возлѣ слободы — и съ трудомъ вспомнилъ, что его тяжко били, выталкивая. Былъ мягкій бѣлый день, шелъ снѣжокъ и застревалъ въ складкахъ его шинели. Онъ всталъ, шатаясь, чувствуя себя больнымъ, точно отравленнымъ. ..

Ѣхать до Изваль пришлось въ вагонѣ товарнаго поѣзда, вмѣстѣ съ сидящими отъ жира на задахъ заводскими свиньями. Свиней везли богатому помѣщику на племя, провожалъ ихъ дряхлый садовникъ помѣщика, чистый и тихій, бывший дворовый. Но, кромѣ него, Игната и свиней, ѣхалъ въ товарномъ вагонѣ еще

еврей, сѣро-сѣдой, кудрявый, большеголовый и бородатый, въ очкахъ, въ полуцилиндрѣ, въ длинномъ, до пять, пальто, мѣстами еще синемъ, а мѣстами уже голубомъ, съ очень низкими карманами. Онъ все время молчалъ, былъ задумчиво-озабоченъ, ниль какой-то напѣвъ и пилъ чай. Садовникъ дремалъ. Свиньи сидѣли на задахъ въ деревянной загородкѣ, покрытыя сѣрыми попонами съ вензелями и коронами. Смеркалось, вѣтеръ съ снѣгомъ дулъ въ отворенную дверь и задиралъ мокрую солому подъ свиньями. Плыли мутно-бѣлыя поля, темнѣвшіе кустарники, медленно курившіеся дымомъ, падавшимъ на нихъ съ паровоза. И тяжелая, неразрѣшимая тоска давила Игната. Появившись вдвое сложеннымъ башлыкомъ съ оранжевыми каемками, сдвинувъ брови, стиснувъ зубы, играя маслаками, онъ стоялъ у двери, грызъ подсолнухи и косился на еврея. Еврей сидѣлъ на опрокинутомъ ящикѣ, держалъ въ большой, покрытой крупными лиловыми жилами рукъ стаканъ чаю. Шелуха подсолнуховъ летѣла по вѣтру, попала въ чай. Еврей долго, съ раздраженіемъ смотрѣлъ сквозь очки на Игната. Игнать ждалъ, что скажетъ еврей, чтобы ударить его послѣ первыхъ же словъ сапогомъ въ грудь. Но еврей ничего не сказалъ: только приподнялся и вылилъ чай нарочно возлѣ самыхъ ногъ Игната, возлѣ его плоскихъ и широкихъ казенныхъ сапогъ.

На станціи попутчиковъ до села не оказалось. И пришлось сидѣть, ждать, не навернется ли кто случайно.

Оледенѣли его руки, помутилась голова, когда, въ половинѣ одиннадцатаго, медленно надвинулся на него такой знакомый, такой особенный вокзалъ съ его на-

родомъ и освѣщенными окнами. Только-что ушелъ пассажирскій поѣздъ. Въ залъ третьяго класса, холодною, полутемною, тусклою отъ дыма и потною отъ дыханія, нужно было пробиваться плечомъ — такъ много толпилось въ немъ на мокромъ полу мужиковъ. Между двойными дверями стоялъ на полу коптившій фонарь. Двери поминутно съ визгомъ отворялись, хлопали — свѣжій, легкій морозный воздухъ, врываясь въ угрюмый, вонючій залъ, волновалъ клубы бѣлаго пара надъ ведернымъ самоваромъ въ буфетѣ. Изъ отворенной, ярко и горячо освѣщенной конторы, гдѣ были касса и телеграфъ, не смолкая ни на секунду, дребезжалъ и звенѣлъ какой-то звонокъ, какъ будто кто завелъ и забылъ остановить будильникъ. И отъ многолюдства, отъ этого звонка у Игната ломило въ темени.

Разспрашивалъ онъ, нѣтъ ли попутчиковъ, тупо, ходилъ какъ лунатикъ, но все видѣлъ и замѣчалъ съ необыкновенной зоркостью. Толпа армяковъ и полусубковъ рѣдѣла. Игнатъ вышелъ на крыльцо, посмотрѣлъ, сторонясь, пропуская мимо себя выходящихъ и разговаривающихъ, на лошадей, на сани, на мутно-лунное небо, выкурилъ цыгарку, глубоко вдыхая вмѣстѣ съ дымомъ сладкій зимній деревенскій воздухъ, и вернулся за своимъ сумдучкомъ. Уже буфетчикъ постепенно, по порядку, съ края, убиралъ со стойки апельсины, папиросы, тарелки съ колбасами, потный кусокъ сыра. Начальникъ станціи подъ руку провелъ большую старуху-помѣщицу въ шубѣ, опирающуюся на костыль. Въ отворенную дверь видна была блѣдная, но свѣтлая лунная ночь, деревья въ инеѣ. Лошади, стоявшія у крыльца, встряхивались, бормотали глуха-

рями. Потомъ глухари загромыхали всѣ сразу, закри-
лѣлъ снѣгъ подѣ полозьями. . . Въ залѣ осталась толь-
ко баба въ новомъ оранжевомъ полушубкѣ, неподвиж-
но сидѣвшая на длинномъ деревянномъ диванѣ у стѣ-
ны, на которомъ стоялъ сундучокъ Игната. Задомъ
подойдя къ дивану, Игнатъ присѣлъ, взвалилъ сун-
дучекъ себѣ на спину и, думая о той веснѣ, когда онъ
жилъ съ дурочкой, а былъ беззаботенъ, свободенъ,
сладко напивался, закусывая холодными картошками,
вышелъ изъ вокзала.

Шагалъ онъ твердо, ровно и споро, повизгивая по
снѣгу сапогами, свѣтлая снѣжная ночь была вокругъ
него. Въ полѣ было пусто, мертво и тихо, луна кры-
лась за легкими облаками, дорога чуть темнѣла. . . И
отъ своихъ смутныхъ думъ очнулся онъ уже въ Изва-
лахъ, почувствовавъ, что вошелъ въ большую, про-
сторно раскинутую и давно спящую деревню. Ни од-
ного огня не было въ занесенныхъ снѣгомъ избахъ.
Слабыя тѣни лежали на большой дорогѣ отъ водово-
зокъ и пунекъ. Еще тише какъ будто стало, воздухъ —
еще слаще и пахучѣе. По дворамъ уже пѣли пѣтухи.

Возлѣ своей пустой избы, на краю деревни, надѣ ов-
рагомъ, онъ постоялъ, не зная, чтó дальше дѣлать.
Маленькая, она была наполовину занесена мятелями.
Дверь на замкѣ, одно окно забито дощечками. Ост-
рый сугробъ, покрытый слѣдомъ лаптей, поднимался
возлѣ дырявыхъ воротъ во дворъ, переходилъ черезъ
нихъ. Игнатъ пошелъ по слѣду, заглянулъ внутрь
двора. Въ раскрытой закуткѣ непріютно ночевала чья-
то телушка. . .

Невдалекѣ, въ избѣ Маряя, свѣтился низкій ого-
некъ — изъ окошечка, почти сравняшагося съ высо-

кой снѣжной улицей. Онъ заглянулъ въ окошечко. Чуть не всю избу занималъ станъ. Нѣмая, съ тугимъ румянымъ лицомъ дѣвка, ткала краснѣ, гремѣла станомъ. Игнатъ стукнулъ. Дѣвка взглянула со страхомъ и удивленіемъ. Онъ вошелъ въ избу. Дѣвка дергала оборку торчавшаго съ печи лаптя, будя отца. Онъ долго не откликался, только откашливался. Потомъ сталъ слѣзать — задомъ, ища лаптемъ печурку. Слѣзъ и по стѣнѣ, стараясь не наступать на одну, видно, больную ногу, дошелъ до скамейки возлѣ стола. Бородатый, лохматый, съ выпуклыми кровянистыми глазами и хрипучимъ голосомъ, видъ онъ имѣлъ шальной. Игнатъ поставилъ сундукъ у двери, сѣлъ къ столу. Дѣвка, поджавъ руки, стояла у печки. А Марей, попросивъ закурить, затягиваясь такъ, что дымилась вся его борода, говорилъ:

— Хозяйку твою видалъ... Видалъ, какъ же... Изъ церкви шла... Дома жить не пожелала, все у господь... Ихъ давно нѣтути, въ Москвѣ, говорятъ, она приказчика согнала, всѣмъ домомъ править, въ икономки записалась... Не по закону живетъ, не по закону...

— Знаю, знаю, — сказалъ Игнатъ, что-то думая, выскребая ногтемъ грязь изъ трещинъ стола.

— Извѣстно, знаешь... Ну, потращаешь — бросить. Потращать можно... Я вотъ и свою просваталъ, да робость беретъ... Онъ вдовецъ, вдовый... Да нука откажется? На кой, моль, чортъ нужна такая-то... А она хоть чисто сказать не можетъ, а на черную работу хороша, не покорю... Ты вотъ подхватилъ хорошую, анъ дѣло-то хуже вышло... Не пара, значить, оказалась. Руби, значить, древо по себѣ...

— Я сундукъ у тебя пока оставлю, — сказала Игнать, не поднимая глазъ.

— Это можно... Оставь... Оставить можно, — согласился Марей.

И на порогъ вышелъ проводить Игната. Морозило, ясно было. Темно синья въ вышинѣ, межъ облаковъ, расчищалось небо. Мѣсяць, яркій, полный, выкатывался на просторъ, косая бѣлая туча съ оранжевымъ полукругомъ, падавшимъ на нее отъ мѣсяца, сдвигалась къ горизонту, къ сѣверо-западу. Тѣни отъ водовозокъ стали рѣзче, улица заискрилась.

— Зима обозначается, — хрипло сказалъ Марей, высовывая голову изъ низкой двери темныхъ сѣнецъ на свѣтлую улицу и вдыхая пахучую свѣжесть.

И опять твердымъ шагомъ пошелъ Игнать, не поворачивая завязанной башлыкомъ шеи. Пройдя версты двѣ по деревнямъ, выйдя на лугъ, на дорогу въ гору, онъ увидалъ на горѣ знакомую усадьбу, темный палисадникъ во дворѣ и четыре освѣщенныхъ окна за нимъ. Но пошелъ онъ къ нижнему саду, спускавшемуся по горѣ отъ усадьбы до самаго луга, вошелъ въ его ворота, перешелъ по плотинѣ занесенной снѣгомъ сажалки, направляясь къ длинной и мрачной бревенчатой избѣ скотнаго двора, чернѣвшаго въ глубинѣ сада, подъ вѣковыми деревьями. Небо надъ ними было синее, бездонное, съ рѣдкими крупными звѣздами. Мѣсяць катился въ вышинѣ справа. Впереди, среди свѣта и тѣней, то садясь на заднія лапки и поднимая торчкомъ уши, то дѣлая короткіе прыжки, двигался заяцъ, пробираясь на золотую поляну за сажалкой. Красно-золотой звѣздой казался огонь въ избѣ подъ деревьями.

Почему не спать, почему так пристально посмотреть на Игната тот блѣдно-голубой лицомъ, блѣловолосый, длинноголовый пастушонокъ, что отворилъ дверь этой большой, очень теплой избы? Надъ столомъ привѣшена была къ ея блестящему, какъ каменный уголь, потолку лампочка. Въ переднемъ углу — олеографія въ рамкѣ: Николай угодникъ въ малиновомъ одѣяніи, съ фіолетовой бородой. Коростовая свинка ходила по липкому земляному полу, хрустѣла, катала что-то по зубамъ. Въ загородкѣ возлѣ печи стояли телята, коричневые и желто-бѣлые. Они не спали, клали морды съ широкими, нѣжными, влажно-розовыми ноздрями на загородку, смотрѣли ясными глазами, мочились тонкими, прямыми свѣтлыми струйками. Отдавало отъ нихъ запахомъ мокрой коровьей шерсти, молокомъ парнымъ, какимъ-то утробнымъ тепломъ, — и долго вспоминалъ потомъ Игнатъ этотъ запахъ, простой, успокаивающій, а вслѣдъ за нимъ — старика-отца. На кровати возлѣ загородки сидѣлъ онъ, спустивъ блѣдныя волостыя ноги въ узкихъ синихъ порткахъ, лысющій со лба, худой, какъ скелетъ, и, положивъ большія руки на колѣни, важно закрывъ слѣпые глаза и обративъ лицо къ иконѣ, шепталъ что-то.

— Онъ у насъ сумасходный, — тихо сказалъ пастушонокъ, пристально глядя на Игната. — Дюже старъ сталъ.

И, услыхавъ его голосъ, чувствуя чье-то присутствие, еще выше, важнѣе и печальнѣе откинулъ старикъ голову, свой тонкій, горбившійся отъ худобы носъ.

— Богъ благословить, Богъ благословить, — пробормоталъ онъ.

Обнаживъ стриженную, въ стѣнкахъ башлыка, го-

лову, но забывъ поздороваться съ отцомъ, Игнатъ спросилъ мальчика:

— Любовь въ домѣ?

— Въ домѣ, въ домѣ, — поспѣшно отозвался тотъ.
— Къ ней купецъ пріѣхалъ.

Игнатъ надѣлъ фуражку, вышелъ изъ избы и пологой горой, черезъ фруктовый садъ, по заячьимъ тропинкамъ среди яблонь и свѣтлыхъ полянъ, испещренныхъ тѣнями, быстро дошелъ до калитки на барскій дворъ, откинулъ ее и, согнувшись, утопая въ снѣгу, перебѣжалъ въ зеленоватый сумракъ палисадника. И тотчасъ за маленькимъ окномъ прихожей увидѣлъ жену.

Но за стѣной дома вдругъ глухо залаяла собака. Онъ отскочилъ — и застылъ, замеръ, прижавшись къ стѣнѣ.

IV

Поставивъ въ темныхъ сѣняхъ самоваръ, она сидѣла въ прихожей съ перегородкой, выбѣленной мѣломъ, штопала чулокъ у стеариноваго огарка, горѣвшаго въ позеленѣвшемъ мѣдномъ подсвѣчникѣ на подоконникѣ. Полной казалась теперь эта красивая черноглазая женщина въ красной кофтѣ, съ мягкими грудями, въ бѣломъ платочкѣ, подъ который уходилъ среди черныхъ волосъ широкій проборъ.

Двѣ большія тѣни, одна лилово-темная, другая свѣтлѣе, падали отъ нея на перегородку, поднимались на потолокъ. Когда подошелъ подъ окно Игнатъ, она, задумчиво склонивъ голову на бокъ, поглядѣла на

заштопанную пятку чулка и вынула изъ него старинную серебрянную суповую ложку. Бѣлый, въ коричневыхъ пятнахъ поинтеръ, спавшій въ залѣ въ углу, на репсовой каретной подушкѣ, вдругъ басомъ брехнулъ, вскочилъ и съ гремящимъ лаемъ, стуча ногтями по паркету, побѣжалъ къ прихожей. Любка живо и серьезно взглянула на дверь въ залъ. Потомъ, загородивъ ладонью щеку отъ огня, прильнула къ стеклу.

— Кто тамъ? — сказала она громко, съ хозяйственной строгостью, но тревожно, отдирая сперва одну, потомъ другую примерзшую форточку и заглядывая въ открывшійся, пустой, полный легкаго морознаго воздуха, квадратъ.

Свѣтлая ночь, все звончѣющая надъ мертвой бѣлой окрестностью, надъ давно спящими деревьями, надъ застывшей въ молчаніи усадьбой, надъ живописными и неподвижными подъ звѣзднымъ небомъ садами, крѣпла, достигала своей высшей красоты и силы. Пятна свѣта на снѣгу въ сумракѣ палисадника горѣли зелено. «Зелено», а не «зеленовато!» Мѣсяца Любкѣ не было видно, — только поднявъ голову, увидала она сквозь вѣтви сосенъ его зеркальный кругъ. За стволами просторно бѣлѣлъ свѣтлый дворъ, и свѣжая колея, прорѣзанная по немъ санками купца, недавно взрытый и уже затвердѣвшій слѣдъ розово сверкалъ. Любка, приглядываясь, сдвинула пьявки черныхъ бровей. Но только на мгновение смутной тревогой дошло до нея въ этой полночной тишинѣ присутствіе челоуѣка, такъ близко отъ нея прижавшагося къ стѣнѣ. Она подождала отвѣта, захлопнула фортки и пошла въ залъ накрывать на столъ.

Въ прохладномъ большомъ залѣ было сдвинуто мно-

го мебели, много стульевъ и старинныхъ кресель. У той стѣны, гдѣ была дверь въ прихожую, стоялъ рояль. Высокія двери въ гостиную были закрыты. Между ними и угловой кафельной печкой чернѣлъ шелушившійся портретъ въ золотой рамѣ. Столъ у стѣны противъ оконъ освѣщала на цѣпяхъ спускавшаяся съ потолка лампа.

Проѣзжавшій изъ города въ купленный на срубъ милютинскій лѣсокъ и ночевавшій въ усадьбѣ купецъ былъ невысокій, тяжелый человекъ въ черной бородѣ съ бурымъ подсѣдомъ и съ черными косыми глазками. Разстегнувъ верхніе крючки сизаго, очень полного и вонючаго романовскаго полушубка, отвернувъ на груди пышную дымчатую овчину, онъ, мягко ступая черными поярковыми валенками, бродилъ по залу, разсматривалъ мебель, шифоньерки, бронзоваго коня подъ стекляннымъ колпакомъ на подзеркальникѣ. Возлѣ печки возилась мышь, стараясь протащить въ маленькую щелку пола кусочекъ лепешки. Купецъ засмотрѣлся на мышь. Вскочивъ, басомъ забрежалъ пойнтеръ, — и онъ съ легкой улыбкой удивленія и удовольствія послушалъ, какъ отдалось въ пустомъ домѣ и зазвенѣли мѣдныя струны рояля; онъ приподнялъ его крышку, попробовалъ безыменнымъ пальцемъ въ разныхъ мѣстахъ клавиши. . .

— Хорошо у васъ тутъ, тихо, — сказалъ онъ входившей и выходившей Любкѣ.

— Скучно, — отвѣтила Любка, чуть усмѣхнувшись.

Она накрыла столъ, принесла вазочку съ зеленымъ вареньемъ, солонку, въ которой соль была перемѣшана съ крошками хлѣба, тарелку съ кускомъ солонины, радужно-ржавой, въ застывшемъ жирѣ, похожемъ на ва-

ту, и бутылку водки съ матовымъ отъ мороза налетомъ на стеклѣ.

— А ты бы забаву какую-нибудь пріискала себѣ, — сказалъ купецъ, привычно намекая на то, на что всѣ намекаютъ.

— И то правда, — тоже привычнымъ, беззаботнымъ тономъ отвѣтила Любка.

Теперь уже не было прежней живости въ ея отвѣтахъ. Она стала спокойнѣе, говорила меньше, проще и грубѣе, привыкнувъ распоряжаться и ругаться съ работниками, отвыкая отъ господъ. Ограниченная, она казалась умной, благодаря этому умѣнію, присущему женщинамъ, подобнымъ ей, не говорить лишняго.

Когда она принесла и, высоко поднявъ, поставила на столъ самоваръ, купецъ пролѣзъ за столъ на диванъ, не спуская косыхъ глазъ съ ея грудей. Она въ бокъ блеснула смуглыми бѣлками и, съ равнодушнымъ видомъ, не спѣша, отошла, стала, какъ бы грѣясь, къ холодной печкѣ. Купецъ сдвинулъ рукавъ полушубка съ круглившейся изъ него дымчатой густой шерстью и взялъ ножъ въ лѣвую руку, а вилку въ правую. Любка это замѣтила. «Лѣвша, — подумала она: — распутный, небось.» Но опять грубо забрежалъ пойнтеръ, глядя въ прихожую, и она опять тревожно прислушалась.

— На кого это онъ все? — спросилъ купецъ, выпивъ и раздувая ноздри. — Какъ отзывается! — сказалъ онъ, послушавъ. — Какъ органъ.

— Да все, небось, этотъ пьяница шатается, мужъ скотницы нашей, — отвѣтила она и, подумавъ, насмѣшливо улынулась. — Тутъ такая потѣха идетъ, не приведи Богъ.

Купецъ, отрѣзая кусочекъ солонины и намазывая его горчицей, равнодушно удивился:

— Да что ты!

— Ей-Богу, сказала Любка. — Закружилась тутъ съ однимъ, да и другимъ не отказываетъ. Ну онъ и ходить. Грѣхъ судить, а только дойдетъ у нихъ дѣло до бѣды.

— Что жъ, еще дружка себѣ нашла?

— Да ай ихъ мало! — сказала Любка, думая не о скотницѣ, а о себѣ и о своемъ любовникѣ, портномѣ изъ Шатилова, бѣшено ревновавшемъ и все грозившемъ убить ее.

Говоря, она косилась на окно возлѣ дверей въ гостиную. Во всѣхъ окнахъ зелено и остро искрились обледенѣвшія нижнія стекла. Въ это окно, незамерзшее, видны были рѣдкія звѣзды на синемъ небѣ, зелень палисадника и застрѣха въ снѣгу. Купецъ ѣлъ, что-то обдумывая. Любка слабо зѣвнула и опять заговорила:

— А, должно, здоровый морозъ будетъ. Куда въ даль такъ-то поѣхать, замерзнешь.

— Очень просто, — сказалъ купецъ и посмотрѣлъ на пойнтера, положившаго морду на лапы. — А собака это же чья?

— Да барина нашего молодого, Николая Кузьмича, — сказала Любка. — Надоѣла до крайности. На дворѣ никакъ не можетъ жить, нѣжна очень. Голая вся. Два раза въ неделю купаю, пропасти на нее нѣту. Онъ у насъ чудакъ какой-то.

— Да и дуракъ, можно сказать, хорошій, — вставилъ купецъ.

— Дуракъ, нѣтъ ли, не мое бабѣ дѣло судить, — сказала Любка, думая, что такой скромный отвѣтъ понравится купцу. — Только, правда, никуда не поѣдетъ и дома не живетъ, а объ собакѣ въ каждомъ письмѣ пишетъ, беспокоится.

— А ты ужъ давно здѣсь проживаешь?

— Давно. Седьмой годъ, никакъ.

— И довольна, значить?

— Да чего жъ мнѣ? Сама себѣ голова. Они, господа-то, почестъ, и не живутъ тутъ.

— Мужъ-то въ солдатахъ?

— Въ солдатахъ.

— И на войну не попалъ?

Любка засмѣялась, держа руки за спиною, какъ бы грѣя ихъ.

— Они, такіе-то, счастливые, черти, — сказала она, смѣясь.

— И отслужится, небось скоро?

— То-то и бѣда, что скоро. Все писалъ, грозилъ: сопьюсь. А мнѣ какая забота? Самъ же будешь подъ заборомъ лежать, — сказала Любка то, что часто говорила портному. — И опять же ревнивъ, надоѣлъ своей любовью до смерти. . . Все, бывало, грозить — убью, а скажи ласковое слово — сейчасъ слюни распустить. Да что жъ, и убьетъ. . . Ночью, когда такъ-то кобель забрешетъ, жутко, правда. . .

— Ты жаловаться на него имѣешь право, — сказала купецъ. — Это время прошло, чтобы сдуру, здорово живешь, людей бить.

Онъ съѣлъ всю солонину, обрѣзая ватный жиръ, допилъ водку. Глаза его стали маслянистѣй, полушубокъ онъ разстегнулъ. Икая, онъ вынулъ изъ кармана

красную осьмушку табаку, камышевый мундштукъ, книжечку папирсной бумаги, аккуратно раскрыль ее, отдуль одинъ листокъ, свернулъ своими короткими пальцами съ выпуклыми круглыми ногтями толстую папиросу и съ наслаждениемъ закурилъ.

— Давно замужъ-то вышла? — спросилъ онъ съ мутной усмѣшкой.

— Пятый годъ пошелъ.

— А дѣтей не было?

— Не было.

— Почему же такъ? Ты вѣдь, думается, крѣпка, хороша была?

— Страшная хорошая! — сказала Любка, польщенная, но улыбаясь насмѣшливо, и начала врать: — А ужъ это видно, не моя вина, я сама по дѣтяхъ скучаю. Значить, онъ чѣмъ нибудь испорченъ, а моя какая можетъ быть вина? Онъ на то и зло на меня имѣеть, на то и обижается. А я смолоду горячая была — искусаю его, бывало, до синяковъ, а у него старанья много, а все безъ толку. . . Плохая наша бабья доля, — сказала она.

Купецъ уставился на нее прищуренными глазами. Затягивался онъ все глубже, пуская дымъ въ потолокъ.

— Это вѣрно, — сказалъ онъ, не зная, что говорить. — Да что ты все около печки-то спасаешься?

Сдерживая улыбку, Любка отвѣтила съ дѣланной простотой:

— А гдѣ жъ мнѣ стоять? Мое мѣсто тутъ.

— Къ столу садись, — сказалъ купецъ. — Тутъ лучше согрѣешься. Будетъ калянитъ-то, авось, я не взыщу.

— Не взыщете, такъ сяду, — отвѣтила Любка съ игривой скромностью и сѣла къ столу на стуль.

Она понимала, что купецъ началъ томиться, не зная, какъ приступить къ дѣлу. Купецъ, отвалиясь къ спинкѣ дивана, порою вздыхалъ, отдувался, закрывая глаза и хмуро улыбаясь, порою тяжело смотрѣть на ея грудь, проборъ, — и глаза его то стеклянѣли, то вспыхивали. Дѣлая видъ, что она ничего не замѣчаетъ, Любка, опустивъ рѣсницы, пила жидкій чай съ лимономъ, скромно вытирала концомъ головного платка потѣющую верхнюю губу, покрытую чернымъ пушкомъ. Купецъ вздохнулъ еще шумнѣе и вдругъ, не глядя на нее, сталъ торопливо и неловко разстегивать своей крѣпкой рукой пазуху синей фланелевой рубахи, подъ которой былъ жилетъ. Разстегнувъ и жилетъ, онъ запустилъ руку во внутренній боковой карманъ и вытащилъ бумажникъ. Любка сдвинула пальцемъ тонкій ломтикъ лимона къ краю блюда, положила его въ ротъ и стала высасывать, не въ мѣру морщась, дѣлая видъ, что чувствуетъ только одно — острую кислоту. Мгновенно замѣтила она, что бумажникъ очень толстый и потертый, быстрымъ взглядомъ окинула пухлую пачку розовыхъ кредитокъ, которую вынулъ купецъ изъ бумажника. Отдѣливъ одну кредитку, склеенную бумажной ленточкой, спрятавъ остальные, онъ сталъ лѣвой рукой пихать бумажникъ обратно, а правую ковшикомъ положилъ на нее.

— Довольно, что ли? — спросилъ онъ.

Какъ будто ничего не понимая, Любка равнодушно взглянула на десятирублевку, потомъ перевела томно-пристальные глаза на него.

— Чтѣ говорю-то? — повторилъ онъ смѣло, почти грубо.

Молча взявъ и сунувъ деньги въ карманъ юбки, она поджала руки, навалилась на столъ и опять посмотрѣла на него долгимъ взглядомъ. Онъ, не зная, чтѣ говорить и дѣлать, взялъ ее за правую руку, потянулъ за концы корявыхъ снизу пальцевъ. Она отняла ихъ и, тоже не зная, чтѣ сказать,, спросила:

— Чтѣ жѣ сало-то не докушали?

И, взявъ оставшійся на тарелкѣ кусочекъ, положила его въ ротъ.

— А я люблю, — сказала она: — она сладкая, опричи если на сковородкѣ поджарить. — И засмѣялась: — Постъ, а мы жремъ. . . — И, помолчавъ, беззаботно добавила: — Ну, да авось, все одно въ аду кипѣтъ.

— За что же это? — спросилъ купецъ.

— Да за все. Наше мѣсто въ аду. Старые люди говорятъ, все одно изъ мужиковъ въ святые не выходятъ. Всегда изъ архиреевъ, алхимандритовъ.

И вдругъ, разгибаясь, рѣшительнымъ шопотомъ сказала:

— Ну, пойдѣте, что ль. . .

V

Игнатъ, стоя на снѣгу, давно не чувствовалъ ногъ, окаменѣла и голова его, насквозь промерзла, стала тонкой, ледяной шинель. Сперва онъ пошевеливалъ пальцами въ сапогахъ, двигалъ плечами. Потомъ уже не обращалъ вниманія на то, что все послѣднее тепло со-

средоточилось и дрожало у него гдѣ-то подѣ ложечкой, что стали деревянными губы, обросли инеемъ края башлыка, рѣсницы и усы.

Онѣ не замѣчалъ времени, весь поглощенъ былъ страстнымъ желаніемъ, чтобы оправдались его подозрѣнія. Пропѣли вторые пѣтухи. Сила, свѣтъ, красота ночи стали ослабѣвать. Мѣсяцъ, блѣднѣя, склонялся къ западу. Оріонъ, три поперечныхъ звѣзды его низко стояли на юго-западномъ горизонтѣ серебряными пуговицами, стали ближе и ярче. Отъ людской, надъ которой склонялся мѣсяцъ, пала, полъ двора захватила тѣнь. Было такъ морозно и тихо, что слышно было, какъ возились на насѣстѣ ночевавшія въ сѣняхъ людской куры, какъ въ конюшнѣ мѣрно хрустѣла овсомъ лошадь купца, какъ потомъ она, съ глубокимъ вздохомъ, легла. Противъ крайняго незамерзшаго окна зала торчала изъ снѣга, подѣ нависшими вѣтвями ели, скамейка. Снѣгъ, мѣстами атласный, мѣстами хрупкій, какъ соль, разсыпчатый и все твердѣвшій отъ мороза, визжалъ и хрустѣлъ при каждомъ, самомъ осторожномъ шагѣ. Затаивъ дыханіе, Игнатъ добрался до скамьи, сталъ на нее и, разведя руками глянцевитоледяную зелень хвои, все забылъ, увидавъ внутренность зала, увидавъ эту страшную для него, двигающуюся, что-то говорящую и улыбающуюся женщину и человѣка, бывшаго съ ней въ этотъ поздній часъ одинъ-на-одинъ во всемъ домѣ.

Но время шло, шло — и ничего особеннаго не происходило въ залѣ. Вотъ Любка сѣла, наконецъ, къ столу, и купецъ сталъ вынимать что-то изъ-за пазухи. Но что? Какъ ни напрягалъ Игнатъ зрѣнія, разглядѣть не могъ: мѣшалъ самоваръ, посуда... Вотъ

Любка привстала, облокотилась на столъ, подвинулась къ купцу, и въ незастегнутый разрѣзь ея платья сзади стала видна нижняя бѣлая юбка. И въ мигъ настала такая страшная тишина, что осталось въ немъ только бѣшенное бѣненіе сердца Игната. Но въ тотъ же мигъ Любка внезапно разогнулась быстро пошла по залу, къ двери, ведущей внутрь дома, за нею двинулся купецъ, — и легко, уже ничего не думая, Игнатъ соскочилъ со скамейки и побѣжалъ подъ елями въ сторону, противоположную парадному крыльцу, чтобы, обогнувъ домъ, вскочить въ него съ задняго. На пустой синевѣ небосклона съ новыми, предутренними звѣздами, сквозилъ, чернѣя, потонувшій въ снѣгахъ низкій фруктовый садъ. Еще давеча замѣтилъ Игнатъ, выходя изъ сада, кучи хвороста между нимъ и домомъ. Въ хворостѣ всегда валялся топоръ. И, добѣжавъ до хвороста, Игнатъ кинулся искать этотъ знакомый, зазубренный, ржавый топорикъ со скользкой рукояткой, — сталъ шарить, обдирая руки о ледяные прутья и обжигая ихъ о снѣгъ, синевато блестящій противъ низко опустившейся сонной луны.

Купецъ, нащупавъ въ карманѣ полушубка маленькій и, какъ камень тяжелый, револьверъ, вошелъ, между тѣмъ, въ темный коридоръ и протянулъ впередъ руки.

— Тутъ хворостъ на топку приготовленъ, не упадите, — сказала Любка, и онъ, наступая на сучки и съ трескомъ ломая ихъ, ощутилъ пріятный, горьковатый запахъ холодной дубовой коры и сухой листвы въ снѣгу.

Любка остановилась, говоря: «это у насъ задняя прихожая», пошарила по стѣнѣ и отворила дверь въ большую нежилую комнату, очень холодную, пахну-

щую ветчиной, освѣщенную двумя тускло синѣющими окнами съ незамерзшими верхними стеклами. Мѣсяць стоялъ далеко, съ другой стороны дома, въ этой комнатѣ было сумрачно, но все-таки купецъ разглядѣлъ окорока, висѣвшіе подѣ потолкомъ, кадку съ соленымъ саломъ, сепараторъ, слабо поблескивающій никелемъ велосипедъ, бѣлѣющія на полу кринки и кровать у стѣны — деревянную, безъ перины, съ одной подушкой безъ наволочки. И повернувшись, задомъ подвигаясь къ кровати, Любка предупредила, но уже таинственно, отвѣчающимъ моменту шопотомъ:

— Смотрите, не попадите въ масло. . .

Она стала такъ, чтобы удобнѣе было лечь, чтобы купцу можно было повалить ее. И у него сразу отнялись ноги отъ ея шопота. Она еще что-то шептала, ласково, съ дрожью въ голосѣ, но онъ уже не слушалъ, — онъ, охвативъ и прижимая къ себѣ ея тяжелое тѣло, толкалъ ее къ кровати все ближе, пока икры ея не уперлись въ нее, пока кровать не пришлась подѣ самыя ея колѣни. И тутъ Любка, дотолѣ слабо сопротивлявшаяся, безмолвно повалилась. Она чувствовала боль отъ давленія часовъ, цѣпочки, одной рукой разглаживала густую мягкую бороду, а другой крѣпко держала за указательный палецъ съ большимъ золотымъ перстнемъ. Она чувствовала вступающую въ тѣло сладкую муку, волны истомной силы, и, какъ бы сердясь, стала перекусывать волосы бороды, закрывавшей ея ротъ. Обѣими руками охватила она и крѣпко прижала къ себѣ бычью, сморщенную шею, лохматую голову. . . Но голова эта вдругъ поползла изъ-подѣ рукъ внизъ, тѣлу Любки стало легко, а ногамъ больно отъ тяжести. Она приподнялась. Купецъ грузно сълъ на полъ, за-

хрипѣлъ и упалъ навзничь, мягко стукнувшись затылкомъ. Она вскочила и кинулась поднимать его. Но онъ дышалъ, какъ умирающій, хрипя и свистя горломъ, тѣло его съ высокимъ, раздувающимся животомъ, было огромно и тяжело, какъ мертвое. И страхъ холодомъ облилъ ея голову.

Задрожавшими руками она стала срывать съ пуговицъ воротъ его фланелевой рубахи, разстегнула поясъ съ серебрянымъ наборомъ. Потомъ схватила подушку съ кровати и бросила ее на полъ. Побѣжала въ прихожую, зажгла огарокъ, сунула полотенце въ ведро съ водой и вернулась, освѣщая въ коридорѣ во всѣ стороны кинувшихся крысъ. Поставивъ огарокъ на кровать, она накрыла полотенцемъ лобъ и закатившіеся глаза купца, съ ужасомъ глядя на его горой лежащее тѣло, на распахнутыя полы полушубка и на бѣлое полотенце на сизомъ лицѣ съ задранной кверху черной бородой. И вдругъ, какъ громъ, раздался стукъ двери. И, вскинувъ глаза, Любка окаменѣла, увидавъ надъ собой солдата, показавшагося ей чуть не до потолка ростомъ. Въ лѣвой рукѣ онъ держалъ фуражку, а правой, отведенной назадъ, сжималъ топоръ. Сдѣлавъ къ Любкѣ шагъ, онъ быстро перехватилъ его рукоятку, но еще быстрѣе, ловя послѣднюю секунду, она твердымъ голосомъ приковала его къ мѣсту.

— Мой грѣхъ, — быстро сказала она. — Добивай скорѣе. Богаты будемъ. Скажемъ, что его ударъ расшибъ. Скорѣе!

Игнатъ глянулъ на ея сразу похудѣвшее, обрѣзавшееся лицо, на расширенные и неподвижные черные глаза, красную кофту и засученныя смуглыя полныя

руки — и со всего размаху ударилъ обухомъ въ мокрое полотенце.

VI

При третьихъ пѣтухахъ въ людской уже горѣла лампа и топилась печь. Кухарка, сладко зѣвая, сидѣла противъ нея на лавкѣ, грѣлась и, не моргая, смотрѣла на жаркое разноцвѣтное пламя, окликаая спавшаго на печи Ѳедьку, работника купца, которому было приказано запрягать пораньше. Онъ, заспанный, мордастый, съ бѣльмомъ на глазу, слѣзъ съ печи, зачерпнулъ изъ кадки корецъ ледяной воды, умылся одной рукой, разодралъ кухаркинымъ деревяннымъ гребнемъ свои сбитые густые волосы, покрестился въ уголь, откашливаясь, залѣзъ за столъ, съѣлъ чугуничекъ горячихъ картошекъ, насыпавъ кучку соли на доску стола и отрѣзавъ огромный ломоть хлѣба, потомъ ладно одѣлся, очень туго и низко подпоясался, закурилъ и бодро, повизгивая по морозному утреннему снѣгу нагольными, твердыми, какъ дерево, и рыжими отъ снѣга сапогами, мотая закопченнымъ фонаремъ, въ которомъ горѣлъ сальный огарокъ, пошелъ запрягать.

Допѣвали пѣтухи, ночь мѣшалась съ днемъ. Изъ неопредѣленнаго разсвѣтнаго сумрака съ утренней опредѣленностью выступали предметы. Снѣгъ на дворѣ, на крышахъ становился блѣдно-бѣлъ, чуть синѣя. Блѣднѣло, расширялось небо за садомъ, за сквозными деревьями. Воздухъ былъ чистъ и остеръ, какъ эфиръ. Въ густой зеленой хвоѣ морозно-неподвижнаго палисадника возились проснувшіяся галки. А на запа-

дѣ еще чувствовалась ночь, ея тайна. Мертво блестяль невысокій мѣсяць на сумрачномъ горизонтѣ, на синеватомъ небосклонѣ за снѣжной долиной рѣки. Отворивъ ворота сарая и поставивъ фонарь на старый тяжелый фаэтонъ, загаженный курами и покрытый замерзшей еще съ осени грязью, Ѳедька взялся за холодныя оглобли маленькихъ крашенныхъ санокъ и, пытаясь, скребя по мерзлой землѣ желѣзными подрѣзами, поволокъ ихъ изъ темноты за порогъ, на блѣдный свѣтъ утра. Снявъ затѣмъ съ деревяннаго колка, вбитаго въ каменную стѣну сарая, наборную узду, онъ пошелъ по твердому, длинному сугробу, мимо забитыхъ снѣгомъ окошекъ конюшни, къ деннику, гдѣ стоялъ тяжелый, мохнатый жеребецъ купца.

Въ навозномъ темномъ денникѣ тепло, хорошо пахло лошадыю, ея свѣжимъ пометомъ и недоѣденнымъ сѣномъ. Широкій, весь курчавый и съдой отъ инея жеребецъ, услыхавъ стукъ двери, повернулъ голову на свѣтъ и легонько заржалъ. Ѳедька подошелъ къ нему — и онъ, играя, опустилъ голову. Ѳедька подвелъ узду подъ нее, — онъ согнулъ толстую шею въ косматой, жесткой гривѣ еще круче. И, мотая головой, поталкивая лбомъ въ грудь Ѳедькѣ, въ его тугой полушубокъ, долго не давался вложить удила. Наконецъ Ѳедька втолкнулъ ихъ въ раздавшіеся желтые зубы, обтеръ руку, испачканную слюной и пѣной, о хвостъ жеребца, дѣлая сразу два дѣла — обтирая руку и приглаживая, оправляя загнувшіеся кверху, зачесавшіеся волосы на холкѣ, — и повелъ его къ водовозкѣ, поить.

Съ параднаго крыльца, изъ тихаго, съ мертвыми окнами, занесеннаго снѣгомъ дома вдругъ выскочила бѣлая, въ коричневыхъ пятнахъ собака. Отрывисто брех-

нувъ, она, какъ шальная, сдѣлала два круга возлѣ крыльца и опять кинулась въ домъ. Оедька съ удивленіемъ поглядѣлъ на нее. Но жеребецъ тянулся къ кадкѣ съ водой, ударилъ мордой въ ледъ, покрывшій воду, пробилъ его — и вода слегка задымилась. Жеребецъ прильнулъ къ ней своими бархатными губами и, посапывая, долго-долго тянулъ ее; онъ отрывался, разгрызая льдинки, слегка повернувъ голову къ Оедькѣ, — и Оедька ласково, поощрительно посвистывалъ, глядя на его свѣтлый крупный глазъ и свѣтлыя капли, падающія съ губъ.

— Ну, будя, навѣкъ все одно не напъешься, — сказалъ онъ звучнымъ голосомъ и повелъ жеребца къ санкамъ.

Совсѣмъ свѣтло стало. Въ саду, въ голыхъ кустахъ, уже трещали воробьи. Небо за садомъ помутнѣло, окрасилось алооранжевымъ. Мѣсяцъ, краснѣя, садился за деревней, выдѣлившейся и бѣлѣвшей крышами на сумрачно-лиловомъ западѣ. Заложивъ жеребца, застегнувъ вожжи, Оедька, не выпуская ихъ изъ рукъ, кинулся къ сидѣнью въ одну сторону, а жеребецъ, рванувъ съ мѣста, въ другую. На бѣгу ввалившись въ санки, разодравъ ему удилами челюсти и на поворотѣ крѣпко взрѣзавъ подрѣзами разсыпчатый насть, Оедька съ атласнымъ скрипомъ перевалился черезъ мягкій, новый сугробъ въ воротахъ и помчался въ поле, на свѣтлый, веселый востокъ — погрѣть лошадь.

И старый, тяжелый жеребецъ быстро запыхался. Оедька, сдѣлавъ версты полторы, обжегши лицо встрѣчнымъ острымъ вѣтромъ, широко завернулъ и шагомъ поѣхалъ обратно. Шагомъ вѣхалъ онъ во дворъ, направляясь къ парадному крыльцу — и вдругъ

раскрылъ глаза и натянулъ вожжи: кухарка съ плачемъ, исказивъ блѣдное при золотистомъ утреннемъ свѣтѣ лицо, бѣжала отъ крыльца къ людской, а на крыльцѣ сидѣлъ человѣкъ въ сѣро-рыжей шинели, въ башлыкѣ, стоякомъ завязанномъ вокругъ шеи, съ обнаженной стриженной головою. Наклоняя ее, онъ правой рукой сгребалъ съ сѣраго наста возлѣ ступенекъ свѣжій, бѣлый снѣгъ и прикладывалъ его къ темени.

Капри. II. 1912.

ЗАХАРЪ ВОРОБЬЕВЪ

На дняхъ умеръ Захаръ Воробьевъ изъ Осиновыхъ Дворовъ.

Онъ былъ рыжевато-русь, бородатъ и настолько выше, крупнѣе обыкновенныхъ людей, что его можно было показывать. Онъ и самъ чувствовалъ себя принадлежащимъ къ какой-то иной породѣ, чѣмъ прочіе люди, и отчасти такъ, какъ взрослый среди дѣтей, держаться съ которыми приходится, однако, на равной ногѣ. Всю жизнь, — ему было сорокъ лѣтъ, — не покидало его и другое чувство — смутное чувство одиночества: въ старину, сказываютъ, было много такихъ, какъ онъ, да переводится эта порода. «Есть еще одинъ въ родѣ меня, говорилъ онъ порою, — да тотъ далеко, подѣ Задонскомъ.»

Впрочемъ, настроенъ онъ былъ неизмѣнно превосходно. Здоровъ на рѣдкость. Сложенъ отлично. Онъ былъ бы даже красивъ, если бы не бурый загаръ, не кроваво-вывороченныя нижнія вѣки и не постоянныя слезы, стекломъ стоявшія въ нихъ подѣ большими голубыми глазами. Борода у него была мягкая, густая, чуть волнистая, такъ и хотѣлось потрогать ее. Онъ часто, съ ласковостью гиганта, удивленно улы-

бался и откидывалъ голову, слегка открывая красную, жаркую пасть, показывая чудесные молодые зубы. И пріятный запахъ шелъ отъ него: ржаной запахъ степняка, смѣшанный съ запахомъ дегтярныхъ, крѣпко кованыхъ сапогъ, съ кисловатой вонью дубленого полушубка и мятнымъ ароматомъ нюхательнаго табаку: онъ не курилъ, а нюхалъ.

Онъ вообще былъ склоненъ къ старинѣ. Воротъ его суровой замашной рубахи, всегда чистой, не застегивался, а завязывался. На пояскѣ висѣли мѣдный гребень и мѣдная копаушка. Лѣтъ до тридцати пяти носилъ онъ лапти. Но подросли сыновья, дворъ справился, и Захаръ сталъ ходить въ сапогахъ. Зиму и лѣто не снималъ онъ полушубка и шапки. И полушубокъ остался послѣ него хорошей, совсѣмъ новый, зелено-голубые разводы и мелкія нашивки изъ разноцвѣтнаго сафьяна на красиво простроченной груди еще не слиняли. Бурый котикъ, — опушка борта и воротника, — былъ еще остистъ и жѣстокъ. Любилъ Захаръ чистоту и порядокъ, любилъ все новое, прочное.

Умеръ онъ совсѣмъ неожиданно.

Было начало августа. Онъ только-что отмахалъ порядочный крюкъ. Изъ Осиновыхъ Дворовъ прошелъ въ Красную Пальну, на судъ съ сосѣдомъ. Изъ Пальны сдѣлалъ верстъ пятнадцать до города: нужно было побывать у барыни, у которой снималъ онъ землю. Изъ города пріѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ село Шипово и пошелъ въ Осиновые Дворы черезъ Жилое: это еще верстъ десять. Да не то свалило его.

— Чтѣ? — удивленно и царственно-строго сказалъ бы онъ своимъ бархатнымъ басомъ. — Сорокъ верстъ?

И добродушно добавилъ бы:

— Что ты, малый! Да я ихъ тыщу могу исдѣлать.

Былъ первый Спасъ. «Хорошо бы таперъ для праздничка выпить маленько», — шутя сказалъ онъ въ Шиповѣ знакомому, петрищевскому кучеру, проходя по залитому мѣломъ вокзалу, который, какъ всегда лѣтомъ, ремонтировали — «Что жъ не пьешь? Кстати бы и мнѣ поднесъ» — отвѣтилъ кучеръ. «Не на что, протратился, и такъ въ грузовомъ вагонѣ ѣхаль», — сказала Захаръ, хотя деньги у него были. Кучеръ подмигнувъ пріятелю, уряднику Голицыну. Пристрялъ шиповскій мужикъ, пьяница Алешка. И всѣ четверо вышли изъ вокзала. Захаръ и Алешка пошли пѣшкомъ, кучеръ сѣлъ въ телѣжку, запряженную парой; — онъ выѣзжалъ за Петрищевымъ, да тотъ не пріѣхаль, — урядникъ на дрожки-бѣгунки. И Алеша тотчасъ же затѣялъ споръ: можетъ ли Захаръ выпить въ часъ четверть?

— А съ закуской? — спросилъ Захаръ, широко шагая по сухой землѣ, изрѣзанной колеями, возлѣ высокой кобылы урядника и порой осаживая внизъ оглоблю, поправляя косившую упряжь.

— Можешь требовать чего угодно, на полтинникъ, — сказалъ кучеръ, человекъ недалекій, сумрачный.

— А проспоришь, — прибавилъ Алешка, оборванный мужикъ съ переломленнымъ носомъ, — а проспоришь, за все втрое отдашь.

— Нехай будя по-вашему, — снисходительно отозвался Захаръ, думая о томъ, чего спросить на закуску.

Онъ не только не усталъ отъ путешествія въ Пальну, — гдѣ дѣло кончилось превосходно, миромъ, — не только не истомился, промучившись въ городской

жарѣ двое сутокъ, но даже чувствовалъ подъемъ, приливъ силы. Ему всѣмъ существомъ своимъ хотѣлось сдѣлать что-нибудь изъ ряда вонъ выходящее. Да что? Выпить четверть — это не Богъ вѣсть какая штука, это не ново. . . Удивить, оставить въ дуракахъ кучера — не великъ интересъ. . . Но все-таки на споръ пошелъ онъ охотно. И, принявшись за ѣду и питье, сперва наслаждался ѣдой, — ѣсть очень хотѣлось, каждый кусокъ былъ сладокъ, — потомъ своимъ рассказомъ о судѣ.

Былъ жаркій день. Но вокругъ села, въ просторѣ желтыхъ полей, покрытыхъ копнами, было уже что-то предосеннее, легкое, ясное. Густая пыль лежала на шиповской площади. Площадь отдѣляютъ отъ села дровяные склады, булочная, винная лавка, почтовое отдѣленіе, голубой домъ купца Яковлева съ палисадникомъ при немъ и двѣ лавки его въ особомъ срубѣ на углу. Возлѣ черной лавки ступеньками наваленъ палевый сосновый тесъ. Пахнетъ тутъ смолой, свѣтлая, клейкія капли которой проступаютъ на тесѣ. Сидя на нижней ступени теса, Захаръ пилъ, ѣлъ, говорилъ и смотрѣлъ на площадь, на блестяшія подъ солнцемъ рельсы, на шлагбаумъ горбатаго переѣзда и на желтое поле за рельсами. Алешка сидѣлъ рядомъ съ нимъ и тоже закусывалъ — подрукавнымъ хлѣбомъ. Урядникъ — скучный, запыленный человекъ съ подстриженными усами, въ обтрепанной шинели съ оранжевыми погонами — урядникъ и кучеръ курили, одинъ на дрожкахъ, другой въ телѣжкѣ. Лошади дремали, терпѣливо ждали, когда прикажутъ имъ трогаться. А Захаръ рассказывалъ.

— Чѣмъ дѣло-то кончилось? — говорилъ онъ. —

Да ничѣмъ. Помирились. Я этихъ судовъ, пропади они пропадомъ, съ отроду не знавалъ, ни съ кѣмъ не судился. Мнѣ самъ батюшка-покойникъ заказывалъ эти свары. А тутъ и свары-то вышла пустая. Бабы повздорили, а мы сдуру ввязались. . .

Онъ уже выпилъ бутылки три — изъ деревяннаго корца, которъй досталъ на дворѣ Яковлева Алешка; онъ дѣлалъ свое дѣло столь легко, будучи столь увѣреннымъ въ себѣ, что даже не замѣчалъ того, что дѣлалъ. Кучерь, урядникъ и Алешка изъ всѣхъ силъ прикидывались спокойными, хотя душа каждаго изъ нихъ горячо молила Бога, чтобы Захаръ упалъ замертво. А онъ только разстегнулъ полушубокъ, чуть сдвинулъ шапку со лба, раскраснѣлся. Онъ съѣлъ двѣ таранки, громадный пукъ зеленаго луку и шесть французскихъ хлѣбовъ, съѣлъ съ такимъ вкусомъ и толкомъ, что даже противники его дивились ему, и оживленно, чуть насмѣшливо говорилъ:

— А на судахъ этихъ чудно, пропади они пропадомъ! Я и итить-то туда не хотѣлъ. Слышу — подалъ прошенье. Ну, подалъ и подалъ, не замай, а я, молю, не пойду. Только вдругъ прїѣзжаетъ въ Пальну начальство, присылаетъ за мной самъ засѣдатель. Ахъ, пропасти на тебѣ нѣту! Ничего не подѣлаешь — надо итить. Взялъ хлѣбушка, поперъ. Жара ужасная, пыль по дорогѣ какъ пысь, альни итить горячо. Ну, однако, прихожу. Шелъ дюже поспѣшно, являюсь. . .

Держа пустѣющую бутылъ подъ мышкой, онъ цѣдилъ въ темный корецъ свѣтлую влагу, наполнялъ его до краевъ и, разгладивъ усы, припадалъ къ ней, пахнущей остро и сытно, влажными губами; тянулъ же медленно, съ наслажденіемъ, какъ ключевую воду въ

жаркій день, а допивъ до дна, кричалъ и, перевернувъ корецъ, вытряхивалъ изъ него послѣднія капельки. Потомъ осторожно ставилъ бутылъ возлѣ себя. Кучеръ не спускалъ съ нея своихъ угрюмыхъ глазъ; урядникъ, уже передвинувшій тайкомъ стрѣлку часовъ на цѣлую четверть впередъ, тревожно переглядывался съ Алешкой. А Захаръ, поставивъ бутылъ, бралъ двѣ три стрѣлки лука, ломая, забивалъ ихъ въ большую деревянную солонку, въ крупную сѣрую соль, и пожиралъ съ аппетитнымъ, сочнымъ хрустомъ. Глаза его налились кровью и слезами, казались страшными. Но онъ улыбался, грудной басъ его былъ звученъ, ласковъ, пріятно-насмѣшливъ.

— Ну, являюсь, — говорилъ онъ, прожевывая и раздувая ноздри. — Вижу, на улицѣ вездѣ народъ, подъ лозинкой въ холодкѣ сидитъ засѣдатель въ майскомъ пинжаку, съ русой бородкой, на столикѣ книги усякія, бумаги, а рядомъ, — Захаръ повелъ рукой налево, — урядникъ что-й-то записываетъ краснымъ осмиграннымъ карандашикомъ. Вызываютъ хрестьянина Семена Галкина, обуховскаго. «Семень Галкинъ!» — «Здѣсь.» — «Поди сюда.» Подходитъ; начинаютъ допрашивать. А онъ на урядника и не глядитъ, достаетъ грушу изъ кармана, стоитъ, ѣстъ. Урядникъ приказываетъ: «Кинь грушу!» Онъ не слушается, доѣдаетъ. . .

— По мордѣ бы его этой грушой, — сказалъ кучеръ.

Вѣрно! — подтвердилъ Захаръ, разламывая седьмую, послѣднюю булку. — Стоитъ и лопаешь! Обращается засѣдатель къ уряднику. «Вотъ, говорить»

господинъ урядникъ, этотъ самый хрестьянинъ Семень Галкинъ, когда я прошлый разъ съ описью прѣзжалъ, отказался платить по исполнительному листу сорокъ восемь рублей восемь гривенъ, а когда я хотѣлъ описать какой есть его лѣсишко и анбаръ, то, говорить, этотъ самый Галкинъ со своими дружьями, двумя братьями Иваномъ и Богданомъ, сѣли на дѣрева, на бревна эти возлѣ избѣ, и не дозволили мнѣ свершить опись. А когда я взошелъ къ ему въ избу, то онъ какъ бы невзначай спросилъ у своей жанѣ, гдѣ тутъ у насъ безмень, что было сказано про меня, и я это принялъ на свой счетъ, а Богданъ тѣмъ временемъ подошелъ къ окну и съ косою на плечѣ, когда косить ему нечего было, все давно скошено. А какъ я былъ одинъ, то принужденъ былъ удалиться. Вотъ извольте спросить его жану Катерину и мать Оеклу и показанія отъ ней занести въ протоколъ. А еще въ опросный листъ занесите показанье церковнаго старости, хрестьянина Федота Легонова. А еще, что сельскій староста Герасимъ Савельевъ въ этотъ день пропалъ бѣзъ вѣсти и на мои требованія не явился, а когда я уходилъ отъ Галкина къ Митрію Овчинникову, идѣ былъ мой меринъ, и проходилъ мимо его избѣ, то онъ притравилъ меня кобелемъ, а самъ спрятался за ворота, что я замѣтилъ очень хорошо, и посвистывалъ, да слава Богу, такъ случилось, что кобель меня не поранилъ, хоть кидался прямо на грудь, сигалъ какъ бѣшенный, все благодаря Митрію, который выскочилъ съ кнутомъ и тѣмъ меня оградилъ. . .»

Захаръ, увлекаясь ладностью своего разсказа, точно прочиталъ послѣднія слова. Безъ передышки, звучно и твердо передавъ заявленіе засѣдателя, онъ хотѣлъ

было продолжать, но Алешка не вытерпѣлъ и крикнулъ:

— Потомъ доскажешь! Пей! Урядникъ, глянь-ка на часы-то.

— Успѣется, успѣется, — отвѣтилъ урядникъ и подмигнулъ Алешкѣ.

Но не замѣтилъ этого Захаръ.

— Да не гамазись ты, чортъ курносый! — гаркнулъ онъ добродушно. — Дай доказать-то! Я свою время знаю, — выпью, не бойся!

Ноги его твердо стояли на краюшкахъ кованыхъ каблуковъ, — онъ съ гордостью выставилъ сапоги и порою безъ нужды подтягивалъ голенища, — лицо было красно, но еще не пьяно. Преувеличенно-низко раскланявшись съ мужикомъ, проѣхавшимъ мимо въ пустой телѣгѣ и внимательно оглядѣвшимъ его, онъ шумно, черезъ ноздри дохнулъ, взялъ обѣими руками борты жаркаго полушубка, двинулъ воротъ назадъ и продолжалъ, наслаждаясь яркостью картины, занявшей его воображеніе, игрой своего ума.

— «Катерина Галкина!» — громко, грудью говорилъ онъ, изображая всѣхъ въ лицахъ. — «Къ допросу. Подойди поближа!» Подходить. — «Слышала, что господинъ засѣдатель сказали?» — «Слышала. . .» А сама плачетъ, заикается, ничего толкомъ рассказать не можетъ. «Правда ли, что твой мужъ безменъ про господина засѣдателя упомянулъ?» — «Я, говорить, этого ничего знать не могу. Хотѣлъ мужъ бѣсты вѣшать.» — «Значить ты отъ этого отказываешься?» — «Ничего про эти дѣла не знаю. Оедька всему первый полководецъ. Его опросите, — и дѣло къ развязкѣ, и грѣха меньше. . .» Кличутъ сейчасъ ста-

руху Оеклу. А старуха сухоногая, дерзкая, отвѣчаетъ — ноздри рветъ. Имушество, говорить, моя, за сына я не плательщица, по правамъ покойнаго мужа всѣмъ владаю, а у сына ничего нѣту, одни портки.» — «А сынъ-то чей же?» — «Мой» — «А разъ сынъ твой, и толковать нечего, за неплатежъ имушество отвѣчаетъ. Ступай, не разговаривай, а за дерзкій отвѣтъ посажу тебя въ арестанку на двое сутокъ на хлѣбъ, на-воду...» Угомонилъ, значить, старуху. Вспрашиваетъ, гдѣ церковный титоръ Федотъ Левонь? Подходить дочь его Винадорка. «Идѣ-отецъ?» — «Въ клѣти, послѣ обѣда отдыхаетъ.» — «Бѣги, зо-ви его суда. Скажи, начальство требуетъ...» А онъ черезъ дворъ живетъ...

— Близко, значить? — перебилъ урядникъ и быстро переглянулся съ Алешкой и кучеромъ. — Такъ, такъ... Ну, доказывай, доказывай. Ты, братъ, на удивленіе гораздъ рассказывать!

Онъ говорилъ, что попало, лишь бы отвлечь вниманіе Захара, — онъ, вынувъ часы и спрятавъ ихъ между колѣнями, передвигалъ стрѣлку еще на десять минутъ впередъ. И Захаръ, съ просіявшимъ отъ похвалы лицомъ, еще шумнѣе выдохнулъ воздухъ, мотнулъ головой, отсаживая горячій густой мѣхъ полушубка отъ лопатокъ, и загудѣлъ еще выразительнѣе:

— Вѣрно! Слухай же, не перебивай, а то осерчаю... Вижу, лѣзетъ изъ низкой клѣтки приземистый старикъ... Идетъ черезъ дорогу въ избу — безъ шапки, въ розовой новой рубахѣ распяской, и воротъ отъ жары разстегнулъ. А изъ избѣ выходитъ въ новой теплой поддевкѣ, подпоясанъ зеленой подпояской, шапку въ рукахъ несетъ. Подходить. Волосы густые,

сѣдые, разложены въ родѣ какъ рожки у барана, на обѣ стороны. Съ урядникомъ, съ засѣдателемъ — за ручку. (Богатый, видать, старикъ). Пошущукался что-й-то съ ними, показываетъ на Сеньку. Потомъ вынимаетъ большой гаманъ кожаный, сталъ отсчитывать трехрублевки обмороженными култышками. . . Потомъ Винадорку кличетъ. Приказываетъ самоваръ ставить, зоветъ къ себѣ урядника и засѣдателя чай пить: «Приходите мою охоту посмотрѣть, пчель моихъ, и какую я себѣ посуду завель. А еще кобылку мою гляньте. Ну, ясна, свѣтла, — вся писаная, въ яблокахъ!» — Смѣется, морщится, гнилые корешки въ красномъ ротѣ показываетъ. . . «Не посмотрѣть, говорить, нельзя, того лошадиный законъ требуетъ. А можетъ, и сторгуемся, про что говорили-то. . .» И опять смѣется, сипитъ, какъ змѣй. Пошелъ къ избѣ, заскребаеъ пылъ сапогомъ по дорогѣ — хворситъ. . .

— Форситъ-то, форситъ, — опять перебилъ урядникъ, вынимая часы, — а вѣдь пять минутъ всего осталось. Тебѣ теперь однимъ духомъ надо допивать.

Лицо Захара сразу измѣнилось.

— Какъ? — строго крикнулъ онъ. — Да ты брешешь! Ужли цѣльный часъ прошелъ?

— Прощель, братъ, прощель! — подхватили кучеръ и Алешка. — Допивай, допивай!

Захаръ дохнулъ, какъ кузнечный мѣхъ, и закрылъ глаза.

— Стойте! — сказалъ онъ. — Это не ладно. Вы меня обмошенничали. Дайте еще сроку полчаса. Главная вещь, я сопрѣлъ весь. Жара! Августъ, Чортъ съ вами, я вамъ лучше самъ бутылку поставлю. А вы мнѣ

сроку накиньте. . . Ну, хоть доказать только дайте про этот самый судъ! — попросилъ онъ сумрачно.

— Ага! Покаялся! — крикнулъ кучеръ насмѣшливо. — Жидокъ на расправу!

Захаръ остановилъ на немъ кровавый, тяжелый взглядъ. Потомъ, ни слова не говоря, взявъ бутылъ за горло, до дна опорожнилъ ее, съ краями наполнивъ корецъ, и до дна высосалъ его. И слегка задохнувшись, грубо сказалъ:

— Ну? Сытъ ты, ай нѣтъ? . . . А теперь — буду доказывать! — съ упрямствомъ хмельющаго челоуѣка сказалъ онъ. — Вотъ ты и глянешь, напоилъ ты мене, али у тебя и потроху не хватитъ на это. . .

И вдругъ опять повеселѣли страшные глаза его, лицо опять стало важнымъ и добродушнымъ.

— Таперь вы обязаны слухать! — всею грудью сказалъ онъ и продолжалъ, но уже не такъ складно и хорошо: — Опосля этого вызываютъ знахаря, Василь Иванова. Этотъ совсѣмъ худой въ поддевки сѣрой, виски въ родѣ пенъки и борода клинушкомъ. И еще пуше старика моршшится, — не то отъ солнца, не то отъ хитрости. . . шать его знаетъ. Этотъ, выходитъ, старуху опойлъ. Давалъ ей лѣкарству какую-то — бываеъ, велѣлъ пить по маленькому стаканчику, а она и возъмись глушить его большими стаканами. . . Вызываютъ его. «Какъ тебя зовутъ?» — «Былъ Василій.» — «Кто тебѣ далъ праву лѣчить, мерзавецъ?» А у нихъ ужъ раньше, конечно, былъ говоръ: Васька, небось, ужъ сунуль имъ. Ну, а при народѣ, извѣстно, надо же для близиру поорать. Вспрашивалъ, спрашивалъ, потомъ опять какъ закричить на него: «Скройся изъ глазъ моихъ въ осинникъ!» Тотъ будто и ис-

пужался: шапку поскорѣе на голову — и шмыгъ, шмыгъ въ осинникъ. . . Такъ, значить, дѣло и затерли. Поглядѣлся урядникъ въ зеркальцо, поправилъ саблю, сложивъ свои бумаги. . . «Ну, говорить, идемъ, что ль, къ старику-то? Очень мнѣ хочется, чтобъ меринъ еще отдохнулъ.» — «А сколько сейчасъ время?» Вынулъ урядникъ новые часы, селебряные, глянулъ: «Тридцать восемь перваго.» «Ну, пойдете, надо его охоту посмотрѣть, старикъ добре городится.» Поднялись, пошли чай пить. А мужики остались, разсѣялись, какъ вѣроны, на срубленныхъ деревьяхъ возлѣ избѣ, подняли гамъ. Иные говорятъ, что не надо до продажи допускать, иные — что нельзя начальство обижать. Пуще всѣхъ какой-то худой мужикъ ореть, срѣзался со старикомъ однимъ. Мужикъ кричитъ, что плохо у насъ жить, по чужимъ странамъ лучше, киргизу и то способнѣй, — у того, по крайности, степя аграматныя. . . А старикъ кричитъ, лапить — у насъ лучше. А мужикъ опять же не подается: «У насъ, говорить, дубъ дюже великъ выросъ, да дупло добре широка и нитокъ много распустилъ. . .» Чуете, къ чему гнетъ-то? — подмигнуть Захаръ.

Ему казалось, что онъ могъ бы говорить безъ конца и все занятнѣе, все лучше, но, послушавъ его, убѣдившись, что дѣло пропало, свелось только на то, что Захаръ опилъ, объѣлъ ихъ да еще безъ умолку рассказываетъ чепуху, кучеръ и урядникъ тронули лошадей и уѣхали, оборвавъ его на полусловѣ. Алешка посидѣлъ немного, поподдакивалъ, выпросилъ четыре копейки на табакъ и ушелъ на станцію. И Захаръ, совершенно неудовлетворенный ни количествомъ выпитаго ни собесѣдниками, остался одинъ. Повздыхалъ,

помоталъ головой, отодвигая воротъ полушубка, и чувствуя еще большій, чѣмъ прежде, приливъ силъ и неопредѣленныхъ желаній, поднялся, зашелъ въ винную лавку, купилъ бутылку и зашагалъ по переулку вонъ изъ села.

— У насъ дубъ великъ выросъ, — насмѣшливо и съ удовольствіемъ повторялъ онъ мысленно, чуя въ этихъ словахъ какой-то чудесный намекъ на что-то. — Дубъ выросъ дюже великъ. . .

Онъ шелъ по пыльной дорогѣ въ открытомъ полѣ, въ необозримомъ пространствѣ неба и желтыхъ полей. Солнце опускалось, но еще пекло. Полушубокъ Захара блестялъ. Направо отъ него падала на золотистое пересохшее жнивье большая тѣнь съ сіяніемъ вокругъ головы. Сдвинувъ горячую шапку на затылокъ, заложивъ руки назадъ, подъ полушубокъ, Захаръ твердо ступалъ по твердой подъ слоемъ пыли землѣ, не мигая, какъ орелъ, смотрѣлъ то на солнце, то на широко раскрывшійся послѣ косыбы степной просторъ, похожій на просторъ песчаной пустыни, на раскинутыя по немъ несмѣтныя копны, похожія вдали на гусеницъ, — и по горизонтамъ, по копнамъ мелькали передъ его кровавыми, слезящимися глазами несмѣтныя круги — малиновые, фіолетовые и малахитовые. «А все-таки я пьянь!» — думалъ онъ, чувствуя, какъ замираетъ и бьетъ въ голову сердце. Но это ничуть не мѣшало ему надѣяться, что еще будетъ нынче что-то необыкновенное. Онъ останавливался, пилъ и закрывалъ глаза. Ахъ, хорошо! Хорошо жить, но только непременно надо сдѣлать что-нибудь удивительное! И опять широко озиралъ горизонты. Онъ смотрѣлъ на небо — и вся душа его, и насмѣшливая и наивная, полна была

жажды подвига. Человѣкъ онъ особенный, онъ твердо зналъ это, но что путнаго сдѣлалъ онъ на своемъ вѣку, въ чемъ проявилъ свои силы? Да ни въ чемъ, ни въ чемъ! Старуху пронесъ однажды на рукахъ версты пять. . . Да объ этомъ даже и толковать смѣшно: онъ бы могъ десятокъ такихъ старухъ донести куда угодно.

Воображеніе его, жадное во хмелю до картинъ, требовало работы. Онъ шагаль все шире, твердо рѣшивъ не дать солнцу обогнать себя, — дойти до Жилова раньше, чѣмъ оно сядетъ, — и думаль, думаль. . . Бутылка подходила къ концу. И онъ чувствовалъ, что необходимо выпить еще маленько — у хромого мѣщанина, сидѣльца въ Жильской винной лавкѣ, на большой дорогѣ. Солнце опускалось; на смѣну ему поднимался съ востока полный мѣсяцъ, блѣдный, какъ облачко, на ровной сухой синевѣ небосклона. Чуть уловимый, по-вечернему душистый дымокъ тянулъ откуда-то въ остывающемъ воздухѣ; оранжево краснѣли лучи, сыпавшіеся слѣва по колкому сквозному жнивью, краснѣла пыль, поднимаемая сапогами Захара; отъ каждой копны, отъ каждой татарки, отъ каждой былинки тянулась тѣнь. «Да нѣтъ, шалишь, не обгонишь!» — думаль Захаръ, поглядывая на солнце, вытирая потъ со лба и вспоминая то битюга-жеребца, котораго за переднія ноги поднялъ онъ однажды на ярмаркѣ, заспоривъ о силѣ съ мѣщанами, то литой чугунный приводъ, который выволокъ онъ прошлымъ лѣтомъ изъ риги на гумнѣ барина Хомутова, то эту нищую старуху, которую тащилъ онъ на рукахъ, не обращая вниманія на ея страхъ и мольбы отпустить душу на покаяніе. Остановясь, раздвинувъ ноги, отъ которыхъ стол-

бами пала тѣнь на жнивье, Захаръ вынулъ изъ глубокаго кармана полушубка бутылку, глянулъ на нее противъ солнца и весело ухмыльнулся, увидавъ, что и бутылка и водка въ ней зарозовѣли. Закинувъ голову, онъ вылилъ водку въ разинутый ротъ, не касаясь бутылки губами, и хотѣлъ-было запустить ее выше самаго высокаго, самаго легкаго дымчатаго облачка въ глубинѣ неба. Но, подумавъ, удержался: — и такъ израсходовался! — сунулъ бутылку въ карманъ и опять зашагалъ, съ удовольствіемъ вспоминая старуху.

— Ахъ, расчудесная была старуха! — думалъ онъ, глядя то на солнце, то на сѣрвющія за дальними копнами избы. — Шель онъ недавно по паровому полю. Глядь, лежитъ на сухой навозной кучѣ старуха-побирушка и стонетъ. Былъ онъ порядочно выпивши, и какъ всегда во хмелю, жадно искала душа его подвига — все равно, добраго или злого. . . даже, пожалуй, скорѣй добраго, чѣмъ злого. «Бабка! — крикнулъ онъ, быстро подходя къ старухѣ. — Ай помираешь? Ай убилъ кто? Чѣмъ передъ кѣмъ провинилась?» Старуха, — она была вся въ лохмотьяхъ, блѣдное лицо ея было въ запекшейся крови, глаза закрыты, — зашевелилась и застонала. «Да что жъ ты молчишь? — гаркнулъ Захаръ грозно. — Разъ тебѣ спрашиваютъ, можешь ты мнѣ не отвѣчать? Значить, такъ и будешь лежать? Скотину скоро погонять — баранъ завалеть, замучаетъ. . . Вставай сію минуту!» Старуха вдругъ заголосила, взглянувъ на него, огромнаго и страшнаго. «Батюшка, не трожь меня! Меня и такъ быкъ закаталъ. Пожалѣй меня, несчастную!» — «Не могу я тебя пожалѣть! — еще грознѣе заоралъ Захаръ, почувствовавъ вдругъ жалость и нѣжность къ

старухѣ. — Вставай, говорятъ тебѣ!» Старуха приподнялась и тотчасъ же опять упала и заголосила еще пуще. Тогда, не помня себя отъ жалости, Захаръ сгрѣбъ ее въ охапку и почти бѣгомъ помчалъ къ селу. Старуха, обхвативъ обѣими руками его воловью шею, задыхаясь отъ запаха водки, исходившаго отъ него, тряслась на бѣгу, а онъ, боясь заплакать, быстро бормоталъ, стараясь, сколь возможно, смягчить свой басъ: «Да что ты? Ай очумѣла? Чего боишься? Молчи, — говорю тебѣ, молчи, ни объ комъ не думай! Обо всемъ забудь!» — «Не могу, батюшка! — отвѣчала старуха. — Никакого счастья не вижу себѣ, одна во всемъ свѣтѣ, ни напитоковъ ни наѣдковъ сладкихъ отроду не видала. . .» — «А я табѣ говорю, не голоси! — говорилъ Захаръ. — Всякій свою стежку топча! У всякаго своя печаль! Копти! — гаркнулъ онъ на все поле, ощутивъ внезапный приливъ бурной радости. — Ъшь солому, а хворсу не теряй! Сейчасъ за мое почтеніе доставляю тебя на хватуру? А за быка за этого тебя драть надо. Чего шатаешься, скитаешься? Зачѣмъ къ стаду лѣзла? Тебѣ надо округъ бабъ находиться. Съ ними ты можешь разговоръ поддержать. А быкъ, онъ, братъ, не помилуетъ!» — «Охъ, постой, — застонала старуха, уже смѣясь сквозь слезы. — Всю душу вытрясь. . .» И Захаръ заоралъ еще грознѣй: «Бабка, молчи! А то вотъ шарахну тебя въ ровъ — костей не соберешь!» И захохоталъ, раскрывая пасть, раскачивая старуху и дѣлая видъ, что хочетъ со всего размаху пустить ее съ косогора. . .

Спина его была мокра, лицо сизо отъ прилива крови и потно, сердце молотами било въ голову, когда, гордо глянувъ на мутно-малиновый шаръ, еще не ус-

пѣвшій коснуться горизонта, быстро вошелъ онъ въ Жилое. Было мертвенно-тихо. Нигдѣ ни единой души. Ровная блѣдная синева вечерняго неба надо всѣмъ. Далекій лѣсокъ, темнѣющій въ концѣ лощины. Надъ нимъ полный, уже испускающій сіяніе мѣсяцъ. Длинный, голый зеленый выгонъ и рядъ избъ вдоль него. Три огромныхъ зеркальных пруда, а между ними двѣ широкихъ навозныхъ плотины съ голыми, сухими ветлами — толстыми стволами и тонкими прутьями сучьевъ. На другомъ боку другой рядъ избъ. И такъ четко все въ этотъ короткій часъ между днемъ и ночью: и контуры сѣрыхъ крышъ, и зелень выгона, и сталь прудовъ. Одинъ, слѣва, чуть розовѣетъ, прочіе — двѣ зеркальных бездны, въ которыхъ точно влиты отраженный мѣсяцъ и каждый стволъ, каждый сучокъ.

— Фу, пропасти на васъ нѣту! — шумно вздохнулъ Захаръ, пріостанавливаясь. — Какъ подошли всѣ!

Ему захотѣлось рявкнуть такъ, чтобы въ ужасѣ высыпалъ на выгоны весь этотъ мелкій народишко, спрятанный по избамъ. «Да нѣтъ, нѣтъ, — подумалъ онъ, мотая головой: — ошалѣлъ я, пьянъ... Непрестойно думаю, неладно... Домой надо поскорѣй... Домой...»

И вдругъ почувствовалъ такую тяжкую, такую смертельную тоску, смѣшанную со злобой, что даже закрылъ глаза. Лицо его стало котельнаго цвѣта, отдѣлилось отъ русой бороды, уши вспухли отъ прилива крови. Какъ только закрылись его глаза, такъ сейчасъ же запрыгали во тьмѣ передъ нимъ тысячи малахитовыхъ и багряныхъ круговъ, а сердце замерло, оборвалось — и все тѣло мягко ухнуло куда-то въ пропасть. Ахъ, домой бы теперь, да въ ригу, да въ солому! Но,

постоявъ, Захаръ открылъ глаза и, вмѣсто того, чтобы свернуть влѣво, на Осиновыя Дворы, упорно зашагалъ, перейдя плотину, на большую дорогу, къ винной лавкѣ.

О, какая тоска была на этой пустынной, безконечной дорогѣ, въ этихъ блѣдныхъ равнинахъ за нею, въ этотъ молчаливый степной вечеръ! Но Захаръ всѣми силами противился тоскѣ, говорилъ безъ умолку, пилъ все жаднѣе, чтобы переломить ее и наказать этого курчаво-рыжаго, со стоячими бѣлыми глазами мѣщанина. подло и радостно засуетившагося, когда Захаръ предложилъ ему поспорить: можетъ онъ, Захаръ, выпить еще двѣ бутылки, или нѣтъ? Винная лавка, вымазанная мѣломъ, странно бѣлѣла противъ блеклой синевы восточнаго небосклона, на которомъ все прозрачнѣе и свѣтоноснѣе дѣлался кругъ мѣсяца. Возлѣ лавки стоялъ столикъ и скамейка. Мѣщанинъ въ ситцевой рубахѣ и обтертыхъ до-красна опойковыхъ сапогахъ, торчалъ возлѣ стола, осѣвъ на одну ногу и касаясь земли носкомъ другой, — безобразной, съ высокимъ подъемомъ, съ большимъ каблукомъ, — выставивъ кострець, и, какъ обезьяна, съ необыкновенной ловкостью и быстротой грызъ подсолнухи, не спуская своихъ бѣлыхъ съ Захара. А Захаръ, поднимая грудь, сжимая зубы, стискивая, точно желѣзными клещами, своими огромными пальцами край стола, облизывая сохнущія губы, обрывая каждое слово бурнымъ вздохомъ, плохо соображая, что онъ говоритъ, поминутно проваливаясь въ какую-то черную пропасть, спѣшилъ. спѣшилъ досказать, какъ онъ несъ старуху. . .

И вдругъ размахнувшись всѣмъ туловищемъ, быстро всталъ, далеко отшвырнулъ ногой столъ вмѣстѣ

съ зазвенѣвшей бутылкой и граненымъ стаканомъ и хрипло сказалъ:

— Слухай! Ты!

И мѣщанинъ, уже разинувшій-было ротъ, чтобы крикнуть на Захара за безчинство, взглянувъ на его бѣло-сизое лицо, онѣмѣлъ. А Захаръ, собравъ послѣднія силы, не давъ сердцу разорваться прежде, чѣмъ онъ скажет, твердо договорилъ:

— Слухай. Я помираю. Шабашъ. Не хочу тебя подъ бѣду подводить. Я отойду. Отойду.

И твердо пошелъ на середину большой дороги. И, дойдя до середины, согнулъ колѣни — и тяжело, какъ быкъ, рухнулъ на спину, раскинувъ руки.

Эта лунная августовская ночь была жутка. Отовсюду безшумно бѣжали бабы и ребятишки къ кабаку; сдержанно и тревожно переговариваясь, шли мужики. Лунный свѣтъ прозрачнѣйшимъ дымомъ стоялъ надъ сухими жнивьями. А среди большой дороги бѣлѣло и блестѣло что-то огромное, страшное: кто-то покрылъ коленкоромъ мертвое тѣло. И босыя бабы, быстро и безшумно подходя, крестились и робко клали мѣдяки въ его возглавіи.

Капри. II. 1912.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ПСКОВСКІЙ БОРЪ

Вдали темно и чащи строги.
Подъ красной мачтой, подъ сосной
Стою и медлю — на порогъ
Въ міръ позабытый, но родной.

Достойны-ль мы своихъ наслѣдій?
Мнѣ будетъ слишкомъ жутко тамъ,
Гдѣ тропы рысей и медвѣдей
Уводятъ къ сказочнымъ тропамъ.

Гдѣ зернь краснѣетъ на калинѣ,
Гдѣ гниль покрыта ржавымъ мхомъ
И ягоды туманно-сини
На можжевельникѣ сухомъ.

23. VII. 12

ДВА ГОЛОСА

— Ночь мутна и не мѣсячна,
А дорога глуха. . .

— Троепераго знахарю
Я отнесь пѣтуха.

— Лѣсъ, дремучій, разбойничій,
Темень съ давнихъ временъ. . .

— Ножъ булатный за пазухой
Горячо наточень!

— Рѣки быстры и холодны,
Перевозчики спать. . .

— За рѣкой вѣтеръ высушить
Мой нехитрый нарядъ!

— А когда же мнѣ, дитятко,
Ко двору тебя ждать?

— Ужь давай мы какъ слѣдуетъ
Попрощаемся, мать!

23. VII. 12

Ночь зимняя мутна и холодна.
Какъ мертвая, стоитъ ея луна.
Изъ радужнаго блѣднаго кольца
Глядитъ она на лыжи у крыльца,
На тѣнь мою, на молчаливый домъ
И на кустарникъ въ инеѣ густомъ.
Еще блеститъ оконное стекло,
Но волчьей мглой поля заволокло,
На сѣверѣ огни полночныхъ звѣздъ
Горятъ изъ мглы, какъ изъ пушистыхъ гнѣздъ.

Съ собакою самъ-другъ я при лунѣ.
Заиндивѣлъ тяжелый мѣхъ на мнѣ,
Глаза прозрачнымъ льдомъ окружены,
И вся душа — во власти тишины,
Предъ жуткимъ богомъ сѣверныхъ ночей,
У тайны тайнъ, истока всѣхъ ключей.
Снѣгъ межъ кустовъ, туманно-голубой,
Осыпанъ жесткой сѣрою крупой.
Таинственнымъ дыханіемъ гонимъ,
Туманъ плыветъ, — и я мѣшаюсь съ нимъ.

И меркнетъ тѣнь, и двинулась луна,
Въ свой блѣдный свѣтъ, какъ въ дымъ, погружена,
И, кажется, вотъ-вотъ и я пойму
Незримое — идущее въ дыму
Отъ тѣхъ земель, отъ тѣхъ предвѣчныхъ странъ,
Гдѣ гробовой чернѣетъ океанъ,
Гдѣ наступивъ на ледяную Ось,
Превыше звѣздъ возсталъ Великій Лось —
И отражаютъ блѣдные снѣга
Стоцвѣтные горящіе рога.

НОЧНАЯ ЗМБЯ

Глаза козюли, медленно ползущей
Къ своей норѣ ночью сонной пущей,
Горять, какъ угли. Сумрачная мгла
Стоитъ въ кустахъ — и вотъ она зажгла
Два ночника, что зажигать дано ей
Лишь девять разъ, и подъ колючей хвоей
Влачить свой жгутъ такъ тихо, что сова,
Плывя за ней, слѣдитъ едва-едва
Шуршанье мховъ. А ночь темна въ июль,
А врагъ вездѣ — и страшенъ онъ козюль
Въ ночномъ бору, гдѣ смолкъ обычный шумъ:
Она сосредоточила весь умъ,
Всю силу зла въ своемъ горящемъ взглядѣ,
И даже ихъ, ежей, идущихъ сзади,
Пугаетъ ядъ, когда она въ пути
Замедлитъ, чтобъ преграду обойти,
Голсвку приподыметъ, водить жаломъ
Надъ мухоморомъ, сморщеннымъ и алымъ,
Глядитъ на пни, торчащiе изъ ямъ,
И свѣтитъ полусоннымъ муравьямъ.

28. VII. 12

МАТЬ

На пути изъ Назарета
Встрѣтилъ я Святую Дѣву.
Каменистая синѣла
Самарія вокругъ меня,
Каменистая долина
Съ юга шла — и по долинѣ
Семенялъ ушастый осликъ
Межъ колосевъ ячменя.

Тотъ, кто гналъ его, былъ въ пыльномъ
И заплатанномъ кунбазѣ,
Старъ, съ блестящими глазами,
Сизо-черенъ и курчавъ.
Онъ, босой и легконогій,
За хвостомъ его поджатымъ
Гнался съ палкою, виляя
Отъ колючекъ сорныхъ травъ.

А на немъ, на этомъ дробномъ,
Убѣгавшемъ мелкой рысью
Сѣромъ осликѣ, сидѣла
Мать съ ребенкомъ на рукахъ:
Какъ спокойно поднялся
Аравійскія рѣсницы
Надъ глубокимъ теплымъ мракомъ,
Что сіялъ въ ея очахъ!

Лѣтъ пятнадцать... Ожерелье
Изъ серебряныхъ монетокъ...
На вискахъ татуировка...
Легкій кубовый покровъ,
Ниспадающій на плечи...
Загорѣлая, босая...
Ты-ли это, Матерь Бога
И Владычица міровъ?

Поклонялся я, Марія,
Красотѣ твоей небесной
Въ странахъ франковъ, въ ихъ капеллахъ,
Полныхъ золота, огней,
Въ полумракѣ величавомъ
Древнихъ рыцарскихъ соборовъ,
Въ полумглѣ стоцвѣтныхъ оконъ
Сакристій и алтарей.

Тамъ, подъ плитами, почиютъ
Короли, святые, папы,
Имена ихъ полустерты
И въ забвеніи дѣла.
Тамъ Твой Сынъ, главой поникшій,
Темный ликомъ, въ мукахъ крестныхъ.
Ты же — въ юности нетлѣнной:
Ты, и скорбная, свѣтла.

Золотой вѣнецъ и ризы
Бѣлоснѣжныя — я всюду
Ихъ встрѣчалъ съ восторгомъ тайнымъ:
При дорогахъ, на поляхъ,
Надъ бурунами морскими,
Въ шумѣ волнъ и крикахъ чаекъ,

Въ темныхъ каменныхъ пещерахъ
И на старыхъ корабляхъ.

Корабли во мракѣ, въ буряхъ
Лишь Тобой одной хранимы.
Ты — Звѣзда морей: со скрипомъ
Зарываясь въ пѣнѣ ихъ
И огни свои качая,
Мачты стойко держать парусъ,
Ибо кормчему незримо
Свѣтитъ свѣтъ очей Твоихъ.

Надъ безуміемъ буруновъ
Въ ясный день, въ дыму прибора
Ты цвѣтешь цвѣтами радугъ,
Ночью, въ черныхъ пастяхъ горь.
Озаренная лампадой,
Ты, какъ лилія, бѣлѣешь,
Благодатно и смиренно
Преклонивъ на четки взоръ.

И къ стопамъ Твоимъ пречистымъ,
На алтарь Твой въ бѣдной нишѣ
При дорогахъ межъ садами,
Всякъ свой даръ приносимъ мы:
Сирота служанка — ленту,
Обрученная — свой перстень,
Мать — свои святыя слезы,
Запоньяръ — свои псалмы.

Человѣчество не помнитъ,
Какъ творитъ оно легенды,
Какъ имъ спѣта Пѣсня Пѣсней —
Отчего возведена

На престолы горней славы,
Красоты неизреченной
Всѣмъ безвѣстная, простая
Галилейская Жена.

Человѣчество, вѣчная
Властью божеской тирановъ,
Обагрятъ руки кровью
Въ жадѣ злата и раба,
И само еще не знаетъ,
Что оно иного жаждетъ,
Что еще разъ къ Назарету
Приведетъ его судьба.

Содрогался я отъ счастья
У святыхъ его преддверій:
О, Марія, сладко сердцу
Вспоминать и понимать,
Что, блуждая, всѣ мы ищемъ
Преклониться предъ любовью,
Галилейской нищетою
И сладчашимъ словомъ: Мать.

31. VII. 12

ВЪ СИЦИЛИИ

Монастыри въ предгоріяхъ глухихъ,
Наслѣдіе разбойниковъ морскихъ,
Обители забытыя, пустыя —
Моя душа жила когда-то въ нихъ:
Люблю, люблю васъ, келіи простыя,
Дворы въ стѣнахъ тяжелыхъ и нагихъ,
Валы и рвы, отъ плесени сѣдые,
Подъ башнями кустарники густые
И глыбы скользкихъ пепельныхъ камней,
Загромоздившихъ скаты побережій,
Гдѣ сквозь маслины кажется синѣй
Вода у скалъ, гдѣ крѣпко треплетъ свѣжій,
Соленый вѣтеръ листьями маслинъ
И на вѣтру благоухаетъ тминъ!

1. VIII. 12

ЛѢТНЯЯ НОЧЬ

— «Дай мнѣ звѣзду, — твердитъ ребенокъ сонный:
Дай, мамочка. . .» — Она, обнявъ его,
Сидитъ съ нимъ на балконѣ, на ступенькахъ,
Ведущихъ въ садъ. А садъ, степной, глухой,
Идетъ, темнѣя, въ сумракъ лѣтней ночи,
По скату къ балкѣ. Въ небѣ, на востокѣ
Краснѣетъ одинокая звѣзда.

«Дай, мамочка. . .» Она съ улыбкой нѣжной
Беретъ худое личико: — «Что милый?»
— «Вонъ ту звѣзду...» — «А для чего?» — «Играть...»

Лепечутъ листья сада. Тонкимъ свистомъ
Сурки въ степи скликаются. Ребенокъ
Спитъ на колѣнѣ матери. И мать,
Обнявъ его, вздохнувъ счастливымъ вздохомъ,
Глядитъ большими грустными глазами
На тихую далекую звѣзду. . .

Прекрасна ты, душа людская! Небу,
Бездонному, спокойному, ночному,
Мерцанью звѣздъ подобна ты порой!

БѢЛЫЙ ОЛЕНЬ

Бѣдетъ стрѣлокъ въ зеленые луга,
Въ тѣхъ ли лугахъ осока да куга,
Въ тѣхъ ли лугахъ все чемѣръ да цвѣты,
Вешней водою низы налиты.
— БѢЛЫЙ Олень, Золотые Рога!
Ты не топчи заливные луга.

Прянулъ Олень, увидавши стрѣлка,
Конь богатырскій шатнулся слегка,
Плеткой стрѣлокъ по Оленю стебнулъ,
Крѣпкой рукой самострѣлъ натянулъ,
Да опустилась на гриву рука:
БѢЛЫЙ Олень, погубилъ ты стрѣлка!

— Ты не стебай, не стрѣлай, молодець,
Примешь ты скоро завѣтный вѣнецъ,
Въ нѣкое время сгожусь я тебѣ,
Съ луга къ веселой приду я избѣ:
Тутъ и забавамъ стрѣлецкимъ конецъ —
Будешь ты дома сидѣть, молодець.

Стану, Олень, на дворѣ я съ утра,
Златомъ роговъ освѣчу полдвора,
Сладкимъ виномъ поѣзжанъ напою,
Всѣхъ особливѣй невѣсту твою:
Чтобъ не мочила слезами лица,
Чтобъ не боялась кольца и вѣнца.

АЛИСАФІЯ

На песокъ у моря синяго
Золотая верба клонится.
Алисафія за братьями
По песку морскому гонится.

— Что-жъ вы, братья, меня кинули?
Гдѣ же это въ свѣтѣ видано?
— Покорись, сестра: ты батюшкой
За морского Змѣя выдана.

— Воротитесь, братья милые!
Хоть еще разъ попросаемся!
— Не гонись, сестра: мы къ мачехѣ
Поспѣшаемъ, ворочаемся.

Золотая верба по-вѣтру
Во всѣ стороны клонила.
На сырой песокъ у берега
Алисафія садилася.

Вотъ и солнце опускается
Въ огневую зыбь поморія.
Вотъ и видитъ Алисафія:
Бѣлый конь несетъ Егорія.

Онъ съ коня слѣзаетъ весело,
Отдаетъ ей поводъ съ плеткою:

— Дай уснуть мнѣ, Алисафія,
Подъ твоей защитой кроткою.

Легъ и спить, и дрогнетъ съ холоду
Алисафія покорная.
Тяжелѣтъ солнце рдяное,
Стала зыбь къ закату черная.

Закипѣла она пѣною,
Зашумѣла, закурчавилась:
— Встань, проснись, Егорій-батюшка!
Шуму на-морѣ прибавилось.

Поднялась волна и на-берегъ
Шибко мчитъ глаза змѣиные:
— Ой, проснись, — не медли, суженый,
Ни минуты ни единыя!

Онъ не слышитъ, спить, покоится.
И заплакала, закрылася
Алисафія — и тяжкая
По щекѣ слеза скатилася,

И упала на Егорія
На лицо его, какъ олово.
И вскочилъ Егорій на ноги,
И срубилъ онъ Змѣю голову.

Золотая верба, звѣздами
Отягченная, склоняется,
Съ нареченнымъ Алисафія
Въ Божью церковь собирается.

VIII. 12

ПОТОМКИ ПРОРОКА

Не мало царствъ, не мало странъ на свѣтѣ.
Мы любимъ тростниковые ковры,
Мы ходимъ не въ кофейни, а въ мечети,
На солнечные тихіе дворы.

Мы не купцы съ базара. Мы не рады,
Когда вступаетъ пыльный караванъ
Въ святой Дамаскъ, въ его сады, ограды:
Намъ не нужны подачки англичанъ.

Мы терпимъ ихъ. Но ни одежды бѣлой,
Ни бѣлыхъ шлемовъ видѣть не хотимъ.
Написано: чужому зла не дѣлай,
Но и очей не подымай предъ нимъ.

Скажи привѣтъ, но помни: ты въ зеленомъ.
Когда придутъ, гляди на кипарисъ,
Гляди на лазурь. Не будь хамелеономъ,
Что по стѣнѣ мелькаетъ вверхъ и внизъ.

VIII. 12

Шипить и не встаетъ верблюды,
Ревуть, урчатъ бока скотины.
— Ударь ногой. Уже поють
Въ разсвѣтъ аломъ муэззины.

Стамбуль жемчужно-сѣръ вдали,
Отъ дыма сизо на Босфорѣ,
Въ дыму выходятъ корабли
Въ сѣдое Мраморное море.

Дымъ смѣшанъ съ холодомъ воды,
Онъ пахнетъ медомъ и ванилью,
И вами, бѣлые сады,
И кизякомъ, и росной пылью.

Выносить красный самоваръ
Грекъ изъ кофейни подъ каштаномъ,
Барановъ гонять на базаръ,
Проснулись нищіе за ханомъ:

Пора итти, глядѣть весь день
На зной и блескъ, и все къ востоку,
Гдѣ только птицъ косая тѣнь
Бѣжить по выжженному дроку.

VIII. 12

СУДНЫЙ ДЕНЬ

Въ щитъ золотой, висящій у Престола,
Копьемъ ударитъ ангелъ Израфилъ —
И саранчей вдоль сумрачнаго дола
Мы потечемъ изъ треснувшихъ могиль.

Щитъ загудитъ — и Ты возстанешь, Боже
И тѣнь Твоя падеть на судный долъ,
И будетъ твердь подобна красной кожѣ,
Повергнутой кожевникомъ въ разсолъ.

8. VIII. 12

НОВАБРЬСКАЯ НОЧЬ

Туманъ прозрачный по полямъ
Идетъ навстрѣчу мнѣ,
Луны касаясь по краямъ,
Мелькая въ вышинѣ,
Въ поляхъ не мало бороздъ, ямъ,
Невидныхъ при лунѣ.

Что тамъ? Не рѣчки ль полоса?
Нѣтъ, это зелена.
Блестить холодная роса
На гривѣ у коня —
И дышать ладаномъ лѣса,
Раскрытые до пня.

8. VIII. 12

ЗАВЪСА

Такъ говоритъ Господь: «Когда, Мой рабъ любимый,
Читаешь ты Коранъ среди враговъ Моихъ,
Я раздѣляю васъ завѣсою незримой,
Зане смѣшонъ врагамъ Мой сладкозвучный стихъ.»

И сокровенныхъ чувствъ и тайныхъ мыслей много
Отъ васъ я утаилъ. Никто моихъ путей,
Никто моей души не знаетъ, кромѣ Бога:
Онъ самъ насъ раздѣлилъ завѣсою своей.

8. VIII. 12

РИТМЪ

Часы, шипя, двѣнадцать разъ пробили
Въ сосѣдней залѣ, темной и пустой,
Мгновенія, бѣгущія чредой
Къ беззвѣстности, къ забвенію, къ могилѣ,

На краткій срокъ свой бѣгъ остановили
И вновь узоръ чеканятъ золотой:
Завороженъ ритмической мечтой,
Вновь отдаюсъ меня стремящей силѣ.

Раскрывъ глаза, гляжу на яркій свѣтъ
И слышу сердца ровное бѣенье
И этихъ строкъ размѣренное пѣнье
И мыслимую музыку планетъ.

Все ритмъ и бѣгъ. Безцѣльное стремленье!
Но страшень мигъ, когда стремленья нѣтъ.

9. VIII. 12

Какъ дымъ пожара, туча шла.
Молчала старая дорога.
Такая тишина была,
Что въ ней былъ слышенъ голосъ Бога,
Великій, жуткій для земли
И внятнѣй не земному слуху,
А только внемлющему духу.
Жгло солнце. Блекля, въ пыли,
Сврѣли травы. Степь роняла
Беззвучно зерна — рожь текла
Какъ бы крупинками стекла
Въ суглинокъ жаркій. Тонко, вяло,
Съдыя крылья распустивъ,
Птенцы грачей во ржи кричали.
Но въ духотѣ песчаныхъ нивъ
Терялся крикъ. И выросли
На югѣ тучи. И листва
Ветлы, склоненной къ ихъ подножью,
Вся серебристой мѣла дрожью —
Въ грядущемъ страхъ Божества.

10. VII. 12

ГРОБНИЦА

Глубокая гробница изъ порфира.
Клоки парчи и два крутыхъ ребра.
Въ костяхъ руки — желъзная сѣкира,
На черепѣ — вѣнецъ изъ серебра.

Надвинуть онъ на черныя глазицы,
Сквозить на лбу, блестящемъ и пустомъ.
И тонко, сладко пахнетъ изъ гробницы
Истлѣвшимъ кипарисовымъ крестомъ

10. VIII. 12

СТЕПЬ

Синій воронъ отъ падали
Алый клювъ поднималъ и глядѣлъ.
А другіе косились и прядали,
А кустарникъ шумѣлъ, шелестѣлъ.

Синій воронъ пьетъ глазки до доушка,
Собираетъ по косточкамъ дань.
Сторона-ли моя, ты сторонущка,
Вѣковая моя глухомань!

21. IX. 12

СОДЕРЖАНИЕ:

	Стр.
Крикъ	7
Смерть	15
Снѣжный быкъ	26
Древній человѣкъ	30
Сила	43
Хорошая жизнь	58
Сверчокъ	90
Ночной разговоръ	104
Веселый дворъ	134
Игнатъ	182
Захаръ Воробьевъ	223
Стихотворенія	243